

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE

STUDIES AND TEXTS

volume 4

Н. В. РЕЗНИКОВА

ОГНЕННАЯ ПАМЯТЬ

ВОСПОМИНАНИЯ О АЛЕКСЕЕ РЕМИЗОВЕ

Berkeley, 1980

ОГНЕННАЯ ПАМЯТЬ

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 4

edited by

Lazar Fleishman *Jerusalem*
Robert P. Hughes *Berkeley*
Simon Karlinsky *Berkeley*
John E. Malmstad *New York*
Olga Raevsky-Hughes *Berkeley*

BERKELEY, 1980

Н. В. РЕЗНИКОВА

ОГНЕННАЯ ПАМЯТЬ

ВОСПОМИНАНИЯ О АЛЕКСЕЕ РЕМИЗОВЕ

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES

Berkeley, 1980

Grateful acknowledgement is made to The Julia A. Whitney
Foundation for making this publication possible.

©1980 by Natalie Reznikoff

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

ISBN 0-933884-14-1

INTRODUCTION

Alexey Remizov lived a long life. A close friend of Lev Shestov and of Alexander Blok, he had personal ties with most of the important figures of the Russian cultural renaissance of the early twentieth century.

A complex personality for whom the acute awareness of the suffering of a man or a beast was an ever present reality, and who at the same time was full of mischief, always ready for a practical joke; a helpless nearsighted man who spoke of crossing a street as a heroic feat; a man, apparently, totally dependent on his friends and benefactors, but capable of protecting his way of life and his work from even solicitous intrusions; a meticulous chronicler of everyday life, and the creator of a fantastic dream world, Remizov remains a puzzle for many readers.

He began writing at an early age, and his first published work appeared just after the turn of the century. It is Dostoevsky, with his acute perception of pain and an ability to penetrate into the dark recesses of the human mind, who is perhaps the most obvious source of Remizov's poetic sensibility. He was very much a part of the Symbolist movement and, although he did not have a wide audience, his work was highly valued in the literary circles of the time. His influence—like that of his younger contemporary Andrey Bely—on later Russian prose was enormous.

Although Remizov's first book, *Sunwise (Posolon')*, is a book of stylized folk tales, during the pre-revolutionary period he wrote principally in the genres of story and novel. At the end of

his life, however, assessing his art as a whole, Remizov spoke of himself as a “singer of songs” rather than as a storyteller: “I did not become a novelist, my [novels] are a kind of a litany and a eulogy, but not entertaining winter reading [...] It is easier for me to speak in my own voice [...] because it is natural for me to sing.”

In his later years—aside from folk legends retold in his own way and dreams of which there are several books—Remizov developed a hybrid genre of a chronicle where a variety of small forms is included. Here documents neighbor with fiction; the author’s thoughts about life and literature are placed side by side with comical scenes; and, in keeping with his view that there are close ties between dream and reality (he speaks of “a splashing of dream over into reality”), descriptions of everyday occurrences intermingle with dreams. A frequent form in the mosaic of a chronicle is the “obituary,” where the deceased is often addressed directly. This reflects one of the central concerns of Remizov’s art, that of memory. Not simply reminiscing, but re-creating, reviving by means of his creative memory, and not only his own life or the life of his friends, but the events, words, documents, and through them the times and life gone by. In his writings Remizov “remembers” himself as a participant in events long past. As he writes in his autobiographical *With Clipped Eyes (Podstriżennymi glazami)*: “To write a book of ‘knots and twists’ [of one’s memory] is more than to write one’s own life dated according to a birth certificate ...”

Remizov’s range as a writer is enormous. It is not surprising that memoirs about Remizov, like the critical appreciations of his work, are contradictory. This fact only demonstrates the complexity of his personality and of his art. More often than not, readers who appreciate Remizov the author of stories and novels have no enthusiasm or understanding for the author of fairy tales, legends, dreams, or the idiosyncratic autobiographical chronicles.

His primary concern was language—to *hear* and to *see* the written word. Possessing considerable graphic talent and a penchant for calligraphy, Remizov was attracted by the visual form of old texts, and in his own writing he reproduced and experimented

with antique scripts. His numerous drawings on the subjects of his books or illustrations of his dreams are often essential for the comprehension of his verbal art. But more than the visual representation of the actual form of the old text, it was the language itself—the words and, most of all, their order—that was his passion. In his preoccupation with language, Remizov has a pronounced affinity with Gogol and Leskov, his acknowledged teachers and predecessors, both with a strong predilection for the spoken modes of Russian.

It is almost a commonplace of Russian criticism to term his language difficult, nearly incomprehensible. Remizov indeed studied sixteenth and seventeenth century documents as a source of Russian spoken “modes” before literary Russian experienced the overwhelming domination of the nineteenth-century schoolmaster’s syntax (and the features of spoken Russian are quite pronounced in his language), but, he insisted, he did not attempt to restore or reconstruct the Russian of pre-Petrine times: “I do not want to resurrect anybody’s style. I follow the natural movement of Russian, and as a Russian from Russia I am creating my own.”

Remizov often complained that he was little read and appreciated. No doubt he is a writer’s writer and hardly popular with a wide audience, the absence of which he lamented, but he never demeaned himself by courting his reader. He was annoyed by the recurrent suggestion that he simplify his language and write in a way comprehensible to an “average” reader: “It is better to perish than to turn out average. During my entire life as a writer [...] I had only one aim and one intention: to perform verbal pieces the way a musician performs music on his instrument.” One cannot imagine Remizov suddenly becoming a “popular” writer, even though he always had a faithful if limited audience that included some of his most illustrious contemporaries.

From 1921 and until his death in 1957 in Paris, Remizov lived in emigration. After leaving Russia he published forty-five books, among them, in my opinion, the two most significant of his entire oeuvre, *Russia in a Whirlwind* (*Vzvizrennaja Rus’*) and *With Clipped Eyes*. At the end of his life he wrote: “I lived a full and

enviable life. Consider that I write, read and draw only for my own pleasure and do nothing that is mandatory, or is forced on me. At the same time, my life was difficult—like steep stairs. For those who are used to ‘on time’ and ‘like other people’—it is better not to peek into those abysmal pits; it is hell for their eyes.”

The output of Remizoviana for the centenary of his birth and the twentieth anniversary of his death clearly indicates that not only has he not been forgotten, but that there are changes in the general reader’s attitude as well as in literary scholars’ interest in his work. 1977 saw the republication of his *The Fire of Things* (*Ogon’ veščej*, YMCA Press), originally published in 1954 and long out of print; and the publication of Natalya Kodryanskaya’s *Remizov in His Letters* (*Remizov v svoix pis’max*, Paris), a part of the voluminous correspondence of the postwar years. The following year the long-awaited volume of Remizov’s selected prose (*Izbrannoe*, Moscow, 1978) came out in the Soviet Union; and a bibliography of his works appeared in Paris (*Bibliographie*, Institut d’Études Slaves, Paris, 1978), a volume of immense value to any student of Remizov. The double anniversary was also celebrated in the émigré press. The major Russian newspapers in Paris and New York, *Russkaya Mysl’* and *Novoe Russkoe Slovo*, devoted several pages to Remizov on this occasion. The oldest émigré “thick” journal, the *Vestnik Russkogo Khristianskogo Dvizheniia* (No. 121, 1977), published, among other Remizov materials, a long chapter from Natalya Reznikoff’s memoirs entitled “Alexey Remizov in Paris.”

Several other chapters of her reminiscences had been appearing in Russian émigré periodicals since 1962. Reading them was always a satisfying experience, as if a glimpse of the “real” Remizov had been caught; at the same time, the reader was left with the feeling that the author had more to say on the subject. Now that we can read Mrs. Reznikoff’s book in its entirety, the intuition is proved to be correct.

It is a significant contribution to the memoir literature about Remizov the man and the artist. In part this is due to the memoirist’s vantage point. Beginning in the early ’twenties in Berlin, Mrs. Reznikoff herself, like her mother and her sisters, was a close friend of Remizov and his wife. The amicable relation-

ships grew through the years. In one respect this book is a chronicle of over thirty years of friendship between the author and her family and the Remizovs. Many previously unknown details and facts about Remizov's life are recounted. The story of the Remizovs' daughter, Natasha, is fully related here for the first time. The tragic complexity of this family situation explains much in Remizov's character and behavior and in his relations with his wife. The book also includes the author's conversations with the aging writer about Russian literature and Russian writers and about his own art. Remizov's contacts with French writers and publishers, especially during the postwar years, are discussed in considerable detail. So is the story of her own translations of his texts into French. (Mrs. Reznikoff's translation of *With Clipped Eyes* came out shortly after Remizov's death.) In this connection there is included here a previously unpublished letter from Boris Pasternak to the author in which the poet advances some of his ideas on translating. The book also presents a detailed account of Remizov's working habits during his final years. His life is chronicled to the very last moment.

Natalya Viktorovna Reznikoff comes from a background that makes her especially receptive to Remizov's art and that contributes to an understanding of his character and personality. Some apparently minor biographical coincidences emphasize the congeniality. *Sunwise*, Remizov's first and in many ways most remarkable book, the author encountered at the age of ten; many pages of the book she knew by heart at an early age. This perhaps trained her ear for a later appreciation of Remizov's prose, just as painting lessons in her youth made her receptive to Remizov's graphic art. Her mother, Olga Eliseyevna Kolbasin Chernov, was one of the first readers to appreciate in manuscript Remizov's *The Clock* (*Časy*); it was to be serialized in *People's Action* (*Delo Naroda*), her husband Victor Chernov's newspaper, which however was closed before the novel was published. This does not exhaust the "pre-historic" crossing of paths of the Remizovs and the family of Mrs. Reznikoff; his first original work had appeared in 1902 in a Moscow newspaper *The Courier* (*Kur'er*) with the help of the well-known writer Leonid Andreyev, whose son Vadim later married Natalya Reznikoff's twin sister Olga. All these co-

incidences are indicative of the general similarity of the background of the two families. In Mrs. Reznikoff's case it was a matter not only of devotion on a purely personal and human level, but also of an intelligent appreciation of Remizov's art, and during the last decade of his life of an active, almost day to day participation in his work.

Although Mrs. Reznikoff undoubtedly had a store of memories of her own about the Remizovs, she was helped in her work not only by their letters, notes and diaries, but also by the collective memory of her remarkable family. The mother, a writer and journalist, was an early admirer of Remizov's prose. Her three daughters, Natalya, Olga and Ariadna, in some ways took the place of the Remizovs' missing daughter (she was the same age as the twins). Literary talent and interests continued in this as well as in the following generation. The sisters translated Remizov's prose into French; many years later Olga wrote valuable memoirs about their childhood and the years of the Revolution in Russia. The husbands of the sisters wrote prose and verse, with Vadim Andreyev, Olga's husband, the most prominent among them. As the author and her sisters got married, their husbands and eventually their children, like the members of the preceding generations, acquired Remizovian nicknames and became a part of the friendly circle around the writer and his wife. The only girl in that generation, Olga Andreyev Carlisle, now a writer herself, was a goddaughter of Remizov's wife.

The whole family followed the lead of Olga Eliseyevna in taking interest in Remizov as a man and a writer. This was especially true after the Second World War and the death of Serafima Pavlovna, Remizov's wife of forty years, to whom he was exceptionally devoted and to whom he dedicated all his books. They all helped out, from financing the publishing enterprise *Oplshnik*, to reading proofs and seeing his books through the printer's where Mr. Reznikoff's expertise proved invaluable.

During the last decade of Remizov's life, Mrs. Reznikoff spent long hours working with the aging writer, whose eyesight was gradually failing. She was his translator and his secretary, answered his mail, conducted negotiations with his French publishers, read to him, wrote down his new texts and read proofs. Although

she was not by any means the only friend who helped Remizov during these years, she was one of the steady ones.

The character of the author herself—devoted, and at the same time sober and down-to-earth—exemplifies the best qualities of the Russian pre-revolutionary intelligentsia. (She was the adopted daughter of the well-known political figure, Victor Chernov, a leader of the Russian Socialist Revolutionary Party.) Mrs. Reznikoff was a close friend whose vision was not distorted by adoration. She does not overlook the weaknesses and the shortcomings of her subjects, nor does she accept the long-established view, which Remizov himself helped perpetuate, that he was never recognized or appreciated. To be sure, Remizov's writings did not attract large audiences, whether in Russia or in emigration, but Mrs. Reznikoff's book provides enough first-hand information to show that in many ways his lot was not substantially different from that of other émigré writers. Since she was a part of that émigré world herself, her judgements necessarily carry greater weight than those of any outsiders.

Memoir literature about Remizov is not scarce, but the repetitious descriptions of the Remizovs' apartment, of the striking and contrasting physical appearances of the writer and his wife, and of his often provocative behavior and practical jokes make one wonder how much is actually remembered and to what extent the memoirists depend on their predecessors or on some common first impressions. To be sure, the problem is inherent in the genre: it is not always easy to distinguish what is remembered from what is adopted from other sources. However, Mrs. Reznikoff goes far beyond "first impressions". Her perceptions were substantiated and verified through years of observation and interaction. She is not only a keen observer, but also a great admirer of Remizov the writer. Her reading of Remizov began early; the years after the War, when Mrs. Reznikoff worked closely with the writer, brought a new and a deeper appreciation of his art.

No student of Remizov will be able to ignore Mrs. Reznikoff's book. It is a worthy tribute to the memory of one of Russia's most original writers of the twentieth century.

Berkeley, California
February 1980

Olga Raevsky Hughes

Автор выражает глубокую признательность Thomas P. Whitney за его поддержку и содействие, сделавшие возможным выход этой книги.

ОГНЕННАЯ ПАМЯТЬ

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Алексей Михайлович любил океан. Он часто писал об этом и вспоминал, как, очутившись в первый раз на океане, он почувствовал, что здесь он у себя: память какой-то прежней жизни?

В последние годы А. М. плохо видел и жил почти затворником. Когда я летом уезжала к морю, он говорил: "посмотрите за меня на океан вашими глазами".

Именно на океане, на острове "Долерон"¹, в мае 1943 года мы получили известие о смерти Серафимы Павловны Ремизовой. Всегда бережный, боясь неожиданно испугать нас (мою мать, сестер и меня), А.М. написал на имя моего зятя: "13.V.1943. Ночь. Дорогие Ольга Елисеевна, Оля, Наташа, Аука, Вадим. Сегодня вечером померла Серафима Павловна в больнице против нас. Вчера ее отвезли. Она так ждала вас, что приедете и если б были, ей было б не страшно. И не дождалась. А. Ремизов".

На следующий день мой муж был у него на квартире и потом на отпевании в церкви. А.М. казался спокойным, был тих и точен в движениях, преодолевая крайнее изнеможение и усталость.

30. V. 1943. – Дорогая Наташа. Спасибо. А вчера был Д.Г. и только что вышел, принесли посылку. Сегодня я поднялся рано, сегодня панихида в нашей церкви по соседству, с объявлением в газете. Было такое блестящее утро, как в день похорон. Я сидел на кухне за вашим кофеем, в глазах еще не погасла мертвецкая, я полуслепой, но моя память (зрительная) неизгладима. Пошел дождь, и глазам стало спокойней. И в церковь я вышел рано, все боялся опоздать. Потом стоял во дворе: пение слышно – еще ведь Пасха. И за панихидой, по моей просьбе, пели пасхальное 'Ангел вопиаше Благодатней'. Все собираю и порядок делаю, много приходится ходить, и в мэрию и в префектуру. Может, на этой неделе кончу.

Д.Г. спрашивал, как было на кладбище.

Что-то было – совсем без всякой тьмы и могила – не яма – Оболенский бросил русскую землю: из Таврического сада, а я последнюю розу и опять 'Христос воскрес'. А вернулись домой – Нина Григорьевна, Оболенский, Костанов – блины мне прислал Ростик, его жена блинчики умеет печь. Помянули.

Ольга Елисеевна, Оля, Аука, Вадим, Бронислав!

Алексей Ремизов.

¹ Французский остров на Атлантическом океане: île d'Oléron, где мы провели военные годы (1940–1945).

Зиму и весну 1943 года Ремизовы прожили в страшных условиях Парижа в немецкую оккупацию. Есть было нечего, дома не отапливались, зимой замерзали трубы, часто гасло электричество. Серафима Павловна стала тяжело болеть. Она была очень полная, ухаживать за ней было трудно. А.М. выбивался из сил.

За три месяца до смерти С.П. мой муж посетил их:

В воскресенье я был у Ремизовых. Я не представлял себе в какой бедноте они живут. С беднотой и болезнью С.П., которая почти не встает, а когда встает, то передвигается с трудом, все пришло в запустение. Убирать некому. Ал.М. делает больше чем может. В комнате С.П., как в комнате старьевщика: хлам, пыль, грязь, запах мочи.

Я принес им чаю и А.М. тотчас же пошел на кухню готовить чай; он принес грязный чайник и совсем грязные чашки, которые по всей видимости он давно уже не мыл – горячей воды нет – а только полоскал в холодной, да и то не всегда. Он не пил чаю уже много месяцев (пил тизан). От чаю и папиросы у него закружилась голова. Он почти ничего не пишет, из-за недостатка времени и холода. Но вопреки беде, в которой они живут, Ал.М. и С.П. были очень рады мне и, может быть, изо всех визитов моих к ним этот был самым близким и человеческим.

У Ал.М. на стене я увидел поразивший меня рисунок его – голова карлика Ивашки, жившего при царе Алексее Михайловиче, при дворе. Во время моровой язвы в 1659 г. Палаты были оставлены, все уехали, и в них остался Ивашка один, с приказом кормить четырех царских попугаев. Попугаям был выдан корм, а про Ивашку забыли и он двадцать недель питался вместе с попугаями, их снедью. Рисунок изображает Ивашку (лицо), который смотрит в окно. В лице его и глазах – тоска одинокого зверя, тоска по людям, предельное одиночество, грусть и примиренность с судьбой – все это поразительно. В этом рисунке Ал.М. удалось то, что удается в самых лучших коротких и пронзительных его вещах. Ал.М. попросил меня продать кому-нибудь этот рисунок, также как и другие, и я конечно взял его себе. Он, узнав, что я хочу для себя, стал отказываться от денег. Я заплатил и сказал ему в утешение: карлик Ваш, Ал.М., пойдет жить ко мне. – Ну и хорошо, ответил он, у Вас ему будет не плохо.

Если у вас есть лук, пошлите им. Да, С.П. просит прислать ей карточки детей. Вообще пиши ей чаще, т. к. из-за болезни она особенно рада письмам. Их сейчас почти никто не посещает, кроме старых и измученных женщин. В Париже очень холодно...

До смерти С.П., А.М. писал письма главным образом по делу, вся переписка и все отношения с людьми шли через нее.

С этой весны наша переписка с А.М. не прекращалась. Отвечая на каждое письмо или посылку, А.М. писал нам короткие записки на бумаге с черной каймой. Часто речь шла о чем-то бытовом, но вся жизнь А.М. в опустевшей квартире отражалась в этих строчках. Полугодный, в нетопленных комнатах, он не мог согреться, но, прео-

долевая постоянную дремоту, теперь он лихорадочно работал. Много месяцев, ухаживая за больной женой днем и ночью, А.М. почти вовсе не спал и не мог писать. Теперь он писал – воспоминания о Вологде, о своей встрече с С.П. и о ее последних днях (*В розовом блеске: "Сквозь огонь скорбей"*; *Мышкина дудочка*). Его занятия прерывались частыми "алертами" (сигнал воздушной тревоги).

2. II. 1944 – Дорогая Наташа! Спасибо, сыр получил. Вчера достали яблоков – это мой сегодняшний корм. Совсем простужен. С вечера трясет и до ночи. Радиатор – мало и только в кукушкиной и не все время. Вот почему. Отделяваю 'Чаромутие'. Сегодня помешал алерт. Мешает и то, что нет спичек, приходится ходить на кухню, от газу беру огонь. А на воле первые весенние дни.

Алексей Ремизов.

Каждая строчка пронзительна – в жизни А.М. так говорил. Голос его был тихий и ровный и звучный, ни одного потерянного, смазанного слова или слога. Сказанные слова жили, и произнесенная фраза в своей простоте и сжатости звучала крепко. Впоследствии мне пришлось видеть А.М. во все часы дня и ночи, во время бодрствования и сна, болезни и здоровья, оживления и покоя, волнения, упадка сил, – до последних минут жизни. А.М. никогда не изменил себе: голос его – хотя бы и слабый во время болезни – был всегда ровен, точные слова выговаривались тихо и крепко. Так А.М. думал и переживал.

В месяцы, последовавшие за смертью С.П., А.М. раздаривал друзьям, любившим ее, все, что осталось от нее: осколки их прежней жизни. Коллекцию бисерных изделий, ожерелья, чарку гетмана, маленькие вещицы, страусовое яйцо, лиловую тальму "любимой бабушки", старинную шаль, кусочки парчи, "заветное" – иконы, предметы имевшие особенное значение или хранимые с детства, – все, что когда-то обрамляло особенный ремизовский мир.

До войны в квартире Ремизовых поражала торжественность и особенная тишина, ритм установленного быта, приема гостей. На полках стояли книги, обернутые цветной бумагой, стены украшены какими-то удивительными вещами, развешанными с большим декоративным чувством. В квартире везде были порядок и чистота.

Снаружи, к входной двери был прикреплен кнопкой голубой или зеленый кусочек бумаги с надписью, тщательно выведенной рукой А.М.: "висит зеленое и поет", а на свитой зеленой шерстинке, никелевая монетка с дырочкой. Бывало, что дети срывали монетку; А.М. деловито и терпеливо подвешивал новую.

Гости приходили вечером. Иногда дверь открывала С.П., величественная, нарядная в цветном платье. Встречала с улыбкой и лаской. После долгих поцелуев и приветствий вводила по коридору в "кукушкину" комнату, где за письменным столом занимался А.М. Продолжая возиться и перебирать бумаги, А.М. здоровался так, точно он только что расстался с вами. — Ну, рассказывайте! — Или сам сообщал что-то о чем-то или о ком-то, как будто бы вам все известно и он продолжает прерванный разговор. А.М. смотрел на вошедшего через круглые очки, улыбался, с ласковой внимательностью вглядываясь в лицо посетителя и создавая впечатление, что именно этот гость ему интересен и важен. Усаживал гостя против себя. А.М. сидел в своем кресле за письменным столом из простого дерева, раскрашенным красной и черной тушью, и обыкновенно рисовал. На столе в определенном порядке стояли нужные и привычные вещи — чернильница, календарь, коробка с папиросами, большой коробок спичек, ручки, перья, карандаши, пресс-папье. Под лампой — Фейерменхен, матерчатый человечек, гном или клоун (очень старая дама скажет: "паяс"), в черном колпачке, с грустным и ласковым взглядом. Фейерменхен — дух огня, от него свет и тепло. Одна или две книги с вложенными бумажками-закладками, папки с различной бумагой, рукопись, тетрадь.

На стене над изголовьем узкого дивана, на котором спал А.М., тикали часы: деревянная кукушка выходила из домика и куковала, отсчитывая свое, кукушкино время. Возле нее, на фоне золотой бумаги — Эспри. Это сухая веточка, напоминающая фигурку человека с привязанной на шнурке гладкой шишкой. Эспри был найден в ящике с дровами. По комнате, между столом и потолком, протянуты две бечевки, идущие к углу. Когда-то, в Петербурге, в углу помещался паук, к нему шли игрушки, подвешенные на нитках, паук ел их. Разные звери, пражские пестрые человечки, деревянное красное сердце из Германии, клешня, носатая птица, символическое и колдовское: рыбы скелеты — при их помощи шаманы вызывали бурю, тибетское ожерелье — подарок Рериха, веточки, тонкие косточки.

После приветствий, короткой беседы и обмена новостями, А.М. проходил на кухню, ставил чайник. Сам заваривал крепкий душистый чай и укутывал чайник красно-рыжим колпаком. Все делалось чинно, по правилам, не спеша. С царственной улыбкой С.П. приглашала к столу, уставленному чашками, печеньем, сладостями. Нам, "девочкам", давалась "конурка" — коробочка, куда складывались конфеты, орехи, миндаль, пастила. С.П. умела и любила угощать.

После чая "своих" гостей С.П. звала к себе, в "Серафимы-Пав-

ловнину комнату”. В углу, перед иконами горела лампадка, освещающая розовым светом бисер, развешанный по стенам. Большая часть бисера вывезена из родного дома Серафимы Павловны Ремизовой, урожденной Довгелло (литовский дворянский род). Мать ее – Самойлович, они потомки гетмана. Бисерные изделия – искусная работа бабушек, теток, крепостных девушек: тончайшее рукоделие иглой или крючком: кошельки (“бисерные кошельки” в сказке из *Посолони*), картинки, шкатулка, чубук. На полках русские классики и пособия по палеографии (Тихонравов, Срезневский). На кресле вязание, С.П. вязала красивые цветные одеяла из шерсти. С.П. рассаживала гостей вокруг своего кресла и начинался задушевный разговор.

Потом переходили в “кукушкину”. А.М. продолжает заниматься, но следит за разговором, выглядывает из-за бумаг и смотрит сквозь круглые очки, вставляет свое слово. Он маленького роста, сторбленный, на вид слабый, но у него большая сила в руках и крепость голоса, как будто не громкого, но всегда отчетливого и твердого.

А.М. всегда чем-то занят: или клеит обложки и обрамления из цветной бумаги – данная ему для прочтения книга возвращается в разноцветной обложке – будущие “collages”, для них он сохраняет серебро от шоколада, яркие бумажки. Чаще всего А.М. рисует. Среди его общей одаренности (слово, музыка, рисование) поражает своей оригинальностью и мастерством его графический дар.

В те годы А.М. рисовал тончайшим пером, вплетая в узоры лица, фигурки, зверей. Впоследствии, с постепенным ослаблением зрения, у него появится другая манера рисовать: уверенным росчерком толстой черты и затем выполнение подробностей и надписи тонким пером. Прежде чем начать писать, А.М. должен увидеть, т. е. нарисовать, персонажей своего повествования. Ремизовы постоянно перечитывают русских писателей, одного за другим, часто в присутствии зашедших гостей. А.М. читает вслух, подчеркивая карандашом на страницах книги то, что останавливает его внимание. Затем он рисует, изображая лица и сцены.

Утро и начало дня были посвящены работе: А.М. писал, С.П. или ходила в *Ecole des langues orientales* (Школу восточных языков), где она читала лекции по русской палеографии, или занималась, подготавливая лекции. Она начинала утро с чтения Евангелия.

Гости “допускались” только с пяти часов вечера. По вечерам А.М. выходил из дому очень редко. Иногда Дягилев, Прокофьев, Кузевитский присылали билеты в оперу. С.П. ходила ко всеобщей, в гости или по делам. В ее отсутствие А.М. сам открывал дверь гос-

тям, усаживал возле себя, разговаривал и шутил, внимательно о чем-нибудь расспрашивал. Потом приходила С.П., делилась впечатлениями, говорила горячо и часто волновалась. "Злая жизнь, с ее мятежным жаром" врывалась и к ним. А.М. успокаивал С.П. как умел. Вопрос материального существования стоял остро, денег всегда не хватало.

(Вопрос материального существования эмиграции в 20-х–30-х годах был очень труден. Много женщин мужественно работало в "кутюр"², мужчины "за рулем" или "на Рено". Положение интеллигенции и писателей было тяжелое, для них часто не находилось применения. Писателей и поэтов было много – страниц для печатанья очень мало. Отсюда возникало между писателями чувство ревности, обиды, обиденности. Писателей, какими были Ремизов и Цветаева, печатали время от времени, неохотно. Редакторы сознавали их величину и значение, но все же шли навстречу вкусу среднего читателя.)

С.П. болезненно воспринимала отношение некоторой части эмиграции, близкой к редакциям журналов, где А.М. не печатали или печатали редко из-за его непонятности для среднего читателя или непринадлежности к тем или иным группировкам политического характера.

С.П. наконец успокаивалась, беседа входила в мирное русло. Начинались шутки и смех. А.М. всегда отмечал смешное: неожиданная, смешная сторона жизни его привлекала. "Веселость духа" – говорил он о Чехове, причисляя себя к людям и писателям, которым свойственен этот смех, отклик на непосредственно смешное.

За беседой А.М. рисовал и подписывал "обезьяньи грамоты", которые даровались новым кавалерам обезьяньего знака "Обезьяньей Великой и Вольной Палаты" (Обезвелволпал), канцеляристом которой А.М. состоял более полувека. Орден был основан в Петербурге, где, по возвращении из ссылки, А.М. работал в журнале *Вопросы Жизни* и был близок с символистами. Первый обезьяний знак я увидела у моего дяди, Владимира Михайловича Чернова, знавшего Ремизова по ссылке в Вологде. Это был небольшой картонный билет с рисунком "модерн" (как и все графическое искусство Ремизова): рожица, вписанная в треугольник, рисунок подкрашен зеленым. Дядя сказал мне, что это знак тайного "обезьяньего" ордена. Он вызвал во мне большое любопытство, но ничего не объяснил.

² От фр. *couture*, работа в модных мастерских.

В своих воспоминаниях (*Дневник моих встреч*) Юрий Анненков пишет:

За мой портрет я был удостоен Ремизовым ордена 'Обезьянней Великой и Вольной Палаты' – 'Обезвелволпал'. Рассказывая это, я раскрываю неговоримое, так как 'Обезвелволпал' был 'обществом тайным' и знак... выдавался с большим разбором (!) и большой осторожностью (!!), а то еще, того гляди, узнают!

'Обезьянья Палата' возникла еще в 1908 году, когда Ремизов писал 'Трагедию о Иуде, принце Искаротском'. Обезьяний царь Асыка, герой этой трагедии, награждал обезьяньими знаками и ставил на них свою подпись. После постановки 'Иуды' на сцене, этим знаком, орденом были впервые награждены три режиссера: Ф.Ф.Комиссаржевский, А.П.Зонов и В.Г.Сахновский...

Теперь, с уходом А.М., стало совсем неясно, что такое "Обезьянья Великая и Вольная Палата", тем более, что и прежде, при жизни Ремизова, ее значенье было покрыто какой-то тайной, подразумевалось, но никогда не было точно определено.

Обезьянья Палата, созданная А.М., была для него, прежде всего, выходом из ограниченной трехмерности, неприятием нормальной "нормы", обязательной для человека. В этом сказывалось основное свойство душевного склада А.М.: непокорность, протест против навязанной реальности, отказ от общих истин и установленной шкалы ценностей.

Надо также сказать, что в жизни Ремизова игра, шутка, выдумка занимали большое место. Придуманый им "неправдошный", "непохожий" мир Обезьянней Палаты давал богатую тему его творческой фантазии.

Обезьянья Палата не имела отношения к настоящим, живым обезьянам, да А.М. и не любил их. Он брал их только символом свободы, своеволия и неподчиненности человеческим правилам и нормам. Обезьянья Великая и Вольная Палата была открыта для людей, способных в жизни глубоко и бескорыстно интересоваться, творчески любить и переживать что-то, выходящее из строя повседневных интересов, дел и нормальных занятий, приводящих к нормальной цели. Люди становились друзьями Ремизовых и принимались в Обезвелволпал по тому же самому признаку: влечению к чему-то необычному, оригинальному, "бесполезному". В Палату входили не только художники, писатели, поэты, музыканты, но вообще люди, способные увлекаться и любить до забвения себя и своих интересов все равно что: музыку, искусство, какую-нибудь деятельность, коллекционерство и даже такое, что в глазах нормальных людей – просто чуда-

чество. В Палату А.М. охотно принимал детей. Он относился к детям с внимательной нежностью и любил их именно за то, что их отличает от взрослых. Рисунки детей, похожие на рисунки взрослых, вызывали у А.М. мучительное чувство.

Обезвельволпал возглавлялся обезьяньим царем Асыкой. Царь Асыка – невидимый, но его портрет известен, и обезьяньи грамоты он подписывал "собственнохвостно". Сам А.М. занимал в Палате место "канцеляриуса". Вновь принятому кавалеру вручалась грамота с каким-нибудь знаком: "кукушкиным яйцом", "куньими лапками".

Старейшие князья обезьяньи – А.Блок, А.Белый, П.Е.Щеголев, Я.П.Гребенщиков, Л.И.Шестов, Р.В.Иванов-Разумник, Е.И.Замятин (Замутий). Горький, при получении грамоты, был в восторге. "Пешковы – стали князьями!" – говорил он смеясь.

Существовали зауряд-князья, кавалеры. Надо сказать, что Палата была открыта довольно широко; иногда поговаривалось о том, что не худо бы произвести "чистку", так как первоначальное значение ордена со временем забывалось...

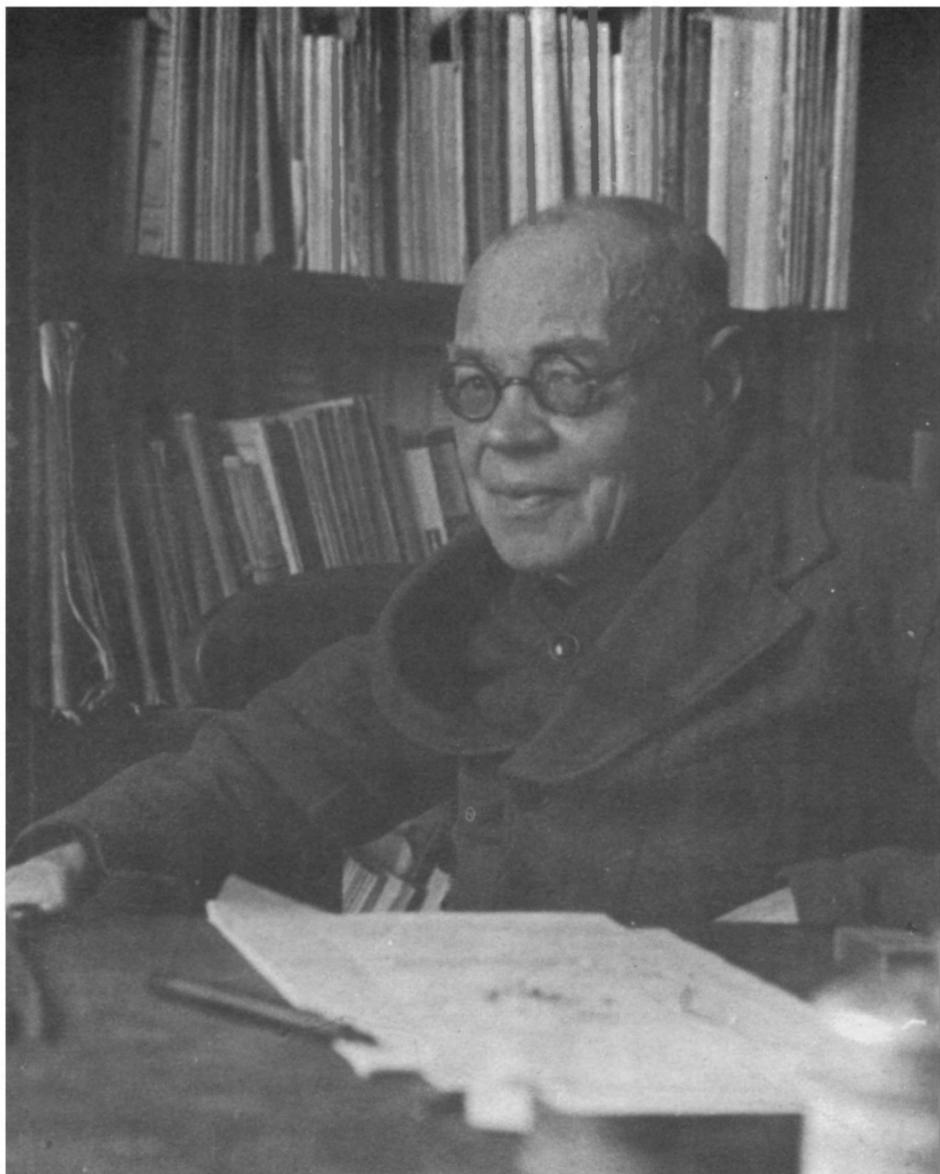
Грамота выписывалась тщательно, выглядела красиво. На ней были указаны имя и звание кавалера, степень его и знак, с которым он принят, плата за расходы. Плата вносилась кто чем мог: рисовальная бумага, альбомы, цветные бумажки, семга, редкая книга, помещение рассказа в каком-нибудь журнале, усердие и старание. Сбоку обезьянья печать, выполненная тонким графическим штрихом, с рисунком, часто можно было различить портрет кавалера и канцеляриста. Затем следовали подписи князей и кавалеров с обозначением их чина и знака: Музыкант и куафер обезьяний, Стрекоза, она же Нонн (монахиня), Князь-Епископ (Б.К.Зайцев), Эмир обезьяний (востоковед Никитин), Полпред Баскский, Великий Муфтий (И.А. Бунин) и росчерк: "собственнохвостно царь обезьяний Асыка".

"Обезвельволпал в которой Ремизов, полвека, с открытия палаты держится в должности обезьяньего канцеляриста..." (2.III.1957 г. *Юбилейная книга писем*). "На Иван Купала, 24 июня 1957 исполняется 80 лет А.Ремизову. Обезьянья Великая и Вольная Палата, "канцеляристом" которой палаты Ремизов держится полвека, со дня основания, по этому случаю выпускает книгу Ремизова – в издании *Оплешника*: две поэмы в прозе – *Тристан и Исольда* (XII век) и *Бова Королевич* (XIV век) в количестве 300 экземпляров" (74-я книга писем). 1957 г. был последним годом жизни А.М. Он умер 26-го ноября 1957 года.

Того же порядка, что обезьяний орден, было выражение, кото-

1. Алексей Михайлович Ремизов, перед войной.

2. Алексей Михайлович Ремизов, 1946 г.

3. Серафима Павловна Ремизова-Довгелло, 1926 г.

4. Наталья Викторовна Резникова.

6. Наталья Викторовна Резникова.

7. Семья Ольги Елисеовны Колбасиной-Черновой, 1937 г. Слева направо стоят: Даниил Георгиевич Резников, Наталья Викторовна Резникова, Ольга Елисеовна Колбасина-Чернова, Ариадна Викторовна Сосинская, Ольга Андреева (Карлайл), Ольга Викторовна Андреева. Слева направо сидят: Владимир Брониславович Сосинский, Андрей Резников, Вадим Леонидович Андреев.

8. «Слушает сказку». Рисунок Алексея Ремизова из собрания Thomas P. Whitney.

рое я так часто слышала от А.М. в конце его жизни: "для безобразия". Особенно, когда дело касалось убеждения или просьбы, в виде последнего довода, когда все другие доводы исчерпаны. — "Ну, для безобразия!" Иначе говоря — сделайте это "для безобразия". Это "безобразие" означало: просто так, "acte gratuit", для игры, для смеха и улыбки, ради выхода из повседневной, скучной "необходимости земной".

При жизни С.П. во всем существовал особый чин. Ремизовы обращались друг к другу на "вы" и по имени и отчеству. Но, кроме надписей на его книгах, подаренных С.П., сохранилась бытовая записочка, написанная С.П. перед ее уходом из дому: "Разогрей картошку, поешь...", на "ты". В приеме гостей соблюдался некоторый ритуал. Существовали запреты: курить возле икон, вести перекрестный разговор на несколько тем сразу, приходить в гости "стаями" и т. д. Это подобие этикета, отсутствие простоты, отталкивало некоторых друзей. Другие охотно попадали под тон "кукушкиной", воспринимая его как игру, имевшую смысл и значение.

По вечерам в квартире Ремизовых устанавливалась тишина. Все было подчинено особенному ритму: показывалась кукушка, куковала, мерцали лампы. Шел тихий разговор. Беседа должна вестись чинно на интересные, живые темы из жизни и литературы, не снижаясь до сплетен и пересудов. Комнаты сильно натоплены, но А.М. все же накидывает плед, жалуясь на холод.

С.П. ученая женщина, она преподает русскую палеографию в Парижской Школе восточных языков. Она не только глубоко знает, но и глубоко любит свой предмет, охотно им занимается дома, бесплатно, с желающими. Знания и память ее необыкновенны. Она знает наизусть "Демона", "Евгения Онегина" и в последние годы своей жизни выучит всего Блока. Из памятников древней русской письменности она может читать на память древние, мало кому известные апокрифы (...Змий, искусивший Еву, — не змея. Лик его был прекрасен, а голос такой, что райские птицы заслушивались его...). К С.П. обращаются ученые из разных стран для расшифровки и определения древних рукописей.

Больше всего на свете С.П. любит Россию. И знает ее прошлое. Русская история для нее — свое, как память и преданья ее родного дома (помещичий дом возле села Берестовец, Черниговской губернии). С.П. с увлечением рассказывает про свою семью и дом с его укладом и бытом. Рассказывает она удивительно: плавно, звучно и с жаром. Воспоминания ее ярки и живы.

Жизненный путь Серафимы Павловны такой: Училась в Черниговской гимназии, затем на историко-филологическом отделении Бестужевских курсов в Петербурге. Затем – Археологический институт. Учителя: И.А.Шляпкин – русский язык и С.Ф.Платонов (история). С.П. 'прошла путь русской интеллигенции', традиция Герцена – Чернышевского – Хомякова. 'Святая вера в православную Правду' (Хомякова) через революцию, которая 'спасет мир и осуществит истинное царство Христово' (Чернышевский) жертвенностью и мученичеством. И тогда в мире не будет 'душно и тесно сердцу' (Чернышевский) и 'совестно жить' (Л.Толстой). С.П. была любимая 'внучка' Бабушки Брешковской. С.П. судилась по делу социалистов-революционеров и была приговорена. Просидела год в Предварилке и 3 года в ссылке в Вологодской губернии (Усть-Сысольск, Сольвычегодск и Вологда).

(Запись А.М.Ремизова)

Чаще всего С.П. ясная, ласковая. Но бывают дни – что-нибудь ее огорчит или расстроит, и она мрачнеет, как туча. Тогда кровь гетманов сказывается в ней. А.М. старается уговорить, отвести бурю. Иногда это удается, у С.П. в характере много детского, ее легко развлечь, чем-нибудь обрадовать, отвлечь от того, что ее сердит и печалит. С.П. часто волнуется, не может стерпеть несправедливости, но ее может вывести из себя и пустяк. Душевные движения у нее сильно проявляются, она горячая и прямая, с большим темпераментом, властная и часто несправедливая. Она очень требовательна к людям и в дружбе тиранична. Но друзья ей многое прощают за ее улыбку и ясный взгляд ее светлых серых глаз, отражение детской части ее души. Она отзывчива к людям, к их беде.

С.П. глубоко религиозна. Церковные праздники, именины – для нее настоящие праздники. Пасху она переживает как событие. В своей горячей вере она нетерпима, и у нее нет смирения и кротости, даже иногда желания понять другого человека. В годы эмиграции жизнь была нелегкая, но когда во время немецкой оккупации наступит испытание – голод, холод, болезнь – С.П. будет все сносить без ропота, стойчески.

Вспоминая последние дни С.П., А.М. писал моей сестре:

1. VI. 1943. – Дорогая Оля!... За последние годы вы не узнали бы Серафиму Павловну: она была очень кроткая и покорно переносила все невзгоды. И когда издерганный в хвостах, никогда не досыпающий, я начинал бурчать, она меня останавливала:

'не роптать'.

А я действительно иногда роптал: я хотел помочь, а сил не было.

В 'Хождении Богородицы по мукам' есть про одну муку слово – про ангелов – стражей мук человеческих, лица у них стали темные от бессилия: видеть муку и не иметь сил помочь.

Я давно записался в 'мытари и грешники', для меня не стало ни Рождества, ни Пасхи, а по чувству без 'чина' присоединился к этим темноликим ангелам. За несколько дней до смерти я про это рассказал Серафиме Павловне и она унесла с собой мое слово.

Последние дни и последние ночи до жгучей боли было смотреть – у нее ничего не болело, только все тяжелее и тяжелее стало подняться, а ей хотелось встать.

В последние годы она сочиняла молитвы, записывала их. Учила наизусть стихи Блока. С особенным чувством и особенным голосом (а стихи она читала замечательно, с интонацией, взятой у Блока) она говорила стихотворение Сологуба:

Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший как дым.
Что Творцу твои страданья,
Капля жизни в море лет?
Вот, – одно воспоминанье,
Вот, – и памяти уж нет.
Но, как прежде, ясны зори,
И, как прежде, ярок свет.
Плещет море на просторе,
Лишь тебя на свете нет.
Подыши еще немного
Сладким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
А потом уйди как дым.

И было понятно, что этот воин Бога – она.

С.П. очень любила детей, делала им подарки, и не терпела насилия над детьми. Идеалы и каноны Ремизовых соответствовали идеалам русской интеллигенции – уважение к человеку, свобода, человечность. В 20-ые–30-ые годы почти повсеместно наблюдалось преклонение перед силой – сильными личностями. В Европе – фашизм, в некоторой части эмиграции – отражение этого увлечения. "И с каких это пор *интеллигент* стало бранным словом?" – говорил А.М.

"Любить человека не для себя, а ради него самого. Кто это может?" Отношения между А.М. и С.П. поражают церемонной вежливостью, внимательностью, бережной заботой и постоянным беспокойством друг о друге. Летом 1926 г. А.М. на улице попал под автомобиль. Его ушибло, а главное, он испугался. С.П. была в Виши³, у нее

³ Vichy, французский город, курорт.

была болезнь печени. В день ее возвращения А.М. просил меня купить на базаре ярких цветов, абрикосы, салатник с петухом – такое, что сразу бы привлекло внимание С.П., чтобы она, войдя в квартиру, не почувствовала сразу, что с А.М. что-то случилось. Они рассказывали вместе, как в Петербурге С.П. вывихнула руку. Доктор предписал ей движение: махать рукой. Это было больно, слезы текли из ее глаз. Она махала рукой и плакала. Тогда А.М. сказал ей, что он болен, простужен, что у него повышена температура. Встревоженная С.П. забыла о своей боли и продолжала махать кистью руки уже не плача.

А.М. всегда старался оберегать С.П. от всякого огорчения и волнения и со всем упорством своего сильного характера делал все возможное, чтобы доставить ей известный комфорт – “человеческую жизнь”. Но в эмигрантских условиях для этого было очень мало возможностей (печатали редко и платили мало). Французская элита очень высоко оценивала творчество Ремизова, отмечая оригинальность его “мира” и в особенности поэтическую сторону его произведений. Рассказы Ремизова появлялись в таких журналах, как *Commerce, Mesures, Nouvelle Revue Française*. В довоенное время несколько книг вышло в переводе: *В поле блакитном* (первая часть *Оли*), *Бурков дом* (*Крестовые сестры*) – с предисловием Ромэна Роллана. Но все это почти не приносило денег. Материальная необеспеченность всю жизнь преследовала А.М. Еще в России, до революции, Ремизовы постоянно нуждались. С этим было связано никогда не покидавшее А.М. чувство своей вины перед С.П.

Бывали трудные дни – вот письмо С.П. от 10.IX.1932:

Дорогие Наташа и Оля, получила ваше письмо, очень рада, что вы уехали, но куда? А мы не уезжали, у нас закрыли газ и электричество, а Ал. Мих. был болен очень сильно, и мы переехали к моей старухе и прожили у нее 10 дней пока не открыли газа. Я очень измучена. Все сами делали, ни души не было. Ал. Мих. теперь лучше гораздо, мы просили комнату и она нам на эти дни помогла. А Оля думала, что мы в деревне. Обнимаю вас и моих милых детей.

“Моя старуха”, которая помогла Ремизовым в тяжелую минуту, их давний друг, очень старая женщина. “Она была в молодости сногшибательная красавица, – рассказывает С.П., – дальняя родственница и невеста Владимира Соловьева...” – “То-то и дело, что невеста! – перебивает А.М., возмущенно добавляя – Покориться! Жить по чужой воле!... Родители не захотели...”. Этого он никак не принимает.

Бывают и просветы: откуда-нибудь приходят деньги. На время заботы ушли, покупаются книги, подарки, на столе вкусные вещи. В "кукушкиной" оживление: С.П. рассказывает что-нибудь из прошлого или А.М. с подъемом читает вслух. Гости засиживаются поздно, обстановка "кукушкиной" завораживает. Наступает момент прощания. С веселой сердечностью хозяева провожают гостей.

Много лет спустя. долгие годы А.М. жил один и сам провожал посетителей по длинному коридору. Потом ему уже было трудно вставать и ходить. Со своего кресла он провожал улыбкой и говорил с суеверным волнением: "Идите тихо, идите спокойно..."

”ПОСОЛОНЬ”

Я познакомилась с Ремизовым задолго до нашей первой встречи, еще в детстве, по его книге *Посолонь*.

Мои родители были социалисты-революционеры¹. До первой мировой войны мы прожили несколько лет за границей, сперва во Франции, потом, в 1911 году переехали в Италию, в местечко Алассио, недалеко от Генуи. У нас была большая белая дача над морем.

Жизнь нашей семьи проходила совсем особенно: в Италии, на Средиземном море, мы продолжали жить жизнью России. Дома язык был русский, с нами была русская няня. Постоянно приезжали новые люди, привозили вести, рассказывали о том, что происходит в России, в революционном движении. Велись долгие споры на политические и социальные темы. В самой большой светлой верхней комнате-вышке с турецким диваном устроили библиотеку. На полках стояли все русские классики, энциклопедический словарь в издании Брокгауза и Эфрона, книги научного и общественного характера. По почте приходили новые книги и ”толстые журналы”. Я помню оранжевую обложку *Русского Богатства* и голубую *Русской Мысли*, *Аполлон*, журнал *Заветы*, который, живя в Италии, редактировал мой отчим². В *Заветах* участвовали Иванов-Разумник, Ремизов, Пришвин, Замятин.

Моя мать отличалась от обычной революционной среды. Она была дочерью Елисея Яковлевича Колбасина, довольно известного в 50-х–60-х годах прошлого века литературного критика, друга Турген-

¹ См.: Olga Chernov-Andreyev. *Cold Spring in Russia*. Ann Arbor, 1978.

² В. Чернов.

нева. Он знал молодого Толстого и сразу, при первом чтении "Детства и отрочества", увидел его громадный талант. Мама унаследовала от своего отца любовь к искусству и необыкновенное чутье к литературе. Она сразу поняла и оценила начинавшееся движение символистов, которое тогда понимали немногие. Для остальных читателей, привыкших к бытовому реализму, оно было темной декадентщиной.

В 1905 году моя мать работала в общественно-литературной газете *Дело Народа*. Туда была прислана рукопись повести неизвестного автора. Мама помнила, какое огромное впечатление произвело на нее чтение этого трудного, мучительного, но захватывающего произведения, озаглавленного *Часы*. В своих воспоминаниях она пишет:

В 1905 году – 'в самую кипь символизма' (как позже выразится Алексей Михайлович) – в редакции газеты *Дело Народа* была получена рукопись. Аккуратно скрепленные листы большого формата, широкие поля с двух сторон обрамляют рамой текст. Заголовок: *Часы*.

Строчки как печатные, ровными рядами написаны красивым и необычным почерком: буквы полуустава 17-го века. Начертания букв с нажимом и взмахами, ответвлениями за пределы строк. Подпись *Алексей Ремизов* особенно затейливая. Росчерк от буквы 'к' тончайшей чертой идет высь и вдруг непонятно заворачивает, опускается и замыкает *Алексея Ремизова* воздушно очерченным магическим кругом.

Кто же этот Алексей Ремизов, откуда у него это чудное письмо?

Рукопись принес для просмотра Виктор Чернов, мой муж, редактор газеты *Дело Народа*. – Интересная и очень странная вещь. Мои коллеги единогласно отвергли: 'декадентщина!', но я колеблюсь.

Весь вечер я читала не отрываясь. Повесть сразу меня захватила. Нравилось и волновало, но и отталкивало. Наседал чудовищный тараканий быт русской провинции, душило смрадом, зажимались тупые тиски, не хватало воздуха. Меня поразила мучительная накаленность повествования, обилие и смелость сравнений, новое построение фраз и новые неслыханные слова, как будто где-то все-таки слышанные и русскому уху не чуждые, но незнакомые. Но главное – новый голос, впервые услышанный, идущий из глубины жизни. Многообразии планов, в котором трудно сразу разобраться. Ад повседневной жизни сменяется внутренним адом уязвленной человеческой души, с болью показанной. Преисподняя человеческого хаоса, с которой неощутимо связан человек. Ему невидимо сопутствует порождение тьмы, он выявляет всю скверну человеческой природы, обычно спрятанной, которая подталкивает ко злу и роковому решению.

Власть неведомых сил над человеком, власть времени – недаром повесть названа *Часы*. Часы неотвратно бегут, вовлекая в бег судьбы людей. И над всем – власть огненной любви.

Она и только она вскрывает в человеческой душе, в ее скверне 'эти богатства нераскрытые, эти дыхания головокружительных прыжков за

пределы, за небо, за звезды – дух захватило – звезды и ветер – Любите! любите!'. Рассказ притягивал, волновал и раздражал. Хотелось ответа, ясности...

Много позже, вспоминая свое первое впечатление от чтения повести Ремизова и возникшие по поводу нее споры в редакции, мама говорила о *frisson nouveau*, который почувствовал Виктор Гюго, прочитав впервые Бодлера.

Рукопись Ремизова так и осталась у мамы. Напечатать ее не удалось. Революция была подавлена, свободы кончились. Газеты закрылись. В 1908 году *Часы* вышли в издательстве *Эос*. Наша семья выехала за границу и поселилась во Франции. В 1911 году, незадолго до нашего переезда в Италию, в Париж приехали Ремизовы.

Мама узнала адрес и по приглашению Ремизова пришла к нему и принесла рукопись, которую она хранила столько лет.

Открыл дверь Алексей Михайлович, я сразу узнала его: небольшого роста, сутулый, в очках. Других таких глаз нету, темные и светящиеся, умные-умные, пронизательные, такие ласковые и немножко лукавые.

Ни духа уныния, ни мировой скорби. Глаза, которые, увидев ужас жизни, остались светлыми.

– Войдите, войдите. – Голос тоже особенный, тихий, глубокий.

Он обрадовался возвращенной рукописи: 'Недаром эта рукопись привела вас. Приедете в Петербург, приходите к нам'.

В 1913 году, осенью, из Италии, где мы постоянно жили, мама съездила в Россию. Она пробыла там три месяца и вернулась очень оживленная. Мы слушали рассказы про Россию, про писателей, про жизнь "литературного Петербурга": вставали поздно, жизнь начиналась к вечеру, ездили в гости по ночам. Сколько писателей! Самое памятное: когда мама была у Иванова-Разумника, в комнате рядом сидел Блок, через открытую дверь он смотрел на маму. Но Иванов-Разумник не захотел их знакомить и только, когда проводили гостя, сказал маме, что это был Александр Блок. Мама сердилась, конечно. Через некоторое время в Италии мама получила по почте книги стихов с автографом Блока. Мама рассказывала о Пришвине и с особенным чувством произносила имя Алексея Михайловича Ремизова, старалась передать нам свое впечатление от этого, ни на кого не похожего, удивительного писателя. К этому времени Ремизов стал уже известен. Несколько издательств – *Золотое Руно*, *Сириус*, *Эос* и др. выпустили его книги: *Пруд*, *Посолонь*, *Луг духовный*, *Чортов лог*, сборники рассказов. Газеты и журналы печатали его произведения, хотя он и числился трудным писателем. Мама говорила нам про его

талант, про его личное обаяние, про его шутки и веселый ласковый голос. Маме очень хотелось ближе познакомиться с ним и его женой, но ей надо было возвращаться домой из-за болезни моего брата. К нам на дачу, в разное время, приезжали по делам журнала *Заветы* В.С.Миролюбов, Р.В.Иванов-Разумник, С.Городецкий. Мама думала пригласить Ремизовых, но не решилась: она так ценила талант А.М., что он казался ей недосыгаемым. Впоследствии, в годы дружбы в Париже, С.П. попрекала маму за это.

Среди множества подарков и книг, привезенных мамой из России, нам особенно нравились деревянные изделия из Кустарного Музея — была изящная книжка в белой обложке, с легкими, нарисованными штрихами цветами — *Посолонь* Алексея Ремизова, вышедшая в 1907 году.

Эта книга вошла в нашу жизнь, мы полюбили ее. Может быть, она сформировала наш слух и чувство русского языка. Нас было четверо детей: старший брат Вадим — двенадцати лет, Оля и я — сестры-близнецы, нам было десять лет, и младшая сестра Ариадна — пяти лет. Оттого, что нас окружала Италия, а дом наш был русским островком, — все русское переживалось у нас с особенной силой и остротой.

В те годы я, конечно, не могла оценить литературные достоинства этой исключительной по ее поэтической сущности книги, глубоко оригинальной, навеянной песнями, сказками, играми и заклинаниями русского фольклора, идущего из глубины веков еще дотатарской, языческой Руси, а также русской природой с нежной весной, теплым летом, осенним ненастьем и вьюжной зимой.

Форма и язык этой книги — явление совсем необычное в русской литературе. *Посолонь* звучит *русским ладом*, как позднее любил говорить А.М. Но в ней нет никакой стилизации и искусственности так называемого "русского стиля", который не выносил А.М., отрицая язык былин, по его мнению безвозвратно погубленных при их записи в XIX веке, когда в России началось увлечение русской стариной. Оставляя в стороне церковно-славянский (литературно разработанный старо-болгарский язык, говорил про него Ремизов), он поворачивался "к истокам природной русской речи".

Алексей Михайлович находил эти истоки в дошедших до нас словах песен, подлинных записях сказок, пословиц, пританий. Он изучал научные исследования о русской словесной старине (Афанасьев, А.Потебня, Буслаев, Аничков, Сахаров, Лыткин, Барсов, Веселовский). Живя на русском севере во время своей ссылки, Ремизов

вслушивался в русский язык, изучал северные обряды и верования. В 1912 году в своем исследовании, посвященном разбору сочинений Ремизова, профессор А. В. Рыстенко писал о *Посолони*:

Содержание первого отдела 'делится на четыре части: весна, лето, осень, зима, — и обнимает круглый год'. Здесь много интересных описаний детских игр, народных поверий, есть переделки и сказок. Свои источники Ремизов штудировал внимательно.

Автор книги делает сопоставление текста Ремизова "Черный петух" с его, указанным Ремизовым, источником, приведенным Е. В. Аничковым. Проф. Рыстенко заключает:

Как мы видим из этого параллельного сопоставления, Ремизов придерживается довольно близко своих источников, особенно в тех местах, где дело касается фактического материала. В этом отношении он иногда допускает небольшие отступления от оригинала, но от этого внутренний смысл описываемого обряда не изменяется. Краткая фраза ученого труда превращается в распространенную поэтическую картину, но существенный смысл источника Ремизовым оставлен без изменения.³

Среди всего им написанного, А. М. выделял и любил именно эту книгу, отводя ей особенное место. "Я не романист, — говорил он, — я песельник и *Посолонь* — это моя книга". Очевидно ее лирическая форма выражала внутренний песенный склад Ремизова. *Посолонь* — по солнцу, по временам года, с весны на зиму.

"Волшебная Россия — земляная — подземная — надземная — была и есть и будет, пока светит солнце над большой русской землей, и не раз она скажется в слове, пока жива человеческая речь и смотрят на мир детские глаза".

"Давным-давно прилетел кулик из-за моря, принес золотые ключи: замкнул холодную зиму, отомкнул землю, выпустил из неволя воду, траву, теплое время". Весну открывает монашек. "Маленький монашек, беленький..." Трудно определить язык этой книги. Его изысканность в его простоте и сжатости, со своими оборотами из просторечья — знакомый нам с младенчества язык прибауток нашей няни и рассказов приходившей к ней в гости землячки.

"Маленький монашек, беленький, смотрит пристально, подает веточку. Ветка с зелеными совсем крохотными масляными листочками. Крепко держу зеленую ветку — листочки выглядывают. — Моя ветка — мои и листочки!"

³ А. В. Рыстенко. *Заметки о сочинениях А. Ремизова*. Одесса, 1913.

С этой зеленой веткой Ремизов пойдет по русской земле посылонь, как идет солнце с весны на зиму.

На его пути светятся красочки – весенние цветы. Их разбирают Ангел и Бес.

Тихо у Ангела. Глядят тихонько цветочки белые крылья, дуют тихонько на перышки. Уговор не смеяться, а кто засмеется, тот пойдет к Бесу.

Ангел смотрит сурьезно.

– В чем ты грешна, Незабудка? – исповедует плутовку.

Незабудка потупила глазки, губки кусает – вот рассмеется.

Налево у Беса такое творится, будь кисель-киселем и то засмеешься. Поджигал Бес цветочки: сам мордочку строит – цветочки мордочку строят; сам сделает моську – цветочки делают моську, рожицы корчат, мяукают, кукукают, юлой юлят... Незабудка разинула ротик и прыснула.

– Иди, иди к Бесу!..

Бесенята такую возню подняли, такого рогаха-стрекоха задавать пустились – кувыркались, скакали, пищали, бодались, плясали да так, что и сказать невозможно...

Цветочки туда же, за ними – и! как весело – только платица развеваются синие, белые. Оголтели совсем. Измятые цветочки едва качаются. Попить запросили. Ангел поднялся, поманил белым крылом темную тучку. Пошел дождик. Цветочки попили досыта. Ангелята явились, устроили радугу...

Пестрым ковром цветы светились мне по дороге. На лужайке наткнулся я на Кострому...

Чуть только лес оденется листочками и теплое небо завьется белесыми хохолками, сбросит Кострома свою колючку – ежовую шубку, протрет глазыньки да из овина на все четыре стороны, куда взглянется, и пойдет себе.

Идет Кострома по талым болотцам, по вспаханным полям да где-нибудь на лужайке и заляжет: лежит-валяется, лежона-нежона, брюшко себе лапкой почесывает – брюшко у Костромы мягонькое, переливается.

Теплынь-то, теплынь, благодать одна!..

– Дома Кострома?

– Дома.

– Что она делает?

– Спит...

Встает Кострома, подымается. И попила, и в баню пошла и из бани вернулась, прикурнула на немножечко, села чай пить, гулять собирается...

– Дома Кострома?

– Дома.

– Что она делает?

– Померла.

Померла Кострома, померла! – ...

Идут-и-идут, несут, несут мертвую, несут Кострому, поют песенку.

Вьется песенка, перепархивает золотым жуком со цветка по травушке, повевавет ветерком, расплетает у девочек косы, машет ленточками и зве-

нит жужжит, откликается далеко за тем синим лесом. Поле проходят, полянку, лесок за леском, проходят калиновый мост (символ счастья – поясняет автор), вон и овражек, вон и ключик – и бежит и недвижим – серая искорка пчелка - -

Ожила Кострома, ожила! – и с криком и визгом роняют на землю Костромушку да кто куда – врассыпную...

Теплынь-то, теплынь, благодать одна! Там распаханые поля зеленой зеленеются, там в синем лесе из нор и норей выходят, идут и текут по черным утолокам, по пробойным тропам Божии звери, там на гиблом болоте в красном ивняке Леснь-птица гнездо вьет, там за болотом, за лесом Егорий кнутом ударяет - - Песенка вьется, перепархивает со цветочка по травушке, пестрая песенка-ленточка –

А над полем-и-полем, лесом-и-лесом прямо над Костромушкой небо – церковь хлебная, калачом заперта, блином затворена.

Мы попадаем в круг мышек: ташат кулек с костяными зубами, за зиму их много попало в норку: "На тебе, мышка, зуб костяной, дай мне железный!"

После мышей "гуси-лебеди":

– Гуси-лебеди домой – звала мать – волк под горой.

А волк тут как тут, сейчас их есть будет – стал точить зубы. Тут то на него на серого напали. Пощипали-таки его изрядно, уморились, да опять на озеро: пора спать ложиться. Поднялся волк, не солоно хлебавши, пошел в лес. Возныла темная туча, покрыла небо. Вылезли на берег водяники, сели на колоды и поплыли. Шел серый волк, спотыкался о межу, думал-гадал о Иване-царевиче.

Весна, кукушечий праздник, древний обряд. Девочки заломили, заплели березу. Разделись, вошли в воду – по воде пустили венки.

Плыли венки, куковала кукушка.

У лисы бал.

– Я пес.

– Я бас.

– Я баран.

Это ноты. Барабан. Трам-там-там. Трам-там-там.

По высоким горам, по зеленым долам чинно шествуем на бал. Разбреемся, собираемся, переходим ров и вал. Осел, козел, олень да лев, медведюшка – звери страшные, звери важные, сам с усам, сам с рогам. Трам-там-там. Трам-там-там.

У лисы бал.

– Я пес.

– Я бас.

– Я баран.

Это ноты.

Барабан. Трам-там-там.

А вот и красное лето:

Ку-ри-ца со двора,
Калечина в ворота.

Заберется Малечина в гибкий плетень, тоненько комариком песню заведет, ждет: 'не покличет ли кто Калечину погадать о вечере?'

У Калечины одна – деревянная нога, у Малечины одна – деревянная рука, у Калечины-Малечины один глаз – маленький да удаленький.

– Калечина-Малечина, сколько часов до вечера?

Древний колдовской обряд "Черного петуха". Купальские огни:

...теплыми звездами опрокинулась над землей купальская чарая ночь. Всякая нечисть повывлезла из всех углов, собиралась в чаще леса. С грехом пополам перевалило за полночь – уцепились непутные, не пускают ночь: она, купальская, колыхала теплыми звездами, лелеяла. Светицвет – купальский цветок – горел и сиял звездочкой.

После грозовой воробьиной ночи пропели первые петухи, и вторые петухи перед зарей и настало летнее светлое утро. Пошли хороводы.

От березы к трем дубам долом через бор к грановитой сосне – на меже чурка старая лежит, в чурке – чур:

Эй ты, чур-чурочок, Чур меня, чур! Крадется Корочун...

– Чур меня чур!

Спасибо, чур! – чтоб лопнул Корочун: ни дна ему и ни покрывшки.

Смеется кикимора. Настает осень. Бабье лето.

Унес жаворонок теплое время. Устудились озера. Цветы, зацветая пустыми цветами, опадают ранней зарей. Сорвана бурей верхушка елки. Завитая с корня, опустила верба вялые листья. Высохла береза против солнца, сухая, небелая пожелтела.

Дует ветер, надувает погоду. Дождь на дворе, в поле туман. Поломаны, протоптаны луга, уколочены зеленые, вбиты колесами.

Стукнул последний красный денек. Встало из-за леса солнце – не нажить такого – приобсудило лужи, сгладило скучную расторопицу.

По полю мимо избы бежит дорожка – мхи, шурша сырým серебром среди золота, кажут дорожку.

– Лес в пожаре горит и горит –

В белом на белом коне в венке из зеленой озими едет по полю Егорий и сыплет и сеет с рукава бел-жемчуг – изунизана жемчугом озимь. И дальше по лесу вмиг загорается красным.

И птицы не знают, не домекнуться певуньям: улетать им или вить новые гнезда?

Летит паутина.

Косолапый медведь ворочит колоды: строит себе на зимовье берлогу – морозами всласть пососет он до самого горлышка медовую лапу. Собирается зайчик линять и трясется, как листик: боится лисицы.

Занывает полное сердце – пойти постоять за ворота!

Тихая речка тихо гонит воды. По вечеру плавно вдоль поля тянется стая гусей – улетают в чужую сторонку.

Далеко на селе песня и гомон: свадьбу играют. Хороша угода, хорош хмель зародился – золотой венец. Валит дым столбом. Шум, гам, песня. А где-то за темною топью конь колотит копытом.

Поздняя осень. Протяжная осень.

С дерева листья опало, раздувается ветром. По полям ходит ветер, все поднимает – несет холод и дождик. Запустили сады, улетают последние птицы. Приунывши висят сорные гнезда. Попрятались звери. Некому вести принести на хвосте: скрылся в нору хомяк, залег лежебока. Намутили воду дожди, не состояться воде, река – половодье. И по тинистым ямам, где раки зимуют, сонные бродят водяники.

Протяжная осень.

Настала лютая зима.

Снегурка не стучалась, не спрашивала, шибко растворила двери, совсем еще крохотная с беленькими волосками.

- Вставай! – крикнула, а синие глазки так и играли, снежинки.
- Снегурка! Ты меня помнишь? Ты мне принесла...
- Морозу! и на пальчиках белый сверкнул у Снегурочки первый снежок.

Наступила зима – Корочуново царство.

Катя и сходятся пухом снеговые тучи, подползает метелица, метет во всю, бьет глаза – заслепляет: ни входу, ни выходу. И ветренник, вставая вихрем, играет по полю, врывается клубами в теплую избу: не отворяй дверь на мороз!..

Коротит дни Корочун – дней не видать, только вечер и ночь. Звонкие ночи, звездные ночи, ясные – все видно в поле. Люты морозы, – глубоки снега. Не скоро Свету родиться – далек солнорот. Хорошо медведю в теплой берлоге. А дни всё темней и короче...

Старый кот Котофейч, сладко курлыкая, коротает Корочуново темное время – рассказывает сказки.

Среди произведений, вошедших в сборник *Посолонь*, можно различить несколько типов: прежде всего, обработка подлинного народного творчества, о которой мы говорили выше, – игры, песни, обряды, заклинания и сказки. Среди них есть сказки, содержание которых вовсе не для детей: потусторонние, мрачные, про мертвецов, упырей, злые силы. Страшные сказки. Фон их темен и загадочен – заклятие. Безвыходность обреченной судьбы в жизни земной и потусторонней, часто повторяющаяся в народной фантазии тема.

В *Посолони* совсем особо стоят два рассказа, полные прелести живой жизни. Они светят веселой ремизовской улыбкой. Это "Бого-

молье” и ”Змей”, герои Петька и бабушка. Впоследствии эти рассказы были продолжены и составили книжку *Петушок*.

Много позже, в Париже, А.М. читал эти рассказы с эстрады, они примиряли всех, и русская публика, наполнявшая большой зал отеля Лютеция, расходилась дружно и весело смеясь.

В сказках, написанных для детей, – редкое проникновение в детский мир. Ремизов обладал даром глубоко чувствовать этот мир, он был в нем своим и знал его язык.

Экспедиция Мышки-Морщинки и ее тетушки в Забругальский замок. Сколько страхов: Носатая птица, Клешня, какие-то раки...

Зайчик Иваныч, Аленушка со своим Медведюшкой и особенная, самая ремизовская сказка про Зайку (в издании 1907 г. она была озаглавлена ”Кот Котофейч”).

В некотором царстве, в некотором государстве, в высокой белой башенке на самом верху жила-была Зайка. В башенке горели огни и было в ней светло и тепло и уютно.

Лишь только солнце подымалось до купола и в саду Петушок – золотой гребешок появлялся, приходил к Зайке старый Кот Котофейч. Впрыгивал Котофей в кроватку и бережно бархатной лапкой будил спящую Зайку. Просыпались у Зайки синие глазки, заплетала Зайка свою светлую коску. Котофей Котофейч пел песни. Так день начинался.

Зайка и ее окружение живут своей, очень наполненной жизнью. С Зайкой скачет Лягушка-квакушка, пляшут Белки-мохнатки. Гадкий Зародыш хлопает в ладошки, звонит в серебряный колокольчик...

Но вот заходило за домик Барабаньей Шкурки красное солнце, проходила мимо башенки старуха Буроба, проносила огромный мешок за плечами. Не дай Бог, повернет Буроба в башенку! Которые дети спать не ложатся, – Буроба в мешок забирает. Котофей Котофейч уж охаживал кроватку, усатой мордочкой грел пуховую зайкину думку, сон нагонял. Зайка зевать начинала, просилась в кроватку. Тогда из ямки выползал Червячок, в окне показывался Кучерище. Гадкий Зародыш залезал в фонарик, дул на огонек, огонек становился огоньчком. С ноготок зайкин. Васютка, сынишка Кучерищев затыгивал в трубе тонко песенку, сонную песенку...

По праздникам, когда Петушок-золотой-гребешок пел голосистой, а Курочка-кудахточка несла золотое яичко, и солнышко ярче и светлее светило в башенку, вылезал из отдушника кум Котофея Котофейча – Чучело Чумичело... усаживался на шесток вместе с Котофеем Котофейчем и у них разговор начинался...

Привычный ход жизни башенки прерывается. Кот Котофейч снаряжает Зайку и она идет через лес, добывать бисерные кошельки с

золотом. У пещеры двенадцати разбойников все разворачивается как в сказке Али-Бабы. Зайка возвращается со шкатулкой набитой золотом – не простое золото, а серебряное. В башенке веселье.

Конец сказки неожиданно лирически грустный: Кот Котофейч почему-то покидает Зайку, идет бродить по белу-свету.

Тут отразилась судьба самого А.М.: его разлука с дочерью Наташей. И судьба нашей детской жизни тоже как бы рассказана в этой сказке. Мы очень любили ее, знали почти наизусть и играли в нее, разбирая роли ее персонажей. В этой игре наш брат был Котом Котофейчем. Он покинул нас. Он умер накануне войны 1914 года – так кончилось наше детство.

В книге *Посолонь* совсем особо стоит эпиталама – Плач девушки перед замужеством. Это первое напечатанное произведение Ремизова, в газете *Курьер*. Ремизов часто рассказывал и писал о том, как рукопись попала в руки Горького и была переслана им Леониду Андрееву, который напечатал ее, она вышла под псевдонимом Молдаванов, в 1902 году.

Эпиталама – обращение невесты к началам жизни: солнцу, месяцу, звездам, радуге.

Солнце, ты высоко плаваешь в синих сумрачных реках небес – там
волнистые поля облаков неустанно бегут;
и ты, сын солнца, белый свет – ты озаряешь мать-землю;
и ты ухо ночи, луна, – ты тихо восходишь, идешь над землей,
следишь за ростом трав, за шумом леса, за плеском
рек и за моим сном;
и ты, семицветная радуга, бык-корова небесных полей, – ты
жадно пьешь речную студеную воду –
пожелайте счастья мне от матери-земли!
сколько на небе осенних звезд;
пожелайте счастья мне от светлого востока!
сколько белых цветов земляники;
пожелайте счастья мне от синих сумерок запада!..

В одном из своих последних произведений – "Начало слов" (книга *Иверень*), А.М. возвращается к этой своей эпиталаме, раннему произведению молодости. На закате жизни и в конце своего творческого пути, уже большим мастером, знающим цену и силу своего искусства слова, он пишет:

Песней-плачем невесты, ее молитвой к солнцу, к месяцу, к звездам и к радуге начинаю мое взвихрѐнное слово русским ладом.

Песней-плачем невесты к началам – матерям жизни поземной, подземной, водяной и воздушной –

'пожелайте столько желанного, сколько летит по небу осенних звезд, и в-откате по разлучной межзвездной дороге отлетающих птиц!'

Памятна синяя осень, серебряный утренник. А вернется весна, глянет во все глаза солнце: белые цветы земляники, белые ночи, стаи белых лебедей над гремящим половодьем – из нетерпеливой весны-красы –

'пожелайте столько желанного, сколько лепестков ссыпающихся в реку алых шиповников!'

Плачем девушки перед замужеством я вступаю в русскую литературу – 8-го сентября 1902 года.

НАТАША РЕМИЗОВА (1904–1943)

”Засни моя деточка милая!
Убегут далеко твои быстрые глазки...
Раскрылись желанные губки,
Светлое личико ангела краше.
Веют и греют тихие сказки...”

(*Посолонь*, 1907)

”Наташа! В те ночи сколько сказок
мы с тобой насказали, ты жила тогда
в сказочном мире, а я из того мира
никогда не ухожу”.

(*В розовом блеске*, 1944)

Наташа торопилась жить... Уже после ее гибели родные писали А.М., что ей, прежде всего, хотелось жить, и она, в трудные революционные годы, старалась побольше взять от жизни.

Еще задолго до моего знакомства с Ремизовыми, я слышала от моей матери, что у них есть дочь Наташа¹.

Наташей была навеяна и для нее написана самая поэтическая книга ее отца – *Посолонь*. (В первом издании – *Золотое Руно*, 1907 г. – стоит посвящение Вячеславу Иванову, а на другой странице ”колыбельная” и над ней стоит *Наташе*.)

А.М. звал Наташу ”кукушка” и ”Бубука”.

Когда в 1922 году, в Берлине, мама привела нас, мою сестру Ольгу и меня, знакомиться с Ремизовыми – моя мать знала их еще с 1911 года и потом в Петербурге была у них в гостях с моей младшей сестрой Ариадной – и, представляя нас, назвала наши имена: Оля и Наташа, С.П. как-то вскинулась и улыбнулась. ”Вот, какие имена...” – сказал А.М. (Оля – героиня книги *В поле блакитном*, написанной по рассказам С.П. о ее детстве).

Ни во время нашего первого знакомства в Берлине, ни на всем протяжении нашей долгой-долгой и горячей дружбы – двадцать лет – С.П. ни разу не сказала о том, что у нее есть дочь. Имя Наташи не было произнесено у них в доме до самой смерти С. П.

В своей книге, посвященной памяти жены (*В розовом блеске*), так же как в своих личных записях, сделанных в особых тетрадях-

¹ Родилась в 1904 г., в Одессе.

книгах, А.М. старается объяснить, как "слепая любовь" к Наташе ее бабушки и тетки – матери и сестры С.П. – сперва отняла у С.П. дочь, а затем, чрезмерным баловством и неправильным воспитанием, сделала ее чужой по духу своей матери и отцу.

Во все годы жизни за границей, в отношении Наташи, С.П. замкнулась в своем больном чувстве "матери, у которой отняли ребенка", и никогда ни с кем не говорила о дочери, как будто бы у них никогда не было детей. А.М. соблюдал то же молчание.

И А.М. и С.П. исключительно любили детей. В обращении с детьми А.М. преображался. И голос и движения его проникались трепетной нежностью. Он любил прикасаться к детям, трогать их "легкие пальчики" и "шелковые мордочки". У него были особые движения рук: "коза рогатая", или смазать рукой снизу вверх по детскому личику. И еще, учил их "делать моську" или напевал, притопывая ногой: "Медведевы детки косолапы, да мохнаты...".

Властная и нетерпимая, С.П. совершенно менялась при виде детей. Лицо ее сияло и губы как-то особенно сжимались. Она брала на руки самых маленьких и разговаривала с детьми постарше. Детям она позволяла все и никогда на них не сердилась. Она выходила из себя, волновалась и негодовала, услышав о наказаниях или какой-нибудь обиде, причиненной ребенку.

Ремизовым было нелегко выдерживать принятое на себя молчание: среди живших в эмиграции русских писателей многие знали, что у них есть дочь; некоторые помнили девочку и, удивляясь, осуждали их, передавая друг другу историю этой странной семейной драмы. Отголоски этих разговоров доходили до Ремизовых, тревожили и сердили С.П.

В двадцатых годах Вера Алексеевна Зайцева говорила нам, что Мережковские помнят Наташу, и сама она помнит, как близорукий А.М., уткнувши нос в пеленки, пеленал девочку. В 1905 г. Наташа была у родителей, когда они жили при редакции *Вопросов Жизни*, где работал А.М. В редакцию часто заходили Бердяев, Розанов, Мережковские, Блок. Блок видел Наташу и держал ее на руках.

Ремизовым трудно жилось в Петербурге: постоянная нужда преследовала их.

С маленькой дочерью они приезжали летом гостить в Берестовец (Черниговской губернии), в имение матери С.П. – Александры Никитичны Довгелло, урожденной Самойлович. Мать и, в особенности, незамужняя сестра С.П., Лидия, страстно привязались к девочке и

с трудом расставались с ней. Наташе было хорошо в деревне, в один из приездов родители оставили ее там на некоторое время.

В те годы (1905–1914) Ремизовы, вернувшись из ссылки, жили в центре петербургской литературной жизни: "среды" на "башне" у Вячеслава Иванова, собрания Религиозно-философского общества, литературные вечера, встречи с самыми значительными людьми из литературного, художественного и театрального мира. Кроме того, С.П. ходила на курсы в Археологический Институт и давала уроки. Все это было трудно совместимо с заботой о ребенке, в особенности при недостатке средств и тесной квартире.

Девочка привыкла к семье матери и к привольной жизни в имении, где она стала центром общего внимания, кумиром всего дома: бабушки, теток, доброго дяди Сережи, прислуги. В рассказе "Мака" (впоследствии вошедшем в парижское издание книги *Посолонь*, 1930 г.) описана жизнь Наташи в Берестовце. Первые годы родители брали Наташу к себе в Петербург и приезжали в Берестовец. Между С.П., ее матерью и сестрой Лидией была деятельная переписка. Письма бабушки и тетки говорят о любви и нежной заботливости к ребенку; тон их спокойный и родственно дружественный, ничто не предвещает драму.

В своих воспоминаниях ("Арабески времени" – *Звезда*, 1968:12) Александр Иосифович Дейч говорит о своем знакомстве с Ремизовыми в Киеве в 1911 году. В то время мать С.П. лечилась в клинике доктора Дейча, отца автора воспоминаний. В этой клинике А.И. Дейч встретился с А.М. и С.П. Ремизовыми и видел семилетнюю Наташу.

Уже после кончины С.П., А.М. рассказывал мне, как год за годом им становилось все труднее и труднее брать к себе дочку, преодолевать сопротивление родных. Родные то ставили на вид, что девочка нездорова и ее нельзя везти в Петербург, то болезнь бабушки являлась препятствием: Лидия Павловна уверяла, что отъезд внучки убьет ее. Наташа отвыкала от своих родителей, стала предпочитать им своих берестовецких родных. Все это подробно рассказано в главе "Слепая любовь" в книге *В розовом блеске*, но там дело происходит в семье подруги Оли, Зины Рашевской, у которой семья отнимает сына Мишу.

В начале нашей парижской жизни – и мы и Ремизовы приехали в Париж в 1923 г. – люди, знавшие семейную жизнь Ремизовых, рассказывали, что разрыв, повлекший за собой разлуку с дочерью, произошел так: С.П. приехала в Берестовец одна, она привезла Наташе куклу. Кукла не понравилась избалованной девочке, она отвернулась от подарка и от матери.

”Дело вышло из-за какой-то ерунды...” – сказал мне уже теперь, в 1969 году, вспоминая, Борис Константинович Зайцев. ”Миша был совсем чужой, за годы его научили быть чужим...” – пишет в своем рассказе ”Слепая любовь” А.М.

С.П. приняла очень близко к сердцу движение девочки и, со свойственной ей горячностью, заявила, что у нее нет больше дочери. Она вернулась в Петербург одна, в слезах.

В своей книге *В розовом блеске* А.М. рассказывает о горе ”разлученной матери”, о том, как плакала С.П. по возвращении в Петербург. Говоря о душевных страданиях жены и в этой книге, и в своих личных записях, А.М. как бы ищет оправдания случившемуся. Для него центром драмы является С.П. На ней нет вины: ”ее разлучат – смерть ее Наташи была бы легче”.

Тем, кто знал Ремизовых в эмиграции, не совсем понятно, как такие волевые и сильные характером люди, какими были А.М. и С.П., жизненное правило которых было ”жить по своей воле”, – могли позволить отнять у них ребенка.

О своих собственных чувствах А.М. не говорит, он глубоко спрятал их. Но стоит только вчитаться в сказки и в небольшие рассказы *Посолони*, где все проникнуто беззаветной нежностью к беленькой девочке, чтобы понять, что не одна С.П. страдала при виде пустой кровати.

”И никогда мы не расставались с Наташей. А в киевский пожар я вынес ее на руках через огонь” (”Сквозь огонь скорбей”, *В розовом блеске*). В послевоенные годы А.М. рассказал мне про этот пожар, как он вынес на руках Наташу и икону Трех Радостей, семейную ремизовскую – эта икона передавалась младшему в семье. В *Посолони* (1907) в сказке ”Снегурочка” я читаю: ”– Снегурочка, ты помнишь, как ночами я носил тебя, ты помнишь пожар, а я тогда... ты возьмешь меня? Мы поедем шибко-шибко с горки на горку, топ-топ... – Вот как возьму! и она протянула свои светлые ручки крепко обняв меня, прижимала носик и губки к моим губам...” В парижском издании *Посолони* в ”Снегурочке” эти слова несколько изменены – о пожаре ничего не сказано.

В рассказе ”Мака” говорится о жизни Наташи в деревне. Образ девочки мы находим в Гале, крепко любившей своего медведюшку, и в Зайке с беленькой коской. Зайка жила в башенке, а ходил за ней Кот Котофеич. Как он любил ее, как заботился! Конец сказки грустный: почему-то Кот Котофеич уходит от Зайки...

В письмах к С.П. от 1909 и 1911 года А.М. пишет, что ему хотелось бы поехать в Берестовец вместе с нею: ”проехаться по снегу и

увидеть Наташу”. Но он не настаивает на своем желании, боится помешать ей в ее сложных отношениях с родными. Очевидно к этому времени у С.П. произошло некоторое примирение с семьей, и она ездит в Берестовец. ”Как Бубука, как ее носик, как усики?” – спрашивает в письме А.М. Но о себе А.М. не говорит.

В жизни у А.М. было всегда присутствующее чувство судьбы. Это было не только его постоянной темой в литературе, в жизни своей и в жизни других людей он чувствовал ее неизбежность. Разлуку с дочерью, в личном своем плане, он воспринял как неизбежную судьбу.

”У меня больше нет дочери”, – сказала тогда по приезде в Петербург С.П. Впоследствии А.М. рассказал мне, как, в первые годы жизни в Париже (1924 г.), во время сильного припадка печени, на вопрос лечившего ее доктора Аитова, С.П. громко и твердо произнесла: ”нет, у меня не было детей”.

В те годы, мне и моей сестре Оле у Ремизовых бывало очень трудно делать вид, что мы ничего не знаем и не слышали о их дочери.

Не раз я видела, как С.П. хотелось разорвать созданный ею круг молчания. В такие минуты она взволнованно брала меня за руку и говорила: ”Наташа, я хочу вам сказать одну вещь”. Видно было, как она напрягалась и мучилась, краснела, делая усилие, но слова не выговаривались. В те годы у меня не хватало жизненного опыта, чтобы помочь ей и самой начать разговор. С.П. со вздохом садилась, говоря: ”Приходите завтра, непременно! Я вам скажу...”. Но на завтра настроение менялось, или приходили гости, или что-то вторгалось в жизнь, и разговора не выходило. У меня хранится фотографическая карточка С.П. с надписью: ”Наташе Черновой, которой я скажу одну вещь”.

Неясный образ Наташи Ремизовой принял для меня конкретную жизненную форму в 1926 году. У знакомых я встретила молодую девушку, недавно приехавшую из России. Услышав, что я близка с Ремизовыми, она стала мне рассказывать: ”Я хорошо знала их дочь в Киеве. В гимназии мы сидели рядом на парте – Наташа Ремизова. Она лучше всех в классе писала сочинения и с гордостью говорила, что она дочь писателя Ремизова... Она крупная, яркая, с большим темпераментом. У нее светлые, серые глаза...”. Не могло быть ошибки, речь шла о подлинной дочери Ремизовых.

В 1943 году, после кончины С.П., печать молчания была снята. А.М. стал охотно говорить о дочери. Тогда же он рассказал моему мужу о своем последнем свидании с нею, в 1917 году в Берестовце:

настоящей встречи не вышло. Наташа дичилась. Да в этом берестовском доме все было не просто, а подчинено какому-то принятому порядку, ритуалу: женская и мужская половина, на все положенные часы, все установлено раз навсегда. Наташа почти не показывалась отцу, кроме как за столом. У А.М. было впечатление, что дочь избегает его, как будто стыдится. Ей было тогда тринадцать лет. Они больше никогда не увиделись. Мой муж передал мне этот рассказ тогда же, в конце войны. Я жила в провинции и написала А.М. все, что я знала и слышала о его дочери, и то, что мне сообщила ее киевская подруга. Впоследствии, в архиве, переданном мне А.М., я нашла записи о Наташе и, среди другого, выписку из моего письма 1943 года: "...из простых и добрых слов незнакомой барышни..."

В 1926–1928 гг. с сестрой Ольгой мы продолжали часто бывать у Ремизовых. Они жили тогда на авеню Мозар, в доме, памятном по большому каштану, – он расцветал весной белым цветом. С.П. очень любила нас обеих, попеременно особенно сближаясь то с Олей, то со мною. Сколько раз она намеревалась и обещала "обязательно, в следующий раз, что-то сказать" или мне или Ольге. Но так и не сказала.

В этот период у Ремизовых произошло знакомство с Владимиром Диксоном, сыгравшим довольно большую роль в их жизни тех лет (1924–1929). Владимир Васильевич Диксон был американцем по отцу и русским по матери. Он работал в фирме Зингер и имел некоторые средства. С детства он тянулся ко всему русскому, говорил и писал по-русски, увлекался Блоком. Во время знакомства с Ремизовыми ему было лет двадцать семь. С.П. рассказывала ему о России, о Блоке; замечательно, как она одна умела, читала на память стихи. Диксон стал частым гостем у Ремизовых и сблизился с ними, особенно с С.П., которая приобрела огромное влияние на этого слабого характером, мало мужественного молодого человека. Диксон как-то странно и ревниво привязался к Ремизовым, требуя и с их стороны исключительного внимания к себе. Он обоготворял С.П., преклонялся перед нею духовно. С.П. была очень религиозна, Диксон хотел верить, как она, ходил с нею в церковь. Он окружал Ремизовых заботами и вниманием, оказывал многочисленные услуги. Он издал на свои средства книгу *Оля*. Издательство было названо *Вол* и марка издательства была нарисована С.П. – с обводкой А.М. В этом же "Издательстве *Вол*" В.Диксон выпустил свою книгу стихов и прозы под названием *Листья*. А.М. написал предисловие к книге и дал хвалебные отзывы о ней в русской зарубежной прессе.

Экзальтированная обстановка этой дружбы нарушила привычный тон жизни Ремизовых. Это несколько отдалило нас: мы с сестрой стали реже бывать у них. Задушевный разговор о дочери, который, я думаю, был необходим С.П., так и не состоялся.

Все же наши сердечные отношения с Ремизовыми продолжались. Иногда С.П. приезжала к нам в Кламар². Я помню, как в 1928 году мы с ней гуляли в кламарском лесу и она рассказывала нам, что получила письмо из России. Ей пишут, что одна знакомая барышня остригла волосы... и С.П. не могла сдержать улыбку. В другой раз она сказала, что та же барышня пишет о том, что она хочет выйти замуж, из боязни остаться старой девой. Такой подход к замужеству возмущал и приводил в недоумение С.П.

Теперь, когда я читаю письма Лидии Павловны и Наташи, письма, написанные простым и естественным тоном, я задаю себе вопрос: знали ли они о сложной драме Ремизовых?

Однажды, когда у Ремизовых не было никого, кроме меня с сестрой, они, переглядываясь, показали нам карточку – белокурая девочка со светлыми глазами, лет пяти, на качелях. Они сказали, что это С.П. в детстве. Однако ни одежда девочки, ни сама фотография не соответствовали эпохе детства С.П. Я поняла, что изображенная девочка не С.П., а ее дочь Наташа.

Натуры А.М. и С.П. были противоположны. Он весь шел вглубь: "все понять", во все проникнуть и видеть вещи со всех сторон сразу. Он говорил о Розанове: у него "двойные мысли", что означало возможность иметь одновременно противоположные суждения об одном и том же предмете. "Двойные мысли" характерны и для самого Ремизова. Отсюда у А.М. большая внутренняя снисходительность к людям – ему было более свойственно стараться разглядеть, понять, чем осудить человека, кроме совсем особенных случаев, когда все существо А.М. вскипало в протесте. А.М. во всем хотел дойти до самой глубины и сути явлений, не страшась ни преград, ни бездн, и в своей тишости подходил к ним с какой-то отчаянной смелостью. Говоря о своем детстве, А.М. вспоминает тот необыкновенный трепет, который охватывал его в опаснейших местах: на шаткой лестнице, между паровозами, перед пламенем пожара и на глубоких мостах – хождение "по карнизам", которые притягивали его. Ставши взрослым, А.М., физически, боялся решительно всего. (Он много говорит о своих страхах в предисловии к своей автобиографической книге *Подстриженными глазами*.) Но он до конца сохранил свое бес-

² Под Парижем.

страшие в области мысли и подхода к вещам, и тут он с тою же смелостью ходил "по карнизам". Он решительно отвергал все принятые нормы и установленные истины — откуда бы они ни шли.

С.П. была вся цельная, прямая, без внутренних противоречий. Подход ее к людям и вещам был всегда прямой, без оттенков. Ей свойственен был горячий порыв и безоговорочное решение, по чувству, без раздумий. А.М. любил в ней ее прямоту и цельность по контрасту с собой. Но он нередко страдал от ее чрезмерной горячности и отсутствия гибкости и способности вникнуть в суть вопроса и понять "другую сторону". Я помню, еще в двадцатых годах — они жили на авеню Мозар — наш общий горячий спор и восклицание А.М.: "Да вы же, Серафима Павловна, той же сущности, что и чекисты..."

Преданность А.М. жене была безгранична. Забота и внимание проявлялись в каждом движении, в каждой мелочи жизни. Даже в области литературы. Подбор тем, подход к вещам и явлениям делался с постоянным оглядом и мыслью о С.П. А.М. старался во всем доставить ей радость и боялся ее чем-нибудь огорчить, и это, в некоторой степени, связывало его свободу как писателя. С.П., в свою очередь, очень высоко ценила необыкновенный дар А.М. и во всем помогала ему, главным образом, благодаря своим знаниям истории, палеографии, древнерусской словесности. Она понимала и любила сложность натуры А.М.

Позже, уже в последние годы своей жизни, А.М. говорил мне, что в начале своего писательского пути (А.М. родился в 1877 году; начало его писательской деятельности надо отнести к 1900 г.; встреча с С.П. произошла в 1902 году, их брак — Феодосия, 1903 г.; Наташа родилась в Одессе в 1904 году) — ради С.П. он старался стать писателем "как все", т. е. выбирал форму романа, тогда как эта форма повествования не была ему свойственна.

"Мне гораздо ближе лирическая форма; *Посолонь* — это моя книга, — говорил А.М., — или форма более свободная, вне рамок. Не роман, скорее повесть от своего лица или от лица кого-нибудь другого. Для меня всего легче — от женского лица. Очевидно, мне ближе выражение женской души. Или форма эссе, или свободно написанных рассказов на нескольких планах". В подобных рассказах Ремизов нашел свою собственную форму: на фоне повседневного быта и привычных вещей, высказывание своих мыслей, своей философии и оценки ценностей; тут и темы из литературы, и вычитанное из литературных материалов.

Не только в жизни, но и в литературе, А.М. выделял С.П., ставил ее на пьедестал и отводил ей совсем особое место среди других лю-

дей. Он много писал о ней в книге *Оля*, изображая ее в лице героини Оли "с ее горячим сердцем, пламенной верой, жертвенностью и жаждой подвига". В реальной жизни он любил С.П. такой, какой она была, со всеми ее человеческими слабостями; по отношению к ней для него были неприменимы обыкновенные человеческие мерки.

Для него С.П. была человеком не как другие. По сути своей, она не должна была идти путем обыкновенной женщины. В детстве ей был указан другой путь – служение Богу. Женившись на ней и имея от нее ребенка, А.М. преступил какую-то черту, за которую не должно было преступать. Через всю свою жизнь А.М. нес не покидавшее его чувство вины за свое "преступление". Это было "непоправимое" в его судьбе. Литература владела его существом, и это чувство вины он переживал литературно, стилизуя его. Об этой вине А.М. прямо говорит в последней части книги *В розовом блеске*: "Прямо скажу, не с 3-го июня 1940 года, не с бомбардировки Парижа и разгрома нашей квартиры началась катастрофа, а с той минуты, как Оля решилась вопреки существу своему, ею сознаваемому и однажды Норной открытому, выйти замуж... 'Умереть' и 'выйти замуж' – да ведь это в судьбе ее одно и то же" ("*Сквозь огонь скорбей*", *В розовом блеске*). Слова о Норне относятся к детству Оли (*В поле блакитном*, "Черная бабушка"): " 'Оля, – сказала ей скопческая пророчица, – ты должна посвятить себя Богу'. Оля отвечала убежденно: 'Я посвящу себя Богу' "

А.М. винил себя за то, что из-за него С.П. пошла по пути, не соответствующему ее духовной природе. Он как будто бы забывал о их горячей и верной взаимной любви до конца. В своем последнем письме к сестре Лидии от 1942 года С.П. пишет: "остается любовь, которую сохраним до конца дней".

"...не прячась за судьбу, я во всем виню себя: слепой, не узнал". Чувство вины находит отголосок во многих произведениях Ремизова. Это одна из тем книги *Подстриженными глазами*. В ней говорится о жгучей памяти сцены из *Подростка* Достоевского, о поклоне матери. Мы догадываемся о чувстве вины перед дочерью. Но это только намек. О своей вине перед С.П. А.М. пишет и прямо, как мы видели выше, и в более скрытой форме, на страницах *Подстриженными глазами*, и в некоторых толкованиях Гоголя.

Всю жизнь А.М. старался как-то искупить свою "вину", которую, по его чувству, только в последнюю болезнь С.П. он "оттрусил" и почувствовал себя свободным.

А.М. посвящал свою жизнь С.П. так же, как посвящал ей свои

книги. Материальная необеспеченность была ему особенно тяжела потому, что она не позволяла ему обеспечить С.П. "человеческую жизнь", то есть известный комфорт. А.М. всегда делал в этом направлении больше, чем мог и что было в его силах и возможностях, и он запутывался и материально, и в смысле человеческих отношений.

Когда в 1948 году А.М. передал мне в архив переписанные им начисто свои письма к С.П. разных лет, начиная с 1909 года (оригиналы этих писем он уничтожил), и я стала их читать, меня поразил их тон. До смерти С.П. А.М. почти не писал писем, кроме как по делу, за исключением писем С.П., когда она уезжала куда-нибудь. В письмах, которые позже А.М. писал разным лицам, в частности нашей семье, много человеческой теплоты, внимания и заботы о людях.

Я знала А.М. в течение очень многих лет; в последние годы его жизни, в периоды его болезни и слабости, проводила с ним вечера и ночи. Ему никогда не изменяла его улыбка, его ласковая приветливость, его тревожная забота о людях. Но почему-то в письмах А.М., написанных С.П. в разное время, в России и за границей, этого нет — они часто унылы и безнадежны, придирчивы к людям, проникнуты осуждением и во всяком случае умалением людей, за редкими исключениями. Их тяжело читать. По этим письмам можно было подумать, что Ремизовы были постоянно окружены мелкими, безличными и непонимающими людьми. Как будто бы живой ум — сердце — душа — исключительное достояние С.П. и еще, может быть, некоторых избранных. Я должна заметить, что ответные письма С.П. гораздо живее и сердечнее.

Пожалуй, тот же тон, который поразил меня при чтении его писем, звучит и в некоторых рассказах, написанных в эмиграции и имеющих автобиографический характер. Они вошли в ненапечатанную книгу *Учитель музыки* (книга составлена из рассказов, прежде напечатанных в различных журналах Зарубежья). У меня хранится экземпляр этой книги, подготовленный к печати самим А.М. К этой книге прибавлено вклеенное предисловие, очень краткое, написанное в более позднюю эпоху — 1948-1950 г. — рукой А.М. В нем он отзывается о своей книге как о "серой и безулыбной". Вот именно эта безулыбность, которую почувствовал сам А.М. в книге, характерна и для писем А.М. к С.П.

Случалось, что знакомые, выведенные в таких рассказах, обижались на неприглядность их образа в рассказе. Когда ему указывали на это, А.М. неизменно говорил: *"я вижу мир и людей моими подстриженными глазами, и иначе не могу"*. Может быть, исключение и

выделение С.П. из поля зрения "подстриженных глаз" и особое место, которое отводил ей А.М. среди прочих людей, так же как и деление этих людей на достойных и недостойных, согласно критерию С.П., в своей искусственности и являлось причиной этой, совершенно несвойственной натуре А.М., сухости тона писем и страниц, имеющих автобиографические элементы.

Возможно также, что постоянные денежные затруднения порождали беспокойное отношение к людям. Ремизовы нуждались в помощи друзей для возможности как-то прожить, что-то напечатать, достать денег. Они зависели от людей, которые с одной стороны им были необходимы, а с другой – утомляли и обременяли их жизнь. У Ремизовых было много друзей. Люди легко поддавались под обаяние Ремизовых и любили их. Я знаю много случаев, когда друзья отдавали им последнее, но сделать что-то существенное, чтобы им помочь, они не могли.

Сильные люди, обладавшие связями и средствами, являлись исключением. Они часто попадали в число "достойных" и "избранных". А.М. не стеснялся прославлять их в печати, не боясь самых неумеренных похвал и преувеличений, от которых друзьям, любившим его, делалось не по себе.

Во время последней болезни С.П. – разрушение нервных центров, склероз; умерла С.П. от кровоизлияния в мозг – А.М. ухаживал за нею с беззаветной любовью и самоотверженностью, преодолевая слабость и истощение, делая для нее решительно все в условиях кошмарного военного быта. Как он сам выдержал и остался жив?

Со смертью жены какая-то часть самого А.М. ушла навсегда. Во время, последовавшее за кончиной С.П., А.М. не думал, что он ее надолго переживет.

Лишенный сна в течение долгих месяцев, он отсыпался и лихорадочно работал, стараясь что-то закончить, написать, привести в порядок. За это время им написаны *Мышкина дудочка* и "Сквозь огонь скорбей"³ – описание последних дней С.П. Война кончилась, и хотя недостаток в топливе и пище еще существовал, А.М. уже больше не голодал и меньше страдал от холода. Несмотря на годы, перенесенные испытания и лишения, крепость всего существа А.М., физического и духовного, взяла верх. Творческая сила подняла его: он стал жить.

³ В розовом блеске.

Образ жизни Ремизова, так же как отношения с людьми, стали проще и естественнее. То же произошло и в области литературы: стиль стал проще, повествование непосредственнее. В эти годы писательское мастерство Ремизова достигло своей высшей точки. Страницы, посвященные оккупации Парижа и смерти жены, можно отнести к лучшим страницам русской прозы.

Мышкина дудочка — описание дома на улице Буало, в котором жили Ремизовы в беду оккупации, болезнь, последние месяцы жизни С.П. Книга состоит из отдельных рассказов. Они написаны особой ремизовской манерой. Трагедия наступающего конца, описание жизни и быта сплетается с мыслями о жизни, жизненной философией автора, шуткой и музыкой судьбы, звучащей на протяжении рассказа. С.П. больна, к ним на огонек приходят люди, такие же голодные и замерзшие.

Рассказы пересказаны, песни перепеты, посуда вымыта, крошки подъяены и все бумажки, и масляные и закорузлые, тесно залегли в ордюре: отслужили! — и чайник кипит; еще подмести бы кухню, ну, да завтра утром... И с чайником все переходим в комнату к С.П. Там все-таки теплее: зажжен радиатор. Сейчас начнется вечернее чтение... Чай пьем, с чем удастся и не разбирая, только б не пустой: ...я все делаю, чтобы достать: потом, ведь, и скоро, ничего не надо будет — я это чую, слышу и снится в мои редкие жгучие сны... А чаем напою и — слушайте!

Каждый вечер книга: я читаю из истории, и Достоевского, и Толстого, и стихи — Фета, Некрасова, Тютчева. Стихи читает и Серафима Павловна: Пушкин и Блок, это ее, она читает без книги... И памятью я прохожу все наши вечера, и мне болью звучат стихи Аполлона Григорьева: в них его горечь — чего нельзя вернуть! и в этой цыганской горечи мое 'не вернешь!' Все оживает — и ясно и видно — я вижу...

Я тихонько, с чайником для подогрева, вышел на кухню. Мышка оканчивала хвостиком тарелки — тарелки блестели. Я не стал беспокоить разговором мышку, молча выкурил свою горькую полыновую папиросу и с кипятком вернулся.

Эту манеру писать Ремизов ввел впервые в рассказах *Взвихренной Руси*, и ею же написаны *По карнизам*. Тут рассказ из реальной, обыденной жизни, заполненной самыми скромными предметами и знакомыми людьми, переплетен с другой реальностью мыслей и чувств, воспоминаниями из литературы.

Мышкина дудочка — интермедия. И хотя А.М. уже внутренне знает и чувствует конец — "Я понимаю, глаза нечеловеческие, но что они хотят сказать мне о человеческой судьбе? Где-то что-то я уже чую, но не хочу, я не хочу понимать. И наперекор я все понимаю и ужасаюсь перед беспощадной правдой, я бессильный повернуть и поправить, но сердце — мое человеческое сердце не отпускает и только

сказать не может, не говорит, как и эта мышка”, – есть еще улыбка, весело рассказаны неурядицы и злключения свои и знакомых, которые вечерами сходятся как-то погреться и послушать чтение.

Но интермедия кончилась.

”Сквозь огонь скорбей” – книга, которая при несравненном литературном мастерстве уже выходит за пределы литературы. Жгучесть этих страниц можно сравнить с некоторыми страницами Достоевского или Аввакума. Боль человеческой жизни, человеческого сердца открыта перед нами. Июнь 1940 года. Налет на Париж, осколок снаряда попадает в выступ стены у окна квартиры Ремизовых. Стекла посыпались, ранили А.М. и С.П. ”С этого часа начинается страда”. С.П. обуял страх, ночи были ужасны. Люди бежали из Парижа. А.М. остается с больной женой. Месяцы страданий. Поиски еды, стояние в очередях. Исключительно холодная зима, рваные ботинки, продранные чулки; лопнули трубы – надо подтирать пол, ходить за водой в соседний дом. ”Четыре часа собираю воду, ползая на корточках, после всех моих стояний, и в коридоре ледник: в уборной засорились трубы, и когда наверху спускают, в раковине подымается и на пол: осьмизтажная застарелая моча...”.

В розовом блеске последнее Рождество, елка.

Сквозь серебро вскинулись воздушные мосты, и, как лунный луч, тонко заузорились дуги, лесенки, обручи, пилы, пояса, папоротники, весь чудесный лес ’морозных’ цветов. А стена с Пифагоровым ’числом и мерой’ – мои цветные геометрические конструкции, сверкая серебром, раскрылись вглубь, как настезь весною окна, и приблизили дали – ’сущность вещей’ и всяя природы... Свечи кротко горели. Во всей красе красовалась елка. И сидеть бы не гасить часами в этом мерцающем свете. Такой мир и тишина и какая-то память о немерцающем свете там, на родине ’начал и жизни’ откуда пришли мы на землю, а уйдем ли туда, не знаю...

И следя, как Серафима Павловна смотрит, как слушает, прислушиваясь в елочную тишину и в этот мерцающий свет, я слышал, что она слышит: оттуда – из России доносит ей голос... тесно усевшись на скамейке, поют дивчата; в печке потрескивает и ухает солома, а за окном, опущенным теплым снегом, горят рождественские, такие гоголевские... ясные, как твои глаза, звезды – –

– свя-тый-ве-чор –

И вот веки железом упали на светившиеся чистой ясные глаза и детская улыбка скорбью окостенела, а тревожное сердце затихло...”.

”С.П. очень изменилась за последние годы -- другой человек, – писал А.М. – Где ее буря, ее беспощадная требовательность, ее прямое резкое слово и осуждение всяких человеческих слабостей?”

...За неделю до смерти попросила меня прочитать ей вслух 'Наймичку' Шевченки. Это и была 'Отходная' – мое последнее чтение: страда матери, в жизни не узнанной сыном и только в час смерти она открывает ему, что она его мать...

Прости мене! Я каралась
Весь вік в чужой хаті...
Прости мене, мой сыночку.
Я... я твоя мати!

...Далекая память: Петербург. Осень – серый вечер – над опустелой детской кроваткой (Наташа не с нами). И разве мать может забыть? И разве я могу забыть материнскую боль, ее разлуку? Ганна, девочка-нянька, поет, тоскуя по своей черной земле: 'Ай-и люли – прилетели сизы гули...' И эти слезы – это горе – это завязь боли.

* * *

Во время войны были получены из Киева несколько писем от Наташи и Лидии Павловны. На этих письмах стоит штемпель немецкой цензуры и полосы, следы проверки: не написаны ли они симпатическими чернилами? На двух конвертах немецкие марки, очевидно письма были посланы с оказией из Германии. Наташа успела получить известие о смерти матери. В своем последнем письме она зовет отца к ним, на родину: "Ты ведь один остался".

В годы, последовавшие за войной, А.М. дал мне свои книжки-записи, где много говорится о дочери, и альбом с детскими карточками Наташи и ее сына Бориса. Он оставил себе в ящике стола только одну, уже взрослой Наташи, он любил смотреть на нее и охотно показывал: "губы мои, а глаза Серафимы Павловны", – говорил он.

После конца войны А.М. взял советский паспорт⁴. Хотя к этому времени силы его несколько восстановились, все же А.М. был, конечно, слишком слаб для того чтобы возвращаться в Россию, предпринять такое путешествие и такую ломку жизни. И в более молодые годы, перемены и путешествия страшили А.М., он терялся, боясь опоздать, приезжал на вокзал за час до отхода поезда. Если он, несмотря на все, думал о поездке, то это для возможной встречи с дочерью, звавшей его к себе. После смерти Наташи, ее сын Борис, в свою очередь, звал деда в Россию.

В 1946 году пришла весть о смерти Наташи – А.М. написала Лидия Павловна. А.М. думал, что смерть была насильственная, он знал, что немцы, покидая Киев, убивали людей, приканчивали больных в

⁴ Как в тот год многие русские.

больницах. Впоследствии, из письма внука А.М., Бориса Борисовича Ремизова, я узнала, что в отношении Натальи Алексеевны Ремизовой это было неверно. Смерть была естественная, от сердечного приступа. Обстановка войны только косвенно повлияла на ее конец: в больнице никого не было и никакой медицинской помощи не могло быть оказано. Жителей Киева немцы угнали за несколько километров от города, все, кто мог, скрылись.

Во время войны А. М. приснился сон⁵ :

...а год идет, и другой прошел и третий к концу, нет вестей из Киева. Слышно, у того убит, у этого пропали. Жизнь моя серо-пегая, мне что ночь, что день. В затворе живу, редко нос когда высуну на улицу, а из окошка плохо видно.

Сны мои яркие и по всем дорогам нет мне заставы: на Москву ли, в Киев. И однажды сон привел меня в Киев – моя тревога. И потом все то оказалось как во сне, увидел о тебе, Наташа, твой последний час...

Кто-то меня окликнул. В этом оклике я смутно что-то понял... и всем зрением своим я как врезался в стену – смотрю. Я слышу, течет вода – в больницах по утрам такая вода: моют пол в коридоре. За окном тихо падает первый снег – как легко и уверенно, а мне безнадежно. Иссиня снежно окостенело на ее лице и я не узнаю моих губ – не зря их зорит, а крещенская синь: последний, до горлышка глубокий поцелуй...

И невольно ишу в судорожно скорченных пальцах – в этих глазах немых мои волшебные сказки. 'Наташа, что с тобой такое сделали?'

Сын Натальи Алексеевны Ремизовой так пишет о ее конце:

...во время отступления фашистов, ее в полубессознательном состоянии удалось поместить в единственную существовавшую тогда больницу для местного населения – она оттуда уже не вышла: ее задушила сердечная водянка. Самое катастрофическое было то, что она умирала в разгар отступления фашистов из Киева, все население было выгнано за черту города (больницу, правда, не успели тронуть) – но я и Лидуся, находясь за пять километров от города, не имели возможности посетить маму в больнице, и она умерла 30 октября 1943 года, а добрался я до больницы только 6 ноября, когда уже вошли наши войска.

...Что представляла из себя мама, как личность? В общем, дорогая Наталья Викторовна, Вы правы: яркая, крупная, умная, с большим темпераментом и любовью к жизни – к этому надо еще добавить, очень одаренная, если не талантливая (в смысле литературы). Не красивая (она была точной копией А.М.), но симпатичная, в приятном ей дружеском кругу – обаятельная. Выросшая на Украине, она всегда считала себя украинкой, прекрасно знала и любила украинскую литературу, преподавала как русский, так и украинский язык и литературу в школе. Любила она в жизни

⁵ *Мартын Задека.*

все ее радости, стремилась – нередко в ущерб своему здоровью – пользоваться ими. Ее друзья обожали ее и навсегда сохранили память о ней. В кругу друзей и на работе она была самым очарованием – веселая, жизнеутверждающая и жизнерадостная, очень компанейская. В семье же – в связи с тем, что ее страшно баловали и вконец избаловали слепо любившие ее тетушки, которые заменили ей мать (особенно Лидия Павловна) – она была нелегким человеком, не менее эгоцентричным, чем Серафима Павловна, очень вспыльчивой, резкой, что во многом объяснялось также и неустроенной личной жизнью; мама была три раза замужем, но прожила свои годы фактически без настоящей семьи.

Она была поистине одаренным человеком, знавшим и очень любившим русскую поэзию. Она сама писала стихи, но она не придавала им значения и часто даже не записывала, а только импровизировала.

(Из письма сына Натальи Алексеевны Ремизовой – Бориса Борисовича Ремизова. Киев, 28 марта 1969 года.)

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Поздней осенью 1921 года, в темный и дождливый день, мы покинули Россию. Старенький трясущийся извозчик довез нас до вокзала. Простившись с немногими провожавшими нас, мы разместились в вагоне, мама и мы, три сестры. Народу было мало. Поезд тронулся. Тянулись версты, серое небо, серый пейзаж. На платформе какой-то станции женщины в линялых платках предлагали яблоки: "Купите! Это лимоновка". Удлиненные желтозеленые плоды. Я купила яблок и принесла в купе. Это было мое прощание с Россией.

В том же году "в суровое августовское утро, когда покорные судьбе, в скотском вагоне, как скот убойный, мы подъезжали к границе, оставляя русскую землю..." — вспоминает во *Взвихренной Руси* Алексей Михайлович Ремизов. Отъезд Ремизовых совпал со смертью Блока.

Я вспоминаю, как медленно шел наш поезд среди пустых полей и глинистой желтой земли, как подъехал к эстонской границе: Нарва. Мы приехали в Ревель. Нас поразило благоденствие этой маленькой страны. Мы прожили несколько месяцев в Эстонии, с сестрой Ольгой я училась живописи в Юрьевской Академии. Юрьев (Дерпт, по эстонски — Тарту) один из самых старых университетских городов Европы. Летом 1922 года мы переехали в Берлин. Берлин мне понравился: широкие светлые улицы с легкой тенью от деревьев, движение автобусов и трамваев, магазины, хорошо одетые люди. Но в то время в Германии остро переживался послевоенный кризис, деньги падали в цене и каждый день росли цены на предметы первой необходимости. Население было озабочено, в тревоге и недоумении, с явным недоброжелательством относилось к иностранцам. Их было много. Очевидно, при падавшей марке, создавалась благоприятная почва для спекуляции, иностранцы легко наживались, скупали немецкие товары за бесценок.

В России это было время "Новой экономической политики", провозглашенной Лениным, и сравнительного политического либерализма. Перед нашим отъездом из России в Поволжье начался голод. Весть о голоде распространилась внезапно. Сведения были скудны, но ужас охватил всех: понимали, что голод 1921 года в размер тех страшных бедствий, память о которых сохранилась в летописях разных народов. Властям пришлось ослабить экономический зажим годов военного коммунизма и вести дела с Западом.

Кроме официальных деловых людей, приехавших в Берлин в связи с политикой Нэпа, из России была отпущена многочисленная группа интеллигенции: профессоров, ученых, писателей. Среди них были Шестов, Бердяев, Франк, Степун, Зайцев, Осоргин и многие другие писатели. Выпущены были также меньшевики во главе с Ю.О. Мартовым. В тот момент в России выездные паспорта давались сравнительно легко; таким образом в Берлине оказались А.Белый, Пастернак, Ал. Толстой, Пильняк, Эренбург, Шкловский и др. Съехалось также много художников: Кандинский, Шагал, Пуни, Терешкович, Архипенко (называю только некоторых).

Ремизовы тоже приехали в Берлин. О своем отъезде из России А.М. пишет во *Взвихренной Руси* и в своих личных записях.

Ремизовым удалось выехать легально, в качестве "оптантов". У них нашлась какая-то зацепка, какое-то дальнейшее родство Серафимы Павловны в Эстонии (в те годы самостоятельной республики), дававшее им право переехать туда на жительство.

А.М. вспоминает, через сколько мытарств им пришлось пройти при этом переезде.

В ночь перед отъездом, 5-го августа: "Как не хотелось уезжать. Всю ночь продумал: не хотелось. Но потом как оборвало, а у С.П. открылось на границе: ей так не хотелось расставаться". Целый день в Петербурге ушел на переезд с одного вокзала на другой, на формальности и на обыск. Потом приехали в Ямбург, где поезд простоял весь день и всю ночь. Дорога продолжалась пять дней. В Нарве — одиннадцатидневный карантин. И только утром 23 августа Ремизовы добрались до Ревеля.

В 1921 году А.М. было всего 44 года. Но и тогда, сильно близорукий, он всего боялся, чувствовал себя потеряннным. "Утром до обеда меня гоняли на вокзал выгружать багаж (11.VIII). Переходил по мосту через Нарову — это для меня такой ужас: что хотите, только не переходить мост...". "12.VIII — Заставили мыть пол. Мне это ничего не значит, я и натирать могу. Только бы не переходить мост!" 18 сентября Ремизовы покинули Ревель, а 21.IX.1921 приехали в Берлин.

Много позже, в конце своей жизни, А.М. говорил мне, что будь он один, он никогда бы не уехал из России: "Я все равно не пропал бы, жил бы в щели. Нашелся бы кто-нибудь, ну, красноармеец, или другой... кормили бы меня... но Серафима Павловна очень мучилась от лишений, от невозможности в тех условиях заниматься своим делом (археология, палеография, русская история). Она все время

болела, не могла лечиться, ей трудно было переносить — холод, голод, бесправие — как она часто повторяла...” В записях С.П. 1918 года, переписанных А.М. в 1947 году, она описывает, как им тяжело жить. Переписывая, А.М. добавляет: ”Без С.П. я бы пропал в эти годы. Ни в какие магазины мне доступа не было. С.П. и табак мне доставала. Ее не боялись. Так кое-как, а жили. Но один я — не выжил бы”.

Ремизовы ездили за границу и прежде: они были во Франции, Италии; война 1914 года застала их в Германии на пути в Россию. Их обоих привлекала культура Запада: памятники искусства, архитектура, история религий и строй жизни различных стран. И А.М. и С.П. — оба очень русские по своей природе и воспитанию и неотделимо связанные с Россией и творчески и кровно — с большим и страстным, редким среди русских, интересом относились ко всем проявлениям духа Запада. Желая проникнуть вглубь, они внимательно изучали историю и литературу, верования и легенды стран, в которых им пришлось побывать. Они с любопытством вглядывались в окружающую их жизнь и особенности сначала в Германии, затем во Франции.

Ремизова часто характеризуют как писателя специфически русского, замкнувшегося в древнерусском мире. Со своей стороны скажу, что среди русских писателей трудно назвать кого-нибудь, кто бы так глубоко знал и понимал культуру Запада, как Ремизов. Он прекрасно разбирался в различных течениях в искусстве и мысли на Западе, включая самые современные, никогда не застывая на месте и с жадным интересом прислушиваясь к новому.

В 1922 году Берлин оказался центром очень интенсивной русской жизни. Возникали издательства (Гржебина, *Геликон*, *Слово*, *Петрополис* и др.). Выходили газеты различных политических групп (*Руль*, под редакцией И.В.Гессена; *Накануне*, просоветского направления), журналы и альманахи (*Эпопея* А.Белого), богато изданный художественный журнал *Жар-Птица*. Устраивались выставки, лекции, курсы, литературные вечера, собрания, на которых выступали писатели; их посещала многочисленная интеллигенция, сосредоточившаяся в Берлине. Издательства выпускали много книг — и классиков, и новинок, сборники стихов новых, известных нам еще только по имени, поэтов. Я помню зеленую *Сестру мою жизнь* Пастернака, маленькую изящную книжечку стихов к Блоку Марины Цветаевой. Книги издавались тщательно, с большим вкусом. Книгоиздатели привлекали художников. Прозаики и поэты с оживлением обменивались мнениями по поводу только что вышедших книг и их оформления.

Писатели, впоследствии разошедшиеся из-за противоположных политических взглядов или художественных установок, в то время (1922–1924) казались дружными и объединенными, часто виделись, ходили друг к другу, делились новостями. Сейчас мне трудно объяснить себе, как могли все эти люди существовать материально в чужой стране, но большинство русской интеллигенции в Берлине жило хоть и очень скромно, однако не бедствовало. Только что покинув Россию, они еще не чувствовали себя оторванными, надеялись на скорое возвращение. Почти все были еще молоды, полны надежд и, после трагического напряжения годов революции, радовались свободе и непринужденности берлинской жизни. Ходили в кафе, увлекались кинофильмами, посещали выставки, встречались, спорили. Из России приезжали театры: Художественный и его Студии, Камерный, Романтический. Андрей Белый открыл модные тогда танцы (фокстрот, уан-стэп, танго) и говорил, что улавливает в их ритме "звуки там-тама грядущего дикаря, уже занесшего свой томагавк на нашу цивилизацию". Общее настроение было бодрое и оживленное. Мы с сестрою Ольгой начали посещать открывшуюся художественную школу Архипенки.

* * *

Вскоре после нашего приезда в Берлин, мама повела нас знакомиться с Ремизовыми. Они жили в тихой части Берлина – Вильмерсдорф. Скромный серый многоэтажный дом, темноватая лестница. Ремизовы жили на втором этаже. Я потянула шнурок звонка. Нам открыла сухошавая женщина – хозяйка квартиры. Передняя была темная и узкая, заставленная сундуками и шкафами, один шкаф книжный. Хозяйка постучала. Дверь открылась, и нам навстречу вышла очень полная дама, крупная, с круглым розовым лицом и русыми волосами, причесанными на прямой пробор. Она приветливо поздоровалась с мамой. Мама представила нас. "Наташа и Оля", – повторила Серафима Павловна, вглядываясь в наши лица. Ее светлосерые глаза улыбались. Она впустила нас в просторную светлую комнату. За письменным столом сидел Алексей Михайлович. Он встал со своего стула, пальцем взлохматил волосы на висках: "Ну здравствуйте, здравствуйте", – и протянул руку, ласково улыбаясь и губами и блестящими через очки живыми веселыми глазами. "Вчера голову мыл..." – он надел тюбетейку.

Маленького роста, сгорбленный, с живым внимательным взглядом, А.М. казался существом из другого, не нашего, сказочного мира. Здороваясь, он крепко жал руку своей сильной, сухой и мягкой рукой. Голос был спокойный, ровный и твердый, с особенным значением выговаривавший слова. Меня поразили глаза, их пронизательный, умный и ласковый и, вместе с тем, шаловливо-лукавый взгляд. Круглые очки в темной оправе как будто бы составляли целое с карими глазами, которые должно быть очень много видели. До нашего знакомства, я не видела портретов Ремизова, хотя и много слышала о нем от мамы и дяди, бывшего с ним в ссылке в Вологде. Лицо А.М. показалось мне знакомым, как будто бы я знала его давно. Все существо А.М. очаровывало: улыбка, голос и выражение, из тех, которые дети находят у своих любимых игрушек. В этом неправильном лице было столько тонкости и игры, в нем сочетались мудрость и доброта и внимательность с ласковой шутливостью.

— Познакомьтесь с Фейерменхеном... — А.М. взял со стола, где он сидел прислонившись к лампе, матерчатого человечка, гнома в розовом полосатом платье и черном колпачке с растопыренными ушами. Фейерменхен смотрел грустно и ласково.

Я бросила взгляд на стол, на нем лежали в порядке рукописи, бумаги и начатый рисунок.

— Оказывается, сейчас в живописи два направления, и я стараюсь определить себя, от кого я происхожу: от Малевича или от Кандинского?

Довольно высоко над столом были протянуты веревочки, на них висели маленькие игрушки, фигурки людей и зверей, разные необычные предметы, раковины, хвостики, рыбы скелеты. Веревки сходились к пауку, в углу — "паук ест их", "вот он сколько наел!"

А.М. сел на свое место и, продолжая рисовать, повел разговор так, как будто бы мы его только что прервали. Он упоминал людей и говорил о них, как о наших знакомых, а на вопрос, кто они, давал шутливые определения или прозвища.

Пока мы беседовали, С.П. приготовила чай и пригласила нас к столу. На чистой скатерти были красиво расставлены чашки, серебряные ложечки "все как в России". "Как в России" — этими словами определялось горячее чувство бесконечной любви к России, ее быту, прошлому, ее истории и культуре — одно из самых сильных чувств, владевших С.П. Голос ее был ровен и несколько строг и важен, несмотря на приветливость и на улыбку светлосерых сияющих глаз. Казалось, она никогда не забывала, что в ее сердце сохраняется со-

кровище ее высокого знания и устремленности, ее веры и любви к России.

— Помните, Россия никогда не погибнет, потому что у нее есть Пушкин, Лермонтов, Достоевский и Лев Толстой, — наставительно, как детям, сказала С.П. свою любимую фразу, которая утешала ее в тяжелые минуты горя и тоски по родине. Она часто повторяла ее и себе и другим.

А.М. заговорил о писательском труде. "Я даже не говорю о стихах, но и проза — каторга". Только что к нему заходил молодой человек, "он что-то написал и читал мне. А я ему говорю — а вы давайте вещи. Вот например я хочу писать о севере. И мне сразу приходит в голову — семга". Разговор зашел о писателях. Алексей Толстой собирался возвращаться в Россию. А.М. отмечал его большую одаренность, но и легкость. Позже я узнала, что в глазах Ремизова — легкость была смертельным грехом в писательском деле. Также и в жизни. В то время А.Толстой часто бывал у Ремизовых, писал в альбом С.П.

В книге воспоминаний (*Terre inhumaine*, Париж, 1949) Иосиф Чапский пишет о своих встречах с А.Толстым в Ташкенте в 1942 году. Говоря о русских дореволюционных писателях, А.Толстой вспомнил Ремизова, "которому он (А.Толстой) обязан всем, что знает о русском языке".

В то время среди покинувших Россию писателей было чувство осуждения по отношению к Горькому. "Нет, нет, они не знают Горького..." — и как довод А.М. привел сказанную ему когда-то Горьким фразу на "о": "А у меня тогда на даче ежишко был, хороший". Впоследствии Ремизов писал о Горьком ("Три письма Горького") и всегда подчеркивал его исключительную доброту по отношению к людям.

А.М. подарил нам свою только что вышедшую книгу *В поле блакитном* (в голубом поле, геральдическое обозначение; первая часть будущей книги *Оля*) и сказал, что эта книга написана по устным воспоминаниям С.П. Серафима Павловна рассказала, что в ее детстве, между нею и ее сестрами не было духовной близости и она мечтала иметь подругу, близкую ей и во всем похожую на нее, с именем Оля.

С этой первой встречи началась наша долгая дружба с Ремизовыми. Мы стали часто бывать у них. Я как-то зашла вечером и застала А.М. одного, он сидел за письменным столом; он стал говорить о том, что его в этот момент занимало: душа русской литературы. Каждая партия или группа примеряет к себе писателя. Но разве мож-

но втиснуть душу в какую-то мерку? И тут начинается подтасовка: стало модно всех перетаскивать к себе и от богатства большого писателя брать свою долю и его провозглашать своим. Так случилось с Толстым и Достоевским.

Вся русская литература от Пушкина и до наших дней всегда была душой за угнетаемых против угнетателей, за обездоленных против торжествующих, за гонимых против гонителей. Кто бы ни строил тюрьмы, русский писатель будет против тюремщиков, кто бы ни воздвигал виселицы, русский писатель будет против палачей, — потому что и у тюремщиков и у палачей душа одна, как бы различны ни были их слова и вера.

Герцен просил поляков не забывать, что "у нас кроме Муравьевых, которые вешают, есть Муравьевы, которых вешают".

Нет, русская литература за "Муравьевыми-вешателями", с какими бы лозунгами они ни выступали, никогда не пойдет.

"Душа русской литературы да и вообще литературы, это 'боль'. Гимн боли, вот что можно прочитать по-русски. Да как же по-другому: слово рождается, когда возьмет за сердце, тут тайна человеческой природы. Петь может человек от радости, но чтобы что-то написать, надо раненое сердце — из ликования, из торжества никогда не выйдет слова".

В те дни в Берлине, в издательстве Гржебина, среди других вышли две книги, сходные по теме и по стилю: *Крестовые сестры* и *Пятая язва*. *Крестовые сестры* были написаны и изданы в России в 1910 году. *Пятая язва* написана в 1911 г. До моего личного знакомства с Ремизовым я знала мир его сказок с его затейливыми стилистическими изысканиями. Теперь, по этим двум книгам, я познакомилась с другой стороной его творчества, идущего "по линии Достоевского".

С ранней юности боль человеческой жизни захватила и ранила Ремизова и стала одной из его центральных тем. В романе *Пруд* (1908 г.), так же как и в повести *Часы*, А.М. показывает с большой силой и накалом мрак человеческой души и бессмысленную, иступленную боль человеческого существования. Это сгущение темных красок (сюрреализм) — не декадентский прием той эпохи. Именно в этой конденсации мрака молодой Ремизов думает найти выход, как будто бы надеясь что-то изменить в мире.

Крестовые сестры написаны позднее, стиль и язык этой книги отличается от первых произведений Ремизова. В нем меньше словесных и стилистических поисков, язык проще, и тем самым сильнее — это проза очень большого мастера. В *Крестовых сестрах* сплетается несколько тем, но главный мотив тот же, о человеческой беде, о рав-

нодушии людей друг к другу: "человек человеку бревно". Так ли это? Откуда и зачем человек пришел на землю? Загадка судьбы — человеку не уйти от нее.

Несмотря на мрак жизни "Буркова двора", где вереницей проходят люди, каждый со своей бедой, в *Крестовых сестрах* звучит тема о радости жизни. Маракулин, герой повести, рассказывал "о какой-то своей ничем не объяснимой необыкновенной радости, а испытывал он ее совсем неожиданно: бежит другой раз по утру на службу и вдруг беспричинно словно бы сердце перепорхнет в груди, переполнит грудь и станет необыкновенно радостно. И такая это радость его, так охватит всего и так ее много, взял бы, кажется, из груди, из самого сердца горячую и роздал каждому, — и на всех бы хватило, взял бы, как пичку, в обе горсти и, дуя ртом, чтобы не зазябла, не выпорхнула эта райская птичка, понес бы ее по Невскому: пускай видят ее и вдохнут тепло ее и почувствуют свет ее, — тихий свет и тепло, каким дышит и светит сердце от радости".

"Конечно, сам себя не рассудишь, на признаниях не выедешь: было, не было — кто разберет? — но любовь к жизни и чутье к жизни, веселость духа, это в нем было, правда!" Эти строчки я читаю в пожелтевшей книжке — *Крестовые сестры* — изданной в Берлине в 1923 г. Если говорить о А.М. каким он был во все годы, когда я его знала, и в старости, и перед концом, то можно сказать теми же словами, что любовь к жизни, чутье к жизни и веселость духа не покинули его до смерти.

В Берлине в 1922—1923 гг. мы часто встречались с Ремизовыми на литературных собраниях в кафе Леон на Ноллендорфплац. Там в первый раз я услышала публичное чтение Ремизова. Он читал "Золотую рыбку" и, читая, завораживал публику. В его чтении ни один звук не пропал: слова окрашивались, оживали.

Мне вспоминается дружная атмосфера этих писательских вечеров. Было много шума и споров, но яд личных и политических расхождений и распрей еще не начал проникать в жизнь эмигрантов. Кроме литературных собраний и встреч, были еще публичные лекции и диспуты на разные темы. Бердяеву, Шестову, историкам и социологам было что сказать.

Остался в памяти вечер поэтов, устроенный в кафе Леон. Грохотал Маяковский. В первый раз я увидела Пастернака — идеальный образ поэта: он был молод, темные пряди спадали на лоб. Он не стоял на месте; читая, он метался по сцене. Мы услышали "Матрос в Москве" и цикл "Разрыв" из недавно вышедшей в издательстве "Геликон" книги *Темы и варьяции*. Вскоре я увидела эту фиолетовую кни-

жечку на письменном столе А.М., который сказал, что Пастернак занес ее ему. Ремизовы знали родителей поэта.

Много, много позже, в 1957 г. незадолго до кончины А.М., я прочла ему вслух несколько страниц из *Детства Люверс* – “Какая насыщенная проза!” – сказал А.М. с одобрением.

Чаще всего А.М. оставался дома – С.П. ходила на собрания одна и, возвратясь, делилась услышанным с А.М. Он любил, когда мы с сестрой ходили на лекции и доклады; “рассказывайте!” – говорил он, встречая нас. В то время начиналось движение евразийства, которым тогда интересовался А.М.

Материально Ремизовым жилось нелегко. Средства к существованию добывались с огромным трудом и напряжением. А.М. всю жизнь жаловался на то, что его мало печатают; в те годы в разных странах Европы – в крупных центрах и в “лимитрофах” (прибалтийских государствах), в Югославии, в Харбине – выходили русские газеты и журналы. Со свойственным ему упорством характера, А.М. кропотливо переписывал своим чудесным почерком написанные им рассказы, сказки и легенды и рассылал их по редакциям. Некоторые рукописи возвращались автору, другие так и не получали ответа. Кое-что появлялось в печати, в крупных журналах – *Современные Записки*, *Воля России* – или в маленьких недолговечных изданиях в медвежьих углах эмиграции. Теперь, когда в моих руках сосредоточились эти старые истлевающие журналы, я вижу, что на протяжении лет напечатано было очень много произведений Ремизова. Конечно, сравнительно с усилиями, которые прилагал А.М. для их помещения, и, главное, для его творческого заряда – это казалось каплей в море. А.М. постоянно с чувством горечи говорил, что его считают непонятым и потому не хотят печатать. Сам А.М. никогда не думал о читателе, когда писал, и ничего не сделал, чтобы стать “понятым”. Он всегда подчеркивал свою непризнанность и сделал ее как бы своим стилем. И хотя лучшие умы среди его современников, сначала в России, затем на Западе, глубоко ценили оригинальность мысли и выражения Ремизова, это чувство не проходило; наоборот, А.М. утверждал его.

Ремизовы были угнетены жизнью в квартире, в которой жила квартирная хозяйка. Жить с “ведьмой” было испытанием для С.П. “Нет несчастнее меня человека”, – говорила она вздыхая. Вот если бы удалось переехать на другую квартиру – “абгешлоссене вонунг”... Тогда начнется “настоящая жизнь”. Можно будет вынуть из чемодана коллекцию бисера, развесить по стенам. Ремизовы будут устраивать

вечера чтения, приглашать людей. Они отпразднуют новоселье, позовут Андрея Белого.

В то время в Берлине найти такую квартиру было нелегко. Мы с сестрой обещали помочь и вместе с другими друзьями принялись за поиски. В конце концов желанная квартира была найдена.

На новой квартире без хозяйки все-таки той счастливой жизни не получилось. И с Андреем Белым С.П. нас не познакомила — мы познакомились сами. Берлинская русская колония стала редеть. Издательства постепенно прекращали свое существование, и писатели стали думать о других центрах: Прага, Париж. В то время Чехословакия (Масарик) выдавала русским студентам, профессорам, писателям стипендии и ссуды. В Праге выходила *Воля России*, один из журналов, в котором регулярно печатались произведения Ремизова. Много русской интеллигенции отправилось в Прагу. "Прага — гиблое место" (т. е. без будущего) — говорил А.М. Его и С.П. мечтой был Париж.

В это время материальное положение нашей семьи стало очень трудным. Родители наши разошлись, мне и сестре не удавалось посещать художественную школу — "КунстшULE Архипенко". Приходилось искать работу. Переводы попадались редко, чаще надо было заниматься шитьем. Знакомая, приехавшая на лето из Парижа в Германию, где, благодаря низкой валюте, можно было прожить баснословно дешево, предложила найти нам работу в Париже. Надеюсь совместить заработок с занятиями искусством, мы согласились.

Я пришла прощаться с Ремизовыми. В то время наша дружба была уже крепкой. Мы нежно простились с С.П., А.М. протянул мне голубую книжку *Мара*, только что вышедшую в одном из берлинских издательств. *Мара* от слова "мрак", и рассказы в ней были довольно мрачные; А.М. взял книжку из моих рук и надписал с росчерком: "Хранить обезьяньи заветы накрепко!"

К тому времени мы с сестрой уже состояли членами Великой и Вольной Обезьяньей Палаты, кавалерами первой степени. По молодости наших лет, к званью еще прибавлялось "служба обезьянья", а расходы были оплачены желанием, трудами и усердием. Мой знак был "с куньими лапками", а сестры — "с кукушкиным яйцом".

В июле 1923 г. мы уехали в Париж.

РЕМИЗОВЫ В ПАРИЖЕ

Живя в Берлине, Ремизовы мечтали о переезде в Париж – город, который они знали уже прежде: в 1911 году они прожили в нем несколько недель. Тогда же моя мать познакомилась с ними, положив начало долгой дружбе нашей семьи с Ремизовыми.

Ремизовы приехали в Париж осенью 1923 года. Алексей Михайлович и Серафима Павловна любили французскую культуру. Где бы они ни были, они всегда старались через культуру проникнуть в дух народа той страны, в которой они находились. По своей любви к сказкам – “сказочной природе”, как он сам говорил, – Ремизову был особенно близок дух германской культуры, отразившийся в произведениях немецких романтиков. Гете был для него вершиной из вершин.

Поселившись в Париже, А.М. захотел поглубже узнать Францию. Вместе с С.П. они изучали историческое прошлое Франции и то, как оно отразилось в искусстве, в словесных и архитектурных памятниках. Они стремились также познакомиться с современной жизнью и языком. А.М. знал французский язык со времени своей молодости, но знал его книжно: он говорил с трудом, подыскивая слова. С.П. со своей любовью и одаренностью к языковедению принялась усердно изучать французскую грамматику. Несмотря на то, что они передвигались с трудом – А.М. по причине своей близорукости, а С.П. из-за болезненной полноты, – в первые годы парижской жизни они осматривали здания, музеи, церкви.

В отношении к западной культуре А.М. отличался от многих русских писателей, продолжавших в эмиграции жить исключительно русскими интересами, думая только о “возвращении” и очень мало знакомясь со страной, где им приходилось жить. Ремизов был всегда в курсе современных течений западной мысли и искусства.

Надо сказать, что эмигрантам было нелегко знакомиться с французами и найти с ними контакт. В начале XX-го столетия французы не походили на теперешних: они жили очень замкнуто, мало общаясь не только с иностранцами, но и между собой, исключая круг самых близких друзей. В этом смысле, перемена началась со времени войны и немецкой оккупации сороковых годов.

В молодости А.М. принадлежал к революционной интеллигенции, в более зрелые годы он был вне политики. “Все войны одинаковы. Как и революции. Но бывают исторические, как войны, так и ре-

волюции. Начало их за 'освобождение' во имя 'блага человечества', а продолжают, как спорт – кто кого переплюнет, а конец – сам чорт шею свернет и ногу сломит. И это нисколько не меняет дела, остается 'во имя', и тут 'я' не причем, а именно 'другой' – другие – 'благо человечества'. А поздоровилось ли кому, хоть когда-нибудь от этого 'блага'? Среди цветов и зорь, под проливным небом звезд – человек страждет" (1946 г.: "Судьба без судьбы", *Иверень*).

У Ремизова, в годы когда он поселился в Париже (ему было 46 лет), не было политических взглядов, которые бы его связывали с той или другой группой эмиграции. Он смотрел на современность без ослепления политической страстью, спокойно, стараясь быть объективным. Уехав из России, Ремизов стремился, насколько было возможным по доходившим сведениям и газетам, взглядываться в современную жизнь в России, с надеждой найти ростки новой культуры и литературы. Такое отношение к настоящему России возмущало многих прежних друзей Ремизовых. В своей непримиримости они стали называть Ремизова "большевиком" и относиться к нему враждебно.

В Берлине, говоря о возможном переезде в Париж, С.П. рассказывала о дружбе с Мережковскими, о своих отношениях с Зинаидой Николаевной Гиппиус (Мережковской). Зинаида Николаевна восторженно любила С.П., писала ей стихи:

Серафиме Павловне Ремизовой

То бурная, властно-мятежная –
То тише вечернего дня;
Заря огневая и нежная
На небе взошла для меня.

Простая, спокойно-суровая,
Как правда пряма и ярка,
Чиста, как вода родниковая,
Как чистый родник, глубока.

Пусть люди, судя нас и меряя,
О нас ничего не поймут.
Не людям – тебе одной верю я,
Над нами есть Божеский суд.

Их жизнь, суетливо-унылая
Проходит во имя ничье.
Я – вечно люблю тебя, милая,
И все, что ты любишь, – мое.

Встреча в Париже глубоко разочаровала и тех и других, отношения с Мережковскими сразу испортились на политической почве. Они перестали встречаться.

По приезде в Париж Ремизовы временно поселились у одной старинной приятельницы А.М., знавшей его еще в молодости. Помнится, что первые месяцы жизни в Париже были трудными из-за здоровья С.П.: у нее был тяжелый припадок болезни печени. Дружья помогли найти квартиру. Ремизовы поселились на улице Шардон-Лягаш, в районе Отей¹. Они прожили осень и зиму в этой квартире. Весною переехали на другую, более подходящую, в том же районе, на авеню Мозар. Дом находился в небольшом углублении, называвшемся "Вилла Флор". Ремизовы прожили в этой квартире около трех лет. Вспоминая, я люблю останавливаться на этом периоде жизни Ремизовых, как мне кажется, лучше всего отражавшем атмосферу их быта и их самих.

Квартира была меблированная, небольшая, состояла из трех комнат. К входной двери², снаружи, была прикреплена бумажка, зеленая, на ней написано: "висит зеленое и поет", а на шерстинке подвешена монетка с дырочкой (в то время во Франции имели ход мелкие монеты с дырочкой). "Почему поет?" – спрашивали А.М. – "Раз зеленое, значит поет". Квартира была светлая и уютная. Из передней входили в узкую комнату с диваном и большим письменным столом, за которым работал А.М. Стекло́нные двери открывались в столовую с квадратным обеденным столом. Перед окном во дворе рос великолепный каштан, расцветавший весною белыми свечами пушистых цветов. В комнатах мебель и предметы были красиво расставлены и развешаны, с особым умением, свойственным А.М. и, по его словам, унаследованным от его отца, Михаила Алексеевича Ремизова, московского купца второй гильдии, торговавшего галантереей. В правом углу висели иконы. Большая – "Трех Радостей" – в жемчужном окладе из ремизовского дома, она передавалась младшему в семье. Икона Божьей Матери – материнское благословенье матери С.П. Икона Покрова, которой Ремизовы были благословлены после венчания. Под праздники зажигалась лампадка, светившая розовым светом. В комнате было торжественно и тихо. У стены стоял столик С.П., на нем небольшое Евангелие: "сорок лет утро у Серафимы Павловны – рассвет ее дня – начинался с Евангелия". На стене, над сто-

¹ Auteuil.

² См. выше, гл. 1.

ликом слева и справа был развешен "бисер" – знаменитая коллекция бисерных изделий, рекоделие бабушек, тетушек и крепостных девушек – шитье иглой или работа крючком. Главная часть происходила из родного дома С.П.

Бисерные кошельки – с павлином, с усадьбой, с узорами, с масонскими эмблемами; в деревянной рамке – бегущая собачка, "китайцы" в двух видах: вдавленные в воск и вышитые по канве. Чубук и круглая коробка для табака, кольца для салфеток, чехлы для трубок, коробочки. Многие из предметов, украшавших комнату, были для С.П. "заветными", особенно памятными и любимыми. Из коридора открывалась дверь в спальню с двумя кроватями, покрытыми вязаными шерстяными одеялами, работа рук С.П., и в кухню, в которой готовили еду А.М. и С.П. попеременно, у каждого были свои кулинарные специальности.

После нескольких месяцев жизни в Париже, Ремизовы на новой квартире почувствовали себя хорошо, и весь тон жизни стал веселее.

Приходившие к Ремизовым посетители, а приходиться надо было вечером, начиная с пяти часов, обыкновенно заставляли А.М. за письменным столом. Стол был продолговатый, из простого дерева, покрашенный самим А.М. черной и красной тушью. На столе стояла круглая чернильница, перья, ручки, карандаши. Бумаг было немного, несколько рукописей. В последние годы жизни Ремизов пользовался тетрадами в черном клеенчатом переплете. Писал на одной стороне, справа. На левую страницу выносил поправки или прибавления. Обыкновенно писал по три редакции, иногда по четыре, каждого произведения. Около лампы, устроенной из большой бутылки от шампанского – принесенной когда-то Д.П.Святополк-Мирским – сидел Фейерменхен. Как и в Берлине, над столом под потолком были протянуты три бечевки. Они сходились к углу, где сидел мохнатый паук, который "ел" зверей и человечков, привязанных к бечевкам.

А.М. по вечерам обыкновенно занимался рисованием или каллиграфической перепиской. Почерк его был знаменит. Изучение древних русских образцов, в котором ему помогала С.П., легло в основу его каллиграфического искусства. Затейливый или более простой, почерк А.М. был всегда ровный, приятный для глаза. Одновременно А.М. выполнял тончайшие графические рисунки, поражающие своим совершенством. "Слово – музыка – живопись – танец, это 'единое и многое', и у всякого свой ритм, своя мера. Слово вдохновит музыканта, но читать под музыку не выйдет. Тоже с живописью: картина вызовет слово, но живописать слово – пустое дело. Графика... но по-

тому что мысли и, выражающие их, слова линейны, одной породы” (*Пляшущий демон*). Рисунки Ремизова очень своеобразны и вводят нас в его фантастический мир. Человеческие лица и фигуры зверей выделяются на фоне абстрактных геометрических фигур, узоров и завитков. Большею частью эти рисунки выполнены тушью по белой бумаге, иногда раскрашены: всегда неожиданные краски и неожиданные формы.

В детстве А.М. мечтал стать художником. В своей автобиографической книге *Подстриженными глазами* он рассказывает, как из-за своей крайней близорукости он не способен был рисовать ”с натуры”, к чему изо всех сил стремился. На его рисунке выходили формы предметов, какими они представлялись его глазам, слитые с освещавшим их светом: излучение предметов, или, как он сам называл — ”испредметное”. Из-за своих близоруких глаз, в детстве Ремизов жил не в реальном, а в своем фантастическом и очень богатом мире. Когда, наконец, ему надели очки, — пространство вокруг него сузилось, предметы получили ограниченную форму и определенные контуры. Перед его глазами мир обеднел, погасли звезды, ”все стало таким мелким, бесцветным и беззвучным — сжалось, поблекло и онемело; оформилось и разгородилось... Не уйти и не скрыться от этого резко-ограниченного трезвого мира, от оголенного математического костяка, преследующего каждый твой шаг, каждый твой взгляд, каждый поворот. Так вот она какая натура!” (*Подстриженными глазами*).

В рисунках Ремизова осталось что-то от его ”первозданного мира”. Лица всегда окружены сиянием, как у святых на иконах. В те годы (20-ые—30-ые) рисунки и надписи Ремизова представляли собой чудо тончайшей графики. А.М. составлял из этих рисунков альбомы, или иллюстрировавшие его произведения, сказки, или на тему каких-нибудь событий или литературных произведений, или портреты знакомых лиц или писателей. Эти альбомы А.М. делал на продажу. Друзья Ремизовых обходили по адресам состоятельных людей, любителей искусства, или просто лиц, желавших помочь нуждающемуся писателю. Это было нелегкое дело, требовавшее от людей самоотверженности. Продажа альбомов помогала иногда Ремизовым прожить в самые трудные моменты. Через двадцать лет у Ремизова появится другая манера выражения: ”конструкции” (коллажи). И прежде А.М. часто пользовался для своих рисунков кусочками цветной или золотой и серебряной бумаги, которую он вырезывал и приклеивал. Во время войны — ниже я расскажу, при каких обстоятельствах А.М. это начал, — он стал делать большие абстрактные картины-коллажи,

”конструкции”, как он сам называл, часто комбинируя наклейку цветной бумаги с графическим рисунком пером. Еще позже, в последнее десятилетие своей жизни, Ремизов усвоил себе другой прием рисования. Старым стилем³, которое он макал в чернильницу с черными чернилами или тушью, он быстрым и уверенным штрихом своей сильной – до конца жизни сильной – рукой чертил лица и фигуры действующих лиц произведений, над которыми он работал. Изучая источники и матерьялы к кельтской легенде о Тристане, которую он написал по-своему, или перечитывая Гоголя для книги *Огонь вещей*, А.М. зарисовывал всех персонажей. Эти рисунки очень сильны и выразительны и, несмотря на простоту приема, сделаны с большим мастерством.

Мы часто приходили к Ремизовым вдвоем с сестрой Ольгой, или втроем с Ариадной, нашей младшей сестрой. Обыкновенно А.М. сам отворял двери, с улыбкой и приветом глядя сквозь круглые очки, с неизбежным вопросом, что случилось за те дни, что мы не виделись. Мы входили в его комнату, и он усаживал нас на узкий диван возле стола, где он занимался. Если С.П. не было дома, мы ждали ее возвращения из церкви или из гостей. Это время ожидания А.М. называл ”вечера к пришествию”. Так он написал на своей фотографической карточке: ”Память берлинская, память парижская, дни и вечера к пришествию – с вишнями вареники весной – Mozart-24–Paris-8”. Продолжая разговор, начатый в передней, А.М. писал или рисовал. Иногда отрывался и обращался с каким-нибудь, чаще всего шуточным, вопросом. В его словах и шутках было столько ласковой игры, столько улыбки и внимания, что мы сидели как очарованные и очень любили эти часы ”к пришествию”. Иногда А.М. рассказывал о своем детстве, но редко. Помню его рассказы о собаках, он всегда их мучительно жалел. У Найденовых было два пёсика: Розик и Лисик. Лисику перебили камнем лапу, и он очень страдал. И всю жизнь А.М. помнил это чувство жалости и боли, когда человек бессилен помочь. Вспоминал некоторые случаи из своего детства, как он мечтал найти бабочку махаон, или как парикмахер остриг его не ”под польку”, как он просил, а попросту под гребенку...

Приходила С.П. Она снимала пальто в передней, входила и долго и очень нежно целовалась с каждой из нас. Сестра Ариадна была девочкой-подростком, С.П. очень нравилось ее русское лицо, и она просила Ариадну дать ей ”потрогать носик, потому что он русский”. А.М. неслышно проходил на кухню и являлся с чайниками. Мы шли

³ Авторучка.

к столу. Стол был накрыт красивой скатертью, лежало серебро, еще из дома С.П., а хрустальная чайница, в которую был насыпан чай, была из дома Ремизовых. А.М. часто сам разливал чай. Чай был крепкий и душистый, всегда с чем-нибудь сладким и вкусным.

С.П., крупная и полная, царственно усаживалась за стол и заботливо всех угощала. Она начинала рассказывать, где она была, кого встретила. У С.П. был горячий характер; возвращаясь домой после встречи с людьми, она не всегда была в безмятежном состоянии духа, часто волновалась, иногда негодовала, услышав о какой-нибудь несправедливости. А.М. старался ее развлечь и развеселить, она успокаивалась. Зная, что нам не легко живется — мы с сестрой должны были зарабатывать на жизнь, а условия работы во Франции двадцатых годов были довольно трудные, — она расспрашивала про нас. Потом беседа останавливалась на какой-нибудь всех интересующей теме, из того, что происходило в мире, или из прочитанного. Часто это были воспоминания из прошлой жизни Ремизовых, о любимом Петербурге, о людях, о Блоке. В 1924 году в Петербурге было наводнение, как сто лет назад. Мы говорили об этом, и в один из вечеров А.М. прочел нам "Медного Всадника".

Утро у Ремизовых было посвящено работе, А.М. писал, а С.П. готовилась к лекциям. Она преподавала в Школе восточных языков в Париже в течение пятнадцати лет славяно-русскую палеографию (1924—1939) ("среди учеников первый — по собственному его признанию — А.Ремизов, по образованию математик-естественник"). У нее были книги, альбомы, матерьялы к этому преподаванию (Шляпкин, Тихонравов, Веселовский). Она любила их показывать и объяснять. Впоследствии, после смерти С.П., А.М. должен был продать эти книги. Обыкновенно до вечера посетителей не бывало. Мне случалось заходить к Ремизовым по делу и утром. А.М. боялся всего и его надо было сопровождать, когда ему предстояло куда-нибудь идти и объясняться, например в префектуру полиции для возобновления бумаг — вида на жительство для иностранцев. Зайдя за А.М. утром, я часто заставляла его за готовкой завтрака. Завтрак был легкий — А.М. варил прекрасный кофе и подавал его с хлебом и сыром. В постные дни (С.П. соблюдала посты) А.М. варил суп из грибов с рисом, луком и картофелем. В другие дни он отлично приготавливал рубленые котлеты или жарил картошку. Все это он делал хорошо, как все, что он делал — методически и по правилам, и всегда мог дать практический совет. На улице А.М. овладевало чувство страха, но, решившись вдруг, он быстро переходил улицу, не разговаривая и бодро шагая. Он говорил по-французски, но при разговоре в ка-

ком-нибудь учреждении терялся, искал слова и говорил не то, что хотел сказать. Когда мы благополучно возвращались домой, С.П. говорила мне: "спасибо, серый волк".

А.М. жил в вечном беспокойстве и ожидании, откладывая и не желая предпринимать то или другое до получения какого-нибудь ответа из редакции, или "когда найдем квартиру", или "после вечера" (ежегодно устраивался вечер публичного чтения А.М.), впоследствии: "когда выйдет книга" или же просто "когда будет теплее". С.П. жила больше всего в воспоминаниях прошлого: Россия, ее детство на Украине, ее семья, студенческие годы, ссылка, литературный Петербург. Она часто и много рассказывала, у нее был дар рассказывать и говорить наизусть. Память ее была необычайна. Ее манера чтения стихов была исключительная, она сама говорила, что читает, подражая манере Блока, — однотонно, без подчеркнутого выражения, медленно и очень значительно. Ее чтение производило большое впечатление.

С.П. рассказывала нам про мать А.М., которую она знала, про ее странные отношения с сыновьями. Мать совсем не занималась ими в детстве и впоследствии никогда не разговаривала с ними серьезно: между ними установился какой-то шуточный язык. Сыновья обращались к ней только шутливо и называли ее "муттер". Она прошла курс гимназии по-немецки (Петерпаульшуде) и отлично говорила и писала на этом языке. Любила каллиграфию и наполняла тетради готическим шрифтом. Впоследствии, когда я переводила на французский язык книгу *Подстриженными глазами*, А.М. мне много рассказывал о своей странной семье. Вскоре после его рождения, мать, Мария Александровна, ушла от отца и перешла жить к своим братьям Найденовым, богатым и влиятельным на московской бирже купцам. Они приняли сестру и поселили ее с детьми и прислугой во флигеле, бывшей красильне во дворе Найденовского дома на берегах Яузы. Флигель сгорел, а Найденовский дом, желтый, высокий, в стиле ампира, стоит до сих пор (приспособлен для надобностей здравоохранения) недалеко от Рублевского Музея. Дед пришел когда-то в Москву в лаптях из Суздаля, из села Батыева. Он устроил на берегах Яузы красильню и пошел в гору — во втором поколении Найденовы были богаты. Старший брат Николай был археолог, большой знаток старой Москвы, он был другом славянофилов. Марья Александровна жила в стороне от братьев, которые были равнодушны к племянникам. Их редко приглашали в "Найденовский дом", иногда по праздникам, или в особенных случаях, или "чтобы избежать числа 13 за

столом". С детства А.М. запомнил тесные каморки, в которых жили рабочие бумагопрядильной фабрики и нищету их существования, на том же Найденовском дворе.

В годы жизни на авеню Мозар А.М. писал одну из своих самых значительных книг – *Взвихренную Русь*, хронику революционных дней, начатую еще в России до отъезда за границу. Для этой книги Ремизов нашел новую форму и новый язык. Это повесть о современности через личное восприятие бытовых явлений и маленьких происшествий этого времени. Разговоры на улице, покупки в лавках, уличные впечатления, манифестации, слухи, рассказы друзей, легенды, ходившие по городу, отголоски из деревни. Большое место занимают сны. В рассказах проходят разные люди, солдаты, дан образ русской женщины – бабушки с белым сердцем, русский народ. Наряду со случайными встречами, имена друзей и писателей: Пришвин, Иванов-Разумник, Блок, Бердяев, Андрей Белый. В эту книгу включены замечательные страницы о Блоке, о Достоевском. Страницы большой глубины стоят рядом со смешными историями из каждодневного быта "взвихренного времени". Революция воскрешает память прежних лет о революционерах, которых знал А.М., – Вера Фигнер, Каляев, Савинков. В самые последние годы своей жизни Ремизов хотел написать "о русских революционерах". Он не верил в возможность революцией что-то изменить к лучшему в человеческой жизни. Но он знал чистоту и подвиг прежних русских революционеров, боровшихся с самодержавием, и считал их единственным в мире явлением в смысле жертвенного отказа от себя: они приносили в жертву не только себя и свою жизнь, но и свое нравственное чувство, идя на убийство ради служения обездоленным.

В 1947 году А.М. написал на экземпляре *Взвихренной Руси*, подаренном моей сестре Ольге Андреевой: "Эту книгу я писал, как отходную – исповедь мою перед Россией: передо мною была легенда о России, образ старой Руси и живая жизнь Советской России (со старым я прощался, величая, а с новым я жил, живу и буду жить). И еще в этой книге революция: буря, вихрь – надо было отбиваться, чтобы укрепить себе место на земле и быть самим собой не растерзанному и не задавленному, а во всей воле и сильным. Алексей Ремизов. 7.VIII.1947". В те послевоенные годы у А.М. была надежда на новый расцвет России и русской культуры.

Взвихренная Русь была издана в 1927 году. Две дочери композитора С.Рахманинова дали на нее средства – Издательство *Таур* (Татьяна и Ирина). В этом же издательстве *Таур* в 1930 г. вышла книга *Посолонь*, впервые изданная в 1907 г. (изд. *Золотое Руно*).

В эти же годы Ремизов писал *По карнизам*; эта книга вышла в 1929 г. в Ревеле (Таллин). В ней Ремизов вспоминает своих братьев-лунатиков. Они вставали ночью и ходили по карнизам. "Я не лунатик, но судьба моя лунатическая", — пишет А.М. Всю жизнь он жил "в других измерениях". В этой книге Ремизов говорит о Э.Т.А.Гоффмане, чудесный мир которого ему близок и дорог. Рассказы этой книги написаны в двух планах: на фоне реальных происшествий разыгрываются сверхъестественные явления.

В кухне, в угольном ящике под плитой, А.М. находит сухую ветошку, по форме она напоминает человечка с руками и ногами. Это материализованный дух — Эспри⁴. А.М. подвешивает его на стену, на серебряный фон и рассказывает о нем. Одновременно приходит посылка из Испании. Кто-то из друзей послал Ремизовым часы-кукушку; такая кукушка была у них в Петербурге. До конца жизни А.М. кукушка будет висеть у него на квартирах, которые будут меняться. На последней квартире, на улице Буало⁵, комната так и станет называться "кукушкина" и жизнь будет проходить под тиканье и кукованье кукушки, когда она выходит из домика, отсчитывая свое собственное время.

Все, кому посчастливилось слышать чтение А.М. с эстрады, никогда его не забудут.

У А.М. был довольно низкий, приятный голос. При его небольшом росте и сгорбленности, поражала сила этого голоса, наполнявшего зал Лютеция (читал А.М. без микрофона). Его искусство чтения было несравненно: очень выразительное, без внешних эффектов, подчеркиваний и усиления — он скорее прибегал к понижениям и паузам. Чтение Ремизова производило огромное впечатление и заставляло присутствующих слушать, затаив дыхание. Даже те, кому искусство Ремизова было непонятно и скорее враждебно, слушали с восхищением.

Известные всем отрывки из русских классиков слушались, как в первый раз. Каждое слово оживало, получало новый смысл. А.М. любил русскую литературу и с радостью "открывал" своим слушателям Пушкина ("Сказка о рыбаке и рыбке", "Цыганы"), прозу Лермонтова, Толстого, Тургенева, Лескова и менее известных или забытых — Погорельского, Вельтмана, Слепцова. И "самое проникновен-

⁴ Esprit, фр.

⁵ 7 rue Boileau, Paris 16^e.

ное” — Достоевского, и Гоголя — это было его любимое. В *Подстриженными глазами* Ремизов вспоминает, как он, привыкший к северному бледному небу и к сдержанной прозе (“французского образца”), в юности “с восторгом принял высокопарное гоголевское слово в серебре польского пышного наряда”, как и “грозно-задумчивую украинскую песню”. В течение долгих лет Ремизов изучал творчество Гоголя — “болел Гоголем”. Уже под конец жизни, он написал *Огонь вещей — Сны в русской литературе*. Тут не только сны, но и толкование самого загадочного русского писателя и его странной и страдальческой судьбы.

В книге среди страниц, посвященных Гоголю, есть сцена, в которой Ремизов как бы видит себя присутствующим в старой замшелой церкви, когда философ Хома Брут, ошалелый, не читал уже, а выл — выкрикивая, три ночи над ведьмой-панночкой, надрываясь голосом рассеять страх. Но этот страх сковал его с открывшейся ему его виной, “когда панночка посмотрела на него закрытыми глазами и из-под ресниц ее правого глаза покатила слеза и он ясно различил на ее щеке, но это была не слеза, а капля крови”.

При чтении А.М. сильно переживал “Вия” и свое волнение сообщал слушателям. Холод проходил по спине, когда голосом своим Ремизов вызывал образ старухи-ведьмы.

И вот философ летит на ней, и она уже не старуха. Все облитое перламутровым лунным светом, серебристая русалка плещется в воде; они летят над землей, трава клонится, в ней звенят колокольчики. Своим голосом и ритмом чтения Ремизов передавал всю поэзию Гоголя и чары ее колдовства. Я думаю, никто никогда не читал Гоголя, как Ремизов; слушатели бывали околдованы.

Слушали жадно: морской ветер, старцы бегут по морю, спросить выпавшее слово молитвы: “Трое вас, трое нас...” (“Три старца” Л.Толстого). Глубокий поклон матери сыну, под медленные удары колокола (“Подросток” Достоевского). Из Тургенева Ремизов выбирал сон Лукерьи (“Живые мощи”): она жнет, а в руке ее серебрится вместо серпа месяц.

А.М. читал свои любимые произведения. Он уверял, что не трудно читать громко: совсем не нужно повышать голос, стараясь из себя выдавить звук, а надо как бы дышать в себя.

Вторая часть вечера обязательно была посвящена чтению собственных произведений. Вспоминается “Петушок”: Петька с бабушкой идут на богомолье. Или приезд Оли в Меженинку. “Ах как жаль, что камаль вышел уж из моды — Скоро шаль и вуаль спрячутся в комо-

ды”, – подпевал А.М. Из *Шумов города* – “Крестовая барышня” и “Белое сердце” – образ русской бабушки. Из *Посолони* – весенний приход монашка с зеленой веточкой.

После шумных приветствий и оваций, публика расходилась расстроганная и умиротворенная, забыв споры и расхождения на почве политики и искусства, которыми была полна эмигрантская жизнь в Париже.

К вечеру чтения Ремизовы и их друзья долго готовились. Составляли программу чтения, занимали зал – часто выбор падал на зал отеля Лютеция; нужно было напечатать билеты и, главное, их распространить. Самоотверженные друзья, по большей части дамы, по списку обходили состоятельных людей, любителей русской литературы, или просто лиц, желавших помочь нуждающемуся писателю. Обычно все было прекрасно организовано и проходило гладко и удачно во всех отношениях. Но я помню случай, когда произошла заминка. А.М., охотно раздававший даровые “обезьяньи билеты” бедным друзьям и неимущей богеме, роздал их в слишком большом количестве, так что в огромном зале Лютеция не хватило мест для дорого заплатившей за билеты публики. Инцидент был сразу улажен: внесли добавочные стулья. Но главные организаторы после вечера долго корили А.М. за неумеренную щедрость.

Специально для вечера С.П. шили новое платье, А.М. больше всего любил черное шелковое. С.П. задолго начинала беспокоиться и волноваться, и вся жизнь проходила в ожидании вечера. Все друзья и знакомые помогали кто чем мог. Молодые, с белыми бантами, были распорядителями на вечере – рассаживали приходящую публику. Моя роль состояла в том, чтобы “оберегать” С.П., быть ее телохранителем, не оставлять ни на минуту и держать за руку во время чтения.

Среди моей переписки я нашла старое письмо моего друга Марьи Исаковны Барской, вспоминающей поездку на вечер чтения А.М.:

Ярко встает тот момент, когда мы, т. е. Ремизовы и вся семья Черновых⁶, собираемся ехать на вечер в зале Гаво – скорее все похоже на приготовления к венчанию. С.П. ушла в свою комнату, А.М. в свою, с ним молодые люди – Вадим Андреев, Даниил Резников и Владимир Сосинский, – они помогают ему одеваться. Появляется С.П. в синем платье с чудесными кружевами у ворота. Наташа ловкими руками прикалывает гвоздики. Темно-розовый цвет – ее цвет. Она выглядит, как большая кукла с ее синими глазами и обворожительной улыбкой; мы суетимся вокруг нее, кто-то спрашивает ее о чем-то, на что она отвечает: “Не мешай-

⁶ Моя семья.

те, я в трех волнениях!⁷ На меня, нового человека, это действует особенно: очаровывает. Тут появляется А.М. в смокинге, а за ним его свита ('все красавцы удалые'). Кто-то заказал два такси, и мы наконец трогаемся. Все это необычно, потому что все страшно бедно, и не знаю по сию пору, кто заплатил за цветы, за такси... Потом, все как будто уходит и исчезает, и я слышу его голос: 'у самого синего моря'... – 'Маг и волшебник' – говорят кругом.

После вечера на некоторое время становилось легче жить: спешно платили за терм (трехмесячная плата за квартиру), отдавали долги, покупали книги и лакомства в русском магазине. Такой магазин "Рами" был поблизости. Две дочери хозяев – их кличка была "Птицы" – приходили к Ремизовым, и С.П. была с ними ласкова.

Но деньги скоро уходили и опять появлялась проблема, как прожить? М.И. Барская вспоминает:

Прошло время, и вот меня вызывают Ремизовы. Я волновалась, как те люди, которые попадали ко Льву Толстому, у меня было похожее чувство. У Ремизовых никого не было – не празднично: бедные будни. Нужда, надо платить за квартиру... С лукавой *его* улыбкой А.М. показывает мне альбомы рисунков: все им сделано. Рисунки 'изданы роскошно'! Надо продать их, от этого столько зависит... С этими альбомами я стала ходить по богатым знакомым, и мне удалось довольно много продать. Я вспоминаю, как неохотно покупали благотворители эти редчайшие рисунки.

Литературные гонорары были очень низки и никак не могли обеспечить Ремизовых материально. А.М. сотрудничал в очень многих русских журналах и газетах Зарубежья в Париже и в других городах и странах, везде, где были центры русской эмиграции: *Современные Записки, Воля России, Звено, Дни, Последние Новости, Иллюстрированная Россия, Наш Огонек, Перезвоны, Русское Эхо, Своими Путиами, Москва* и во многих других изданиях.

В 1925 г. Ремизов сблизился с группой евразийцев, возглавляемой кн. Дмитрием Петровичем Святополк-Мирским и Петром Петровичем Сувчинским (вместе с кн. Н.Трубецким и П.Савицким). Святополк-Мирского Ремизовы знали еще в России. А.М. впоследствии очень ценил его историю русской литературы, изданную на английском языке. "Когда-то судьба меня столкнула с его отцом, тогда пензенским губернатором; что-то общее, какая-то неожиданная несообразность: его отец спросил меня: 'люблю ли я музыку', и за мое 'да' оставил меня жить под надзором в Пензе, а не угнал куда-нибудь

⁷ Из Лескова.

в Чамбары или Наровчат”. В тетради, где А.М. записывал оценки С.П., сказано о Д.П.Святополк-Мирском: ”Он очень странный, на волка похож лицом: из снобизма сделался большевиком, поехал в Россию. Что дальше с ним будет, неизвестно, всего можно ожидать, вплоть до монастыря. Когда-то он писал стихи, потом критику; как и П.П.Сувчинский, меня никогда не гнал (меня, как пишущего), напротив, сделал для меня много доброго, может быть ’из противоречия’ ”. С П.П.Сувчинским Ремизовы познакомились в Берлине. ”С первого глаза в Берлине мне понравился П.П., с ним хорошо разговаривать о знаменном распеве. Он весь в пении. Он был душою *Верст* и меня никогда не гнал. В нем было что-то от русской истории, когда он являлся, переполненный евразийством: его мысль зажигалась и сверкала. Такие были в 20-х годах шеллингианцы, а потом гегельянцы, я не сказал бы ’марксисты’, которые уж очень кратки и безнадежно ’реальны’, а ведь *пыл* именно в бесконечной мысли”.

В 1926 году вышел роскошно изданный № 1 журнала *Версты* ”под редакцией кн. Д.П.Святополк-Мирского, П.П.Сувчинского, С.Я.Эфрона⁸ и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова”. Задача журнала указывать на лучшее и самое живое в русской литературе в России и за границей. В журнале помещены портреты Бориса Пастернака, Марины Цветаевой, Алексея Ремизова, Льва Шестова и Игоря Стравинского. Творчеству Ремизова отведено большое место (”В *Верстах* меня не гнали”): тут и легенды (из будущей книги *Николай Чудотворец*, ИМКА-Пресс), тут и памятники – писцовые грамоты России XVII века, и переписанное А.М. ”Житие протопopa Аввакума”, и памяти Вас. Вас. Розанова: ”Воистину”. В журнале интересные статьи по литературе, истории, музыке. ”Поэма горы” Цветаевой, ”Потемкин” Пастернака. А.М. особенно нравились стихи Сельвинского; он замечательно читал его ”Цыганские”, скандируя и подпевая на цыганский лад. Советская литература представлена Артемом Веселым и И.Бабелем (”История моей голубятни”).

В 1924 году Ремизову впервые попался перепечатанный в какой-то зарубежной газете рассказ Бабеля ”Соль”. Для А.М. это было совсем новое, и очень понравилось ему. Я помню, как в этот период времени мы пришли к Ремизовым вчетвером: моя мать, мои сестры и я. А.М. усадил нас на диван и прочел нам ”Соль” с большим подъемом и пафосом, как героическую поэму. На нас это чтение произвело

⁸ Сергей Яковлевич Эфрон – муж Марины Цветаевой.

большое впечатление. По мнению А.М., тон рассказа требовал такого чтения. Я всегда сожалела, что Бабель во время своего пребывания в Париже не познакомился с Ремизовым и не слышал его чтения. Много позже, уже во время Хрущева, я встретила в поезде с туристами со Всеволодом Ивановым. Мы говорили с ним о Ремизове. Всеволод Иванов его помнил и очень хорошо о нем отзывался.

Всего вышло три номера *Верст*, этого интереснейшего журнала, издание которого прекратилось из-за недостатка средств.

Переводы произведений Ремизова стали все чаще появляться в многочисленных французских литературных газетах и журналах (самый известный: *Нувель Литерэр*), также как и в других странах (Германия, Чехословакия, Югославия, Англия, Бельгия, США). Несколько книг Ремизова были изданы на разных языках. Во Франции — *В поле блакитном* (1927) и *Крестовые сестры* (1929). Эта же книга вышла в другом издании под заглавием *Бурков дом*, с предисловием Ромэна Роллана. В Англии и Америке вышли в переводе *Часы и Пятая язва* (1924, 1927, 1928), в Чехословакии — *Крестовые сестры* и *Пруд*, в Италии — *Крестовые сестры* и книга сказок (1927, 1930).

Постепенно Ремизовы привыкли к Парижу. Круг знакомых и друзей расширился. Ремизов привлекал начинающих писателей. Он радовался, что в эмиграции начинает расти литература среди молодых и охотно занимался с ними. Но в литературе он не мог быть снисходительным: он критиковал, учил и, главное, поправлял на свой лад их произведения; от автора мало что оставалось. Поэтому большинство начинающих, боясь слишком большого влияния Ремизова и желая сохранить свое лицо, скоро отходили от А.М.

Говоря об учительстве Ремизова, я могу, из старших, в качестве учеников Ремизова, прежде всего назвать А.Н.Толстого (см. главу "Первое знакомство"). М.Пришвин также был учеником Ремизова, но в послереволюционные годы он избегал об этом говорить. В книге рассказов Пришвина последних лет я встречаю маленькую заметку: "Случилось однажды, Ремизов попросил меня занести какие-то книги А.Н.Толстому", — так произошло знакомство Пришвина с Толстым. В этих биографических заметках (*Дорога к другу*, "Молодая Гвардия", Москва, 1957 г.) Пришвин больше не упоминает о Ремизове. На полях книги Пришвина записаны продиктованные А.М. слова (он лежал в постели незадолго до своего конца): "Шишков, Пильняк, Алексей Толстой — не боялись. М.М. [Пришвин] — пугливый". С Пильняком А.М. переписывался⁹. Группа "Серапионовых

⁹ Письма Пильняка хранятся в архиве Томаса Уитней в Коннектикуте.

братьев” была образована с благословения Ремизова. Он рассказал мне, что он окрестил ее Серапионовыми братьями, вспоминая Э. Т. А. Гофмана, которого он так любил.

В 1924 году на авеню Мозар появился начинающий писатель Владимир Васильевич Диксон. Он занял большое место в жизни Ремизовых тех лет (см. главу ”Наташа Ремизова”). Года через два Диксон уехал в Америку и там женился. По возвращении из Америки в 1929 году он заболел аппендицитом и скончался от эмболии. Ремизовы очень горевали о нем. Через некоторое время после его смерти в Париж приехала вдова Диксона и стала требовать от Ремизовых деньги за изданные книги ее мужа. Совершенно не в курсе русских дел, она воображала, что издание должно приносить доход, тогда как Диксон раздавал и рассылал свои книги даром, отдельным лицам и организациям, как это водилось в эмиграции. Ремизовы оказались в очень неприятном положении. Трагическая смерть адвоката г-жи Диксон, который вел дело, — неудачно выходя из вагона метро, он попал под колеса — положила конец этому тяжелому делу.

В те же годы у Ремизовых появился другой начинающий писатель — Иван Андреевич Шкотт. Он с большим трудом пробрался в Западную Европу и Париж. В Советской России он был сослан в Нарымский край и бежал оттуда. Его книга *Мальчики и девочки* (воспоминания о московской гимназии) была сперва напечатана в *Воле России*, затем издана отдельно. А. М. считал его умным и талантливым, ему нравился его упорный характер — ”англичанин”. Он писал прозу под псевдонимом Болдырев. У Шкотта была очень тяжелая жизнь, он зарабатывал физическим трудом: работал на вокзале на кабестане. Может быть вследствие удара в голову, он стал глхнуть. Он пришел в отчаяние и покончил с собою, приняв сильную дозу веронала. А. М. написал несколько проникновенных страниц ”Над могилой Болдырева-Шкотта” (неизданная книга *Учитель музыки*).

Как-то вечером я и моя сестра привели нашего друга, кн. Андрея Владимировича Оболенского. Он понравился Ремизовым и стал часто приходить к ним. Его прозвище было ”странник” или ”молчальник оболенского толка”. Чертами лица он напоминал Ивана Грозного. Он до конца оставался другом Ремизовых и приходил к ним в трудные минуты во время немецкой оккупации, когда большинство друзей покинуло Париж.

Помню молодого поэта кн. Дмитрия Алексеевича Шаховского, он часто бывал у Ремизовых. Они его любили, и он вызывал общую симпатию. Он уехал в Бельгию и стал издавать журнал *Благонамеренный*. Ремизов и другие писатели старшего поколения охотно

посылали туда свои произведения. К сожалению, они мало считались с "благими намереньями" редакции и внесли в журнал дух враждебной полемики. Марина Цветаева атаковала Г.Адамовича; журнальная полемика перешла на личную почву. Сердечно огорченный редактор прекратил издание журнала. Впоследствии Д.А.Шаховской постригся в монахи под именем Иоанна (ныне архиепископ Иоанн Сан-Францисский).

Частым гостем на авеню Мозар был Константин Васильевич Мочульский, молодой приват-доцент Петербургского Университета. Он читал лекции по русской литературе. Образованный, всегда приветливый, он очень интересовался преподаванием С.П. и посещал ее лекции.

Из писателей старшего поколения А.М. был связан давнишней дружбой со Львом Исааковичем Шестовым. А.М. глубоко ценил и любил его. Шестов был единственным человеком, с которым Ремизов был на "ты". Философия Шестова была близка А.М., он рассказывал, как в молодости они подыскивали друг другу читателей:

...в нашей литературной 'горькой' участи было похоже: оба мы были 'без пристанища' – с неизменным редакционным отзывом 'не подходит' или деликатно сказанным 'нет места'... А познакомил нас Бердяев, всеми любимый и всегда желанный... На литературном собрании... Бердяев повел меня куда-то вниз... и вдруг я увидел: за конторкой под лампой... сидевший, сняв пенснэ, поднялся, мне показалось, что очень высокий и большие руки – конечно 'Лев Шестов'! Это и был Шестов. 'Рыбак рыбака видит издалека!' – сказал он и на меня глянули синие печальные глаза... 'человек' – я говорю о человеческом мире – пропадает именно от своей тупой 'разумности' и холодной 'расчетливости'... А что это так, не надо смотреть, чтобы почувствовать, что творится вокруг, какое бездонное горе разливается по миру в этом мире заочных бумажных приговоров, теоретических программ, без слуха к живой трепещущей жизни. Шестовское 'безумие' – 'апофеоз беспочвенности' был вызов именно этой мировой бездушной машинности.

В 1925 г. Шестов читал в Сорбонне курс лекций, посвященных Паскалю. Мы с сестрой посещали эти лекции. Ремизовы всегда радовались, когда нам удавалось ходить на интересные лекции, на вечера чтения. Моей обязанностью было потом давать Ремизовым подробный отчет о вечере. Они хотели быть в курсе всего, что происходило в русском Париже.

Я не могу забыть одного выступления Шестова. Он прочел большой доклад на волновавшую его тему: конфликт разума и веры. Когда Шестов кончил, оппонентом выступил Ф.А.Степун. Он подо-

шел к теме шутливо: "Зачем создавать драматический конфликт?" Разум представляется Степуну в виде маленького голубоглазого мальчика, которого "стоит погладить по головке и пройти мимо..." Шестов встал, и мы увидели перед собой разгневанного библейского пророка, мечущего грома и молнии.

Лев Исаакович заботливо относился к Ремизовым в их трудной материальной жизни, старался помочь им и ежегодно доставал средства для поездки С.П. на необходимый ей курс лечения в Виши: она страдала болезнью печени. Шестов постоянно проповедывал экономию, советовал найти квартиру подешевле. Ремизовы по-детски сердились на него за эти советы: "Философ по мыслям глубокий, много видит вдаль и очень мало вблизи". Через несколько лет, когда Шестов умер, А.М. записал в тетради записей, посвященных С.П.: "Помер. Очень больно, это был друг".

С Николаем Александровичем Бердяевым А.М. был связан еще со времени ссылки в Вологде. Там же он познакомился с П.Е.Щеголевым, Б.В.Савинковым и А.В.Луначарским, с которыми был в дружеских отношениях. Он мне рассказывал о Бердяеве в молодости, о его внешности – был похож на "суздальского князя", о его благородстве и "рыцарском отношении к женщинам". Мысль Бердяева была близка Ремизову, но А.М. не любил его литературный язык и поэтому почти не мог читать его книги. Когда-то после ссылки, когда А.М. и Н.А. были оба женаты, между ними произошел разрыв на личной почве. Хотя это было очень давно, в Париже они редко встречались, но уважали и ценили друг друга.

Из старых петербургских друзей на улице Буало появился Леонид Добронравов. Он когда-то сотрудничал в журнале *Заветы* (под редакцией Иванова-Разумника). В Париже он писал большую повесть из жизни высшего духовенства; читал из нее отрывки, когда приходил на улицу Буало. Он был болен туберкулезом. Ремизовы оплакивали его кончину.

В Париж приехал Евгений Замятин, тоже из старых петербургских друзей Ремизовых. В Париже они не часто виделись:

...за пять лет заграничной жизни... все он куда-то торопился... или это его сценарии отнимали все его время? – кинематографический сценарий! какое отношение к словесному искусству?.. Или хлопоты об устройстве своего по-французски, переводы?.. И так мало было сказано за эти годы. И только раз на Маршэ д'Отэй, на нашем базаре, я за картошкой, он с почты, и почему-то я стал говорить, вспомнив Петербургское, о его рассказах, как он хорошо пишет: "...когда же заговорите своим голосом?" А хотел я сказать, и он понял, я хотел сказать, что во всех его прекраснейших

строках я не чувствую музыки и надо что-то – но что еще надо? – чтобы распечатать его сердце, – ‘когда же?’ И он мне ответил: ‘будет’, – и напомнил, что уже раз я его спрашивал и теми же словами в Петербурге.

(Неизданная книга *Петербургский буерак*:
”Стоять – негасимую свечу”, памяти Евгения Ивановича Замятина.)

В Париже Ремизовы встречались с Савинковым, которого А.М. давно и близко знал (А.М. пишет о нем в ”Северных Афинах”, *Иверень*). А.М. рассказывал, что когда время ссылки кончилось в 1902 году, Савинков уехал из Вологды. Он звал с собою С.П. для продолжения революционной деятельности. Она колебалась, Савинков уехал. Было условлено, что С.П. пошлет ему телеграмму о своем решении. В случае, если она будет готова ехать, она пошлет телеграмму: ”скот продан”. В случае, если она откладывает свой приезд: ”скот дорог”. С.П. поручила А.М. отправить именно такую телеграмму. А.М. самовольно и решительно протелеграфировал: ”скот не продается”. Действительно, С.П. отошла от революционной деятельности и пошла по другому пути.

В 1925 г. газеты сообщили, что Савинков покончил с собою в тюрьме в России. Обманутый провокаторами, Савинков поверил, что Россия готова к перевороту. Он пробрался в Россию и попал в ловушку, устроенную ЧК. Властями был устроен суд Военного Трибунала. Савинков понял безвыходность своего положения и покончил с собою (по другой версии, был убит в тюрьме). Я вспоминаю, с каким волнением Ремизовы читали статью Д.В.Философова о конце Савинкова в варшавской газете. Помимо своих воспоминаний А.М. посвящает Савинкову много места в тетрадях своих записей.

Как и у большинства русских в двадцатые годы, у Ремизова было мало контактов с французами. Л.Шестов познакомил его с некоторыми писателями и переводчиками (Р.Вивье, Ж.Фонтенуа), познакомил с философом-католиком Жаком Маритэном. С.П. занималась французским языком с мадам И.Ривьер, сестрой писателя Алена Фурнье и женой Жака Ривьера, стоявшего некоторое время во главе журнала *Нувель Ревю Франсэз*¹⁰. Кое-какие рассказы, главным образом легенды религиозного содержания, появлялись в передовых французских журналах и были оценены литературным авангардом, так что имя Алексея Ремизова стало знакомо французской элите.

¹⁰ Jacques Maritain, Isabelle Rivière, Alain Fournier – автор *Le Grande Meaulnes*, Jacques Rivière, *Nouvelle Revue Française*.

В последние годы жизни А.М. рассказывал мне, как однажды в начале жизни в Париже, через друзей, его пригласила к себе на большой прием дама-меценатка (через сорок лет Ремизов не помнил ее имени). Приглашая Ремизова, она не понимала, о каком "русском писателе" (т. е. какого политического толка) идет речь. Ремизов пришел на коктейль, и его представили хозяйке. После пятиминутного разговора ей стало ясно, что писатель — русский эмигрант. Она резко отвернулась от него, и без слова отошла. А.М. опешил и, сам не зная как, дошел до вешалки и ушел. Дома он не решился рассказать об этом происшествии. С.П. так и не узнала, как встретила А.М. дама-меценатка, очевидно думавшая познакомиться с советским писателем.

Через знакомых в 1925 г. с Ремизовыми познакомился молодой французский писатель Жозеф Кессель, начинавший тогда блестящую литературную карьеру (он получил приз "Фемина" за свой первый роман *Экипаж*). Он был русский по происхождению и хорошо говорил по-русски. Очень отзывчивый ко всему русскому, он был очарован обстановкой Ремизовых и, главное, самим А.М. Через несколько месяцев вышел в свет роман Кесселя, навеянный "русским Монмартром". В двадцатые годы, первая волна русских эмигрантов, в поисках средств к существованию, стала открывать столовые, рестораны, ночные кабаре. Много русских эмигрантов находило там работу в качестве поваров, подавальщиц, мэтр д'отелей и т. д., а те, кто имел артистические способности, выступали. Эти ночные рестораны, главным образом, были устроены на холме Монмартр, где в прошлом веке ютилась художественная богема. В двадцатых годах Монмартр стал местом средоточия ночных увеселительных заведений. Кабаре с программой русского и цыганского пения, плясок, кавказской лезгинки были в моде и пользовались успехом. Работавшие в них русские составляли особый мир, по-своему очень живописный, — русский Монмартр. Для своего романа *Княжеские ночи*¹¹ Жозеф Кессель взял, в виде фона, этот своеобразный мир. Среди других действующих лиц, он вывел русского писателя, черты лица которого он списал с Ремизова, описав довольно точно оригинальную обстановку, в которой жил А.М., в частности игрушки, висевшие у него под потолком возле стола. Автор включил эти подробности в выдуманный роман, ничего общего с русской литературой не имевший. Получив книгу, А.М. просмотрел ее, но не разобрался в ней и поставил ее на

¹¹ *Les Nuits des Princes.*

полку. Через некоторое время друзья и знакомые Ремизовых стали, приходя к ним, выражать свое негодование: "Как мог Кессель, описывая своего героя, придать ему реальные черты известного русского писателя?" – Вероятно потому, что Ремизов бесправный эмигрант и с ним все можно. В кругу знакомых Ремизовых было большое волнение. С.П. чувствовала себя глубоко оскорбленной за мужа и была вне себя. Некоторые из друзей, желая показать свою преданность Ремизовым, еще сильнее разжигали в ней это чувство. Положение нашей семьи было очень тяжелое: мы были связаны с семьей Кесселя дружбой двух поколений. Сам Кессель, несмотря на свой необдуманный поступок, был благороднейший человек. "Известный французский писатель приходит к русскому писателю-изгнаннику, не имеющему ни средств, ни защиты, и самовольно выносит на показ публике и самого его и его обстановку". – С.П. требовала от меня, чтобы я как-то в этом деле участвовала, – хотя знакомство с Кесселем произошло помимо меня и моей семьи. Я отказалась. А.М. написал письмо Кесселю в очень резких выражениях: "Как налетчик, французский писатель приходит к неимущему иностранцу и обворовывает его в единственном, что у него есть". Письмо было оскорбительное, и получил его Кессель в день смерти своей жены. Это было ужасно. С.П. еще долго была в гневном состоянии; сердилась и на меня, мы некоторое время с ней не виделись. А.М. написал рассказ про человека по имени Будыльников, который пришел к нему, после чего игрушки, висевшие под потолком, исчезли. А.М. действительно снял веревочки с игрушками, и их несколько лет не было. Потом, с течением времени, постепенно игрушки вернулись и снова заняли свое место. Это была очень тяжелая история, которую я не могла забыть. Оказывается, А.М. тоже не забыл "историю с Кесселем". Приблизительно за месяц до смерти, А.М. сказал мне: "Наташа, в жизни никогда не соединяйтесь ни с кем для какого-нибудь действия: поступайте всегда только по своему, по вашему чувству и вашей воле. Всякий раз, когда в жизни я поступал под влиянием кого-нибудь, слушая других, а не себя, я всегда горько жалел. Вы думаете, я не помню 'историю с Кесселем'? Ведь письмо, которое я написал тогда, было не мое. Я не мог так написать!... – А.М. сделал паузу. – Но вы представить себе не можете, что тогда тут было! Помните, в 'Тристане' – сцена гнева Исольты на Брагию?... Ведь это списано с С.П.! Такою она могла быть в гнев". Очевидно, эта несчастная история много стоила А.М. – через столько лет он о ней вспомнил.

В 1925 году моя сестра Ольга вышла замуж за поэта Вадима Леонидовича Андреева, старшего сына Леонида Андреева. У Ремизова было в жизни несколько встреч с Леонидом Андреевым, которого он считал своим крестным в литературе: первое произведение Ремизова – “Эпиталама” (плач девушки перед замужеством, вошедший в книгу *Посолонь*) – было напечатано в газете *Курьер*, куда по просьбе Горького его устроил Л. Андреев. В своей книге *Иверень* Ремизов вспоминает о своем свидании с Л. Андреевым в Москве, куда он был на несколько дней отпущен из Вологодской ссылки в 1902 году, вскоре после того, как “Эпиталама” была напечатана. Весь облик Андреева производил большое впечатление на Ремизова, главным образом по контрасту с собой: поражала наружность Андреева и его громкий литературный успех. А.М. признавал громадный талант Андреева, но он был ему внутренне чужд. Из произведений Андреева, Ремизов выделял рассказ “Вор” – “весь построенный на музыке”. В остальном А.М. ставил в упрек Андрееву риторичность его абстрактных произведений, а также, с точки зрения Ремизова, небрежение к языку.

В конце 20-х годов Ремизовы стали думать о перемене квартиры: квартира на авеню Мозар стоила слишком дорого. Было очень жалко расставаться с прежней обстановкой и сложившимся бытом. Ремизовы сняли немеблированную квартиру в Латинском квартале, на бульваре Пор-Руаяль, на пятом этаже, купив на выплату немного мебели. Внизу дома был расположен кинематограф. А.М. считал это опасным в смысле пожара, он об этом подробно пишет в главе “Узлы и закруты” в *Подстриженными глазами*. А.М. очень боялся пожара; вспоминая, он рассказывал мне о пожаре в Киеве в 1904 г., когда он вынес из огня свою маленькую дочь и семейную икону “Трех Радостей”. Думая о Ремизове, А.Блок записал о том, как “Ремизов вынес на руках свою маленькую Наташу. Был двадцатиградусный мороз. Он был в одной рубашке. Соседка-швея накинула ему на плечи шелковую кофточку”.

Квартира на бульваре Пор-Руаяль была новая и не такая уютная, как на авеню Мозар, и жизнь долго не входила в свое русло. В то время я сравнительно редко бывала у Ремизовых: я вышла замуж и у меня родился сын (1930 г.).

Ремизовы въехали на эту квартиру в 1928 году. Через полтора года случился скандал с консьержкой их дома – весь строй их жизни был нарушен. Кто-то из знакомых принес поздно вечером книгу для Ремизовых и передал консьержке. Она поднялась к ним

утром раздраженная и, выйдя из себя, стала грубо кричать. А.М. попытался объяснить с нею. "И тут вот она на меня набросилась. Я видел только: сжатые кулаки и глаза, готовые оловом выплюнуть – такое было у нее иступление. Она кричит, будто когда она подала мне книгу, я сказал ей 'зют'¹² – и уже не кричит, а взвизгивает и таким взвизгом, что будь у нее под руками ключ или совок или еще что, долбанула бы" ("Индустриальная подкова", ненапечатанная книга *Учитель музыки*). А.М. даже не знал значения слова "зют" ("идите к чорту!").

Несколько дней Ремизовы жили как в осадном положении. Через некоторое время два почтенных, хорошо говоривших по-французски друга Ремизовых вступили в переговоры с потерявшей голову разъяренной женщиной. Она высказала причину своего недовольства: Ремизовы часто принимали гостей, иногда поздно вечером, а главное, мадам Ремизов, здороваясь с нею, никогда не улыбалась. А.М. и С.П. говорили, что в России не улыбаются по заказу: "улыбаться так он не умеет: в России, слава Богу, этому искусству не обучали и, дай Бог, обучать не будут" ("Индустриальная подкова"). Инцидент был кое-как улажен, но Ремизовым было тяжело жить в постоянном напряжении и они стали искать другую квартиру. В 1931 году они переехали на квартиру за чертой города – в Булони¹³, недалеко от Булонского леса.

В эти годы А.М. работал над *Подстриженными глазами*, главы этой книги появлялись в газете *Последние Новости*. Он писал также и следующие книги своих воспоминаний. У Ремизова три автобиографические книги: *Подстриженными глазами* (детство и отрочество), Имка-Пресс, 1950; *Иверень* (тюрьма и ссылка), не издано; *Учитель музыки* (воспоминания о последних вечерах в Петербурге и жизнь в эмиграции), не издано.

За эти годы (конец 20-х и начало 30-х годов) вышло несколько переводов произведений Ремизова на разные языки: французский, чешский, английский, итальянский, сербский, венгерский, немецкий. Первые немецкие переводы появились в 1913 и 1917 годах.

Книги Ремизова, изданные в эти годы: *Взвихренная Русь* (Таир, 1927), *Оля* (Таир, 1927), *Звезда Надзвездная* (Имка-Пресс, 1928), *Посолонь* (Таир, 1930), *Образ Николая Чудотворца* (Имка-Пресс, 1931). На книге, подаренной мне, А.М. написал: "...эта зеленая книга

¹² Zut (франц.).

¹³ Boulogne.

издана в 1931. И я попал раку в клешню: с 1931 по 1949 моих книг вы не найдете. С этого года начало моей альбомной кропотли. Рукописными альбомами я продолжал свое ремесло — 18 лет. Каждый альбом, а я им счет потерял — 400? — мечта о книге. 21.III.1954”.

Книга *Звезда Надзвездная (Stella Maria Maris)* стоит на особом месте среди произведений Ремизова: и в жизни и в творчестве Ремизова самая жгучая и постоянно возвращающаяся тема — страдание. Для А.М. вся боль человеческая воплотилась в образе Божьей Матери у креста: ”Богородица у креста стоит. Видит Сына — висит на кресте, видит муки — не может помочь. А есть ли горе темней и безысходней твоего бессилья: ’нельзя помочь!’ ”. Ремизов вспоминает о Голубиной книге русского народа: ”Странники, калики перехожие принесли на землю Голубиную книгу. Голубиная — это значит глубинная и как голубь-дух сокровенная”. Особенно близко Ремизову ”Хождение Богородицы по мукам”, выразившее чувство жалости, присущее русскому народу: ”Богородица ходит по мукам — в самые страшные места, в проклятые и отверженные, и тужит и мучается с проклятыми и отверженными: образ величайшего милосердия пламенного совестливого сердца. ’Хочу мучиться с грешными!’ В этот мир пришла — там ничего не ждут и не чают! — и звездой осветила тьму — Звезда Надзвездная. ’Богородицу и мать Света в песнях возвеличим!’ ”.

Ремизовы недолго прожили в Булони — в 1935 г. они переехали на свою последнюю квартиру на улице Буало. В предвоенные годы Ремизовым было, как и прежде, трудно в материальном отношении; по-старому, устраивались вечера чтения. В 1938 году у меня родился второй сын, теперь не я, а С.П. приходила к нам.

Накануне войны Ремизовым удалось еще раз поехать в Бретань, на океан, который А.М. так любил: ”Для меня своим уголком на чужой земле стал океан, и я его чувствую как свое, не почему, т. е. люблю”. Ремизовы подружились с семьей мэра деревни, в которой они жили. Спутником А.М. был мальчик Бику. Ремизов рассказывает об этом в главе ”На воздушном Океане” (*Учитель музыки*).

Шли годы, С.П. стала чаще болеть. Приближалась война. Когда, в 1939 году, я уезжала из Парижа и прощалась с Ремизовыми, я не знала, что мы расстанемся надолго.

ВОЙНА. СОРОКОВЫЕ ГОДЫ

Перед войной в 1939 г. мы довольно редко виделись с Ремизовыми. Мы только писали друг другу в это тревожное лето. В августе месяце я должна была уехать с моей сестрой, нашими детьми и мамой на берег океана – на остров Олерон, где у нас была снята дача. В это время события разворачивались очень быстро – угроза войны делалась с каждым часом реальнее. В тот день, когда мы уезжали, уже была объявлена мобилизация. Мой муж, хотя и не был тогда французским гражданином, был призван по закону: иностранцы "без родины", которым не было еще двадцати лет в момент въезда во Францию, призывались наравне с французами. Муж должен был явиться в свою часть в Кэмпер на следующий день. Он провожал нас на вокзал. Париж был уже затемнен, в городе начиналась паника, люди стремились покинуть город.

Темный вокзал был полон народу: люди старались протолкнуться куда-то, сами не зная куда. Толпились и толкались там, где не было выхода. Чудом мы выбрались из этой сумасшедшей давки, – носильщик, очевидно пожалевший нас – у меня на руках был крохотный ребенок, – вывел нас на путь и посадил в вагон.

Мы добрались до острова Олерон, где и прожили годы войны. С Ремизовыми не сразу установилась переписка. С.П. изредка посылала коротенькие письма или открытки своей "любимой крестнице"¹, но, в сущности, мы почти ничего не знали о Ремизовых.

Так прошла зима – время это получило название "странная война" (*drôle de guerre*). Но события шли вперед. В начале лета мы прочли в выходившей тогда еще русской газете (*Последние Новости*), что 3 июня 1940 г. был налет немецких самолетов на Париж и бомбардировка, во время которой были ранены стеклом Ремизовы. А.М. описывает это в книге *В розовом блеске*: "Две бомбы ухнули в соседний № 9... осколки врезались, визжа, в выступ стены у окна, где нас застигла сирена. Отбиваясь от осколков, мы в коридор, а в коридор уже сыпались стекла из другой противоположной комнаты. А выйти на лестницу невозможно: дверь на ключ, а ключа нет, отбросило вихрем. Ну, некуда. Некуда было деваться, и вдруг, как в мышеловке, сузилось пространство, и много пронеслось – но грохотом оглушило мысль и секло все слова и было одно чувство,

¹ Оля Андреева, дочь моей сестры Ольги.

взрыв чувств – ужас: этот крутящийся, вызывающий вихрь и это белое, кипящее пламя сквозь кровь”.

Дальше А.М. вспоминает, как С.П. заболела страхом – и это было начало ее болезни. Жизнь потекла дальше с выбитыми окнами. Сначала А.М. загородил окна картоном, украшая его абстрактными коллажами. Рисунок был разработкой темы разбитого стекла.

Помощь от мэрии пришла не скоро, но друзьям удалось достать стекла: русский, работавший на складе, украл стекла для ремизовской квартиры. Мне это рассказал А.В.Оболенский, один из немногих друзей, оставшихся в то время в Париже и посещавший Ремизовых. Картоны с “конструкциями”, как их стал называть А.М., были перенесены на стены “кукушкиной” комнаты, они украсили стены, и комната стала волшебной.

В *Мышкиной дудочке* Ремизов описывает свой страшный быт в Париже во время оккупации с больной С.П. У нее разрушались нервные центры и понемногу мutilовалось сознание. Сохранились ее записи этих лет с упоминанием приходивших друзей и знакомых. С.П. вела дневник – к концу жизни это были молитвы, часто обращенные к Божьей Матери. Запись 1941 г.: “23 ноября. Выходила, сидела на лавочке. Заходила к итальянцу. У нас Ковалевская, Утенюк, Ив. Павлович. Читали. Господи спаси, сохрани, помилуй нас, защити нас, дай мне здоровье, дай выздороветь совершенно, дай, чтобы *печень* не болела, дай, чтобы *ноги* не болели, дай благополучия, чтобы мне не простудиться, дай здоровье, спаси, спаси!! Господи пошли нам *денег*, выручи нас, пошли нам денежную помощь, *одежду*, спаси, спаси, спаси!!! Укрой меня под кровом своим, Матерь Божья, спаси нас спаси. Дай нам денег. Спаси, спаси, спаси!!!”. Больно читать эти толстые книжки записей “agenda” на 1941 или 1942 гг. – дневники сплошь заполнены мольбами. Среди многих исписанных страниц – имена друзей, оставшихся в Париже и навещавших их. Доходят сведения о самоубийстве Цветаевой, о гибели Мейерхольда. С.П. упоминает о них, и дальше: “Матерь Божья возьми нас под кров свой, избави нас от аксидантов”².

Живя на острове трудной жизнью, мы не знали, как живет А.М. Ремизовым в Париже и как себя чувствовала С.П. А.М. до самой кончины С.П. нам не писал, С.П. посылала дружеские письма, по ним нельзя было догадаться о ее состоянии. Я помню одно письмо со строчками из стихотворения Кузмина о нетопленном доме в Петербурге во время революции: “В закате розовом, нетопленный сияет

² От фр. accident

дом, а мы, как Меньшиков в Березове, читаем Библию и ждем"... дальше говорилось о рваных башмаках. Иногда С.П. посылала своей крестнице посылочки — розовую материю, полученную по карточкам, мармелад "от Лифаря". В это время А.М. весь скрепился. С.М.Лифарь мне рассказывал, вспоминая, что А.М. ходил в каком-то длинном пальто и с сумкой через плечо. Вся его энергия была направлена на то, чтобы раздобыть необходимые средства и продукты для С.П. Страницы, им написанные об этом времени, принадлежат к одним из самых сильных и жгучих в русской литературе ("Сквозь огонь скорбей", *В розовом блеске*).

В феврале 1941 года я съездила ненадолго в Париж. Я приехала поздно вечером, город был темный, на улицах лежал снег. В метро выделялись плакаты кинематографа с резкой антисемитской тенденцией и были расклеены красные афишки со снимками расстрелянных террористов с иностранными фамилиями. Дома не отапливались, периодически прерывалась подача электричества. Люди жили в холоде, часто сидели в темноте. Я пришла к Ремизовым в сумерки. Они не ждали меня. После первых восклицаний и объятий я осмотрелась, и мне показалось, что квартира не та, которую я знала: вещи и вся обстановка как будто незнакомы, все, казалось, было покрыто серым налетом: и стены, и предметы, одежда и лица хозяев. По письмам нельзя было себе представить, в какой бедности они живут. В прежние годы А.М. всегда подчеркивал трудность своего материального положения, но тут, при крайней беде, они не жаловались. С.П. расспрашивала меня о детях, держала за руку. А.М. входил и выходил из комнаты, больше глядел на меня, чем говорил. Электричества не было, А.М. принес маленький масляный светильник. Заварил что-то вместо чая. Предложил сахарину. Я отказалась. "И хорошо делаете". Я взглянула на А.М. Лицо у него было опухшее. Говорили о Разумнике Васильевиче Иванове-Разумнике. Когда-то в Петербурге они были близки. Теперь он находился в Германии; они переписывались. А.М. рассказывал о тяжелой судьбе Иванова-Разумника. Ему трудно жилось после революции. Во время войны он оказался в занятой немцами части России и переехал в Германию; там сотрудничал в газете, издаваемой на русском языке. Иванов-Разумник печатал свои воспоминания, говорил об ужасе жизни в Советской России. Человек терял себя и вел не свою, а навязанную ему жизнь. Он сравнивал свое существование с жизнью человека из сказки 1001-й ночи, который силой колдовства, опустив лицо в чашу с водой, превратился в немолодую женщину, двенадцатый раз беременную. А.М. очень жалел Иванова-Разумника, говорил, какой он был замечательный че-

ловек. Тот факт, что он сотрудничал в немецкой газете, не вызывал у А.М. осуждения. Эту тему мы находим в "Вороньем пере" (*Пляшущий демон*). Первопечатник Иван Федоров в конце жизни оказался во "вражеском стане", он работал, но решительно отказался принять участие в изготовлении пушек.

В этой немецкой газетке были напечатаны два стихотворения Сологуба. Одно из них глубоко почувствовала С.П. и выучила его наизусть. Оно связалось с ее концом. "Подыши еще немного тяжким воздухом земным...". Другое о хлебной ниве и башне, стоявшей среди этого поля.

А.М. рассказал, что в клинике на рю Буало, напротив дома, в котором жили Ремизовы, в 1938 году умер Л.Шестов, с которым его связывала дружба еще со дней молодости. В этой же клинике в 1937 г. умер Равель³. Теперь эта частная клиника была превращена в госпиталь. В 1943 г. С.П. в очень тяжелом состоянии перевезли в этот госпиталь, и там она скончалась.

Еще задолго до войны Ремизовых ужасали действия национал-социалистов в Германии. Они рассказывали о насилиях, избиениях старых евреев-профессоров. Помню, с каким волнением А.М. говорил о сожжении библиотек. Теперь в разговоре не говорили о немцах. А.М. только рассказал о том, что он видел в окно: старый человек бежит по улице, очевидно спасаясь от кого-то. "Вы понимаете, старый человек бежит по улице...". В этом сказывалось свойство Ремизова: воссоздавать большое, значительное явление по одной детали. Так из образа убегающего старого человека всего ярче вставал ужас немецкого насилия.

Я просидела до позднего часа в этот единственный вечер, проведенный мною у Ремизовых во время войны. Это было мое последнее свидание в жизни с Серафимой Павловной — в этой темной и серой квартире, освещенной ночником. Мы долго прощались, стоя в передней. На столике лежал берет А.М., старый, заношенный, пыльный.

В эти годы Ремизов общался с французскими писателями из группы *Nouvelle Revue Française* и нередко заглядывал в редакцию, где его знали и печатали кое-что из его произведений в журнале.

Из русских друзей, которые окружали Ремизова, большинство было вышиблено из жизни. В *Мышкиной дудочке* А.М. часто говорит об Утенке. Внешность Утенка (Ольга Владимировна фон Дервиз) действительно напоминала игрушечного утенка, она была москвич-

³ Музыкант Maurice Ravel.

ка: "родилась в Лялином переулке", была замужем за богатым обрусевшим немцем. В Париже она вышла замуж за деятеля кинематографа, после его смерти осталась одна, опустилась и стала пить. Во время "страды" Ремизовых она часто бывала у них, но, когда после кончины С.П. она захотела поселиться у Ремизова на квартире, А.М. решительно отказал ей в этом. (Она обиделась и несколько лет не бывала на рю Буало. В 1947 г. приятельницы-теософки, желая спасти ее, привели ее к Ремизову, и она стала вновь появляться. По инициативе Н.Кодрянской, в 1954 г. она поселилась у А.М., чтобы ухаживать за ним⁴, и уже до самой его смерти оставалась там.) Приходила Ольга Николаевна Можайская – родственница Бердяевых. Она где-то мыла полы и приносила Ремизовым картошку. В *Мышкиной дудочке* А.М. упоминает "Листина" – художницу Ольгу Федоровну Ковалевскую. Она ходила в оперу, была поклонницей Лифаря и рисовала его. Время от времени заходил С.М.Лифарь и его брат Леонид – они помогали А.М.

На верхнем этаже дома на рю Буало жила "верховая" (половчанка) – Е.Д.Унбегаун – мачеха профессора-слависта. Она помогала Ремизовым вести квартирные дела, переговоры с управляющим дома и консьержкой. Она иногда переписывала рукописи А.М. на машинке.

В 1943 г. мы жили всей семьей на острове "Долерон", как говорил и писал А.М. Настроение начало меняться: стала уже брезжить надежда на победу над Германией. Однажды, в мае месяце, я пошла по ближайшим деревням искать пропитанье. Мне удалось достать рыбы, и я представляла себе, как в семье обрадуются. Но дома я нашла маму и сестру в слезах. От А.М. получилась записочка: он сообщал, что умерла С.П.⁵

У нас установилась частая и регулярная переписка. А.М. отвечал каждой из нас на письмо. В то время он еще жил в атмосфере только что пережитых дней. Писал нам, какая С.П. стала кроткая во время болезни, – она любила всю нашу семью и вслух мечтала о том, что мы все приедем и будем жить с нею. Нас очень беспокоило состояние самого А.М., боялись, что у него не хватит сил и желания что-нибудь доставать для себя, и мы стали посылать ему все, что могли: лук, несколько картошек, выбранные кофейники настоящего кофе из выданной по карточкам смеси. Мой муж после демобилизации жил и

⁴ А.М. было 77 лет.

⁵ См. гл. 1, *Живая память*.

работал в Париже. Он стал часто заходить на рю Буало. А.М. передавал ему для нас "заветные вещи" С.П. — иконы, старинную шаль, янтари, фиолетовую тальму бабушки, коллекцию бисерных изделий. Потом он передал только что написанные главы повести о пережитых бедствиях — это была первая редакция глав, которые потом вошли в книгу *В розовом блеске* (Чеховское изд.). В этот период А.М., очевидно, готовился к смерти (он пережил С.П. на четырнадцать лет). Он много спал, вознаграждая себя за месяцы, которые он проводил почти без сна. И запоем писал. Написал *Мышкину дудочку* — всю страду военного времени. В своих письмах А.М. пишет, что подача электричества часто прерывается и он сидит в холоде. А.М. пользовался электрическим радиатором, чтобы хоть немного согреться. Пишет про частые "алерты" (воздушная тревога). В этот период конца войны союзники бомбардировали Париж с большой высоты, нередко ошибались и не попадали в объект; гражданское население было очень несчастно, но уже можно было надеяться на победный исход войны.

В 1944 году я переехала с моими детьми в небольшой городок Ниор⁶ — мой муж уже не мог приезжать к нам — остров был почти отрезан, — он был частью "атлантической стены"; въезд не был свободен. В Ниоре было легче с продовольствием, и я могла чаще посылать посылки. В своих письмах А.М. благодарит меня за сыр и яйца. А.М. описывал мне панихиды по С.П. Вокруг Ремизова собиралось довольно много людей.

Война кончалась, мы стали думать о возвращении в Париж. Из нашей семьи первые вернулись Андреевы. Сестра Ольга пришла на рю Буало. Она рассказывала о своей незабвенной встрече, как А.М. обрадовался и с какой любовью он встретил ее и ее семилетнего сына Сашу.

Вскоре я тоже переехала в Париж. До этого я все время думала о нашем последнем свидании и постоянно видела во сне А.М. на маленьком диванчике в бывшей комнате С.П. И вот мы увиделись. Сколько горя он перенес! Мы долго смотрели друг на друга. А.М. постарел, но мало изменился. К тому времени он немного окреп и выглядел прежним, с тем же взглядом и улыбкой. "Ну вот", — сказал он; иначе он не выражался, когда бывал взволнован.

Жизнь А.М. теперь сложилась согласно какому-то особому ритму. Он много работал, писал *Иверень* ("Кочевник", "В сырых туманах"). Много времени отдавал переписыванию для архива писем

⁶ Niort.

С.П. и выписок из ее старых дневников, случаев из их общей жизни. Все это записывалось в книги типа бухгалтерских (таких книг четырнадцать). Все это требовало много времени и очень утомляло глаза. В этот период и до своего конца А.М. увлекался работой над языком. Читал изданные судебные протоколы XVII века, находя интересные обороты, выражения и слова в языке приказных, дьяка Бормосова – ”вот это – настоящий русский язык”.

Оставаясь в XVII веке, Ремизов углубился в изучение эпохи, и в 1947 году дошел до легенд, которые проникали в Россию из разных стран. ”Повесть о двух зверях” – санскритская повесть из Панчатантры – трагедия столкновения человеческих страстей, разыгранная зверями. В последующие годы А.М. написал ”на свой лад” и другие легенды. Он читал нам – небольшому кружку друзей, ценивших его талант. Мы удивлялись силе и выразительности этой исключительной прозы.

В это время А.М. был окружен людьми: его охотно навещали, атмосфера была бодрая, полная надежд, настоящее возрождение после тягчайших годов войны. Не досчитывались погибших друзей. Кое-кто чудом уцелел и вернулся из лагеря: д-р Аитов и проф. Унбегаун; некоторые из старых друзей переехали в Америку, но время от времени приезжали в Европу, так же, как представители второй эмиграции. С некоторыми из них А.М. познакомился и подружился по переписке.

Была и группа старых друзей, часто приходивших на рю Буало. Из старых друзей востоковед В.П.Никитин спускался с шестого этажа того же дома, – он переводил для А.М. персидские тексты Суфи. Однажды он привел своего друга, персидского поэта, и они втроем пошли к фотографу, чтобы сняться. Поэт потом написал Ремизову, что его поразило, что А.М., выходя, не запер своей квартиры, а оставил ее открытой ”подобно келье дервиша” на случай прихода друзей.

Постоянно заходила прежняя ”стрекоза обезьяня”, теперь ”Нонн” – Нина Григорьевна Львова (жена писателя Л.Львова, оставившего ее). О ней А.М. пишет в рассказе ”Солнечный цыпленок” (*Мышкина дудочка*).

Бывала Емельянова (О.Н.Можайская познакомилась с Виктором Николаевичем Емельяновым, автором *Свидания Джима*, на квартире Ремизова, они вскоре поженились); приходил П.П.Сувчинский, знаток музыки и тонкий ценитель литературы; адвокат Григорий Гаврилович Шклявер; Екатерина Даниловна Унбегаун, мачеха проф. Унбегауна (вернувшегося из лагеря Бухенвальд); Г.Чижов

(“обезьяний куафер”, автор русских романсов под именем Г.Холмского). Людмила Николаевна Замятина навещала А.М. и помогала ему. Бывал неизменный “африканский доктор” (В.М.Унковский, когда-то работавший врачом в Африке, литератор; А.М. знал его с 1911 года). Польский писатель и художник Иосиф Георгиевич Чапский появился уже после войны и стал большим другом Ремизова.

Мамченко – “поэт нежнейшей души”. Дядя Комаров – Евгений Брониславович Сосинский (шофер и художник, брат Б.Сосинского). А.В. и А.Н. Оболенские – и много, много других.

Все любили А.М. и каждый старался сделать что-то для него и как-нибудь скрасить жизнь, что-нибудь принести или помочь чем-нибудь.

В годовщину смерти С.П., около 13 мая, ежегодно устраивалась панихида по ней. В те годы – 40-ые и 50-ые – приходило много друзей. После панихиды в церкви Знаменья (тогда на улице Молитор) большой группой шли на улицу Буало, я обыкновенно вела А.М. под руку – он бодро шагал. Раскупоривали бутылку шипучего “асти”⁷, которое любил А.М. Пили из бокалов “из оперы”, присланных Лифарем. А.М. читал что-нибудь из вновь написанного. Обстановка была дружеская и оживленная.

С 1947 года начали приезжать из Америки старые и новые друзья, обыкновенно принадлежавшие к литературному миру. Поэтесса Софья Юльевна Прегель издавала в Нью-Йорке журнал *Новоселье*, она охотно печатала Ремизова. В журнале участвовал Бунин и многие из пишущих парижан. В этот период Бунин заходил иногда к Ремизову. Его чем-то притягивала личность А.М. Он с любопытством относился к разным словесным опытам Ремизова и к его “исправлениям” к собственным бунинским текстам. Надо сказать, что, с точки зрения литературы, они друг для друга не существовали. Я помню фигуру Ивана Алексеевича на одном из вечеров чтения Ремизова еще до войны.

Событием в Обезьяньей Палате был выход журнала *Русский Сборник*, изданный Борисом Григорьевичем Пантелеймоновым. В нем появился рассказ “Святой Владимир” самого Пантелеймонова. А.М. считал его талантливым. Пантелеймонов (его прозвище было “стекольщик”) часто бывал у Ремизова и прислушивался к его советам, например, избегать “глагольных”, т. е. обращать внимание на то, чтобы глаголы не рифмовались, и не злоупотреблять местоимениями, а также уменьшительными.

⁷ Asti spimante, итальянское вино.

Эта начавшаяся литературная жизнь бодрила А.М. – появились новые люди и, шутки ради, он устраивал нечто вроде школы для молодых писателей.

В 1947 г. в Париж приехали из Америки Кодрянские, которых А.М. знал в военные годы. Наталья Владимировна писала сказки. А.М. одобрял их. Кодрянские помогали Ремизову материально: платили за квартиру, оплачивали счета за газ и электричество. А.М. стало легче существовать.

Жившая в Нью-Йорке поэтесса Ирина Яссен (Рахиль Самойловна Чеквер) финансировала издание небольших книжечек парижских поэтов. Издательство называлось *Рифма*. Были изданы В.Андреев, В.Булич, Т.Величковская, А.Величковский, А.Гингер, В.Злобин, Г.Иванов, Ю.Иваск, В.Корвин-Пиотровский, А.Ладинский, Сергей Маковский, В.Мамченко, Ю.Мандельштам, В.Набоков, И.Одоевцева, Г.Раевский, Ю.Терапиано, Ю.Трубецкой, Л.Червинская, И.Чиннов, С.Прегель, А.Шиманская, А.Штейгер, Е.Щербаков, И.Яссен.

А.М. надеялся, что его вновь написанная книга *Повесть о двух зверях* будет напечатана. К сожалению, ему было отказано в этом: издательство *Рифма* печатало только стихи. Моя мать как раз была на рю Буало, когда пришла эта весть; она была свидетельницей того, как огорчился А.М.: он совсем расстроился и упал духом. Моя мать (О.Е.Колбасина-Чернова), большая поклонница творчества Ремизова, в горячем порыве заявила, что если *Рифма* не издаст книжечки Ремизова, то "мы издадим книжку на свои средства". Средств никаких не было. Но, как впоследствии рассказывал А.М., в самом конце жизни: "я хочу непременно дать предисловие к последней книжке *Оплешника*, чтобы рассказать, как возникло издательство. Кроме воодушевления и пламенного желания – других средств не было. Но горячее заявление О.Е.Черновой вызвало чудо – книжки стали выходить". *Оплешник* – издательство книжек Ремизова – был дружеским издательством. Мой муж Д.Резников заведовал типографией и взял на себя типографскую часть. Издательство было названо *Оплешник* (от слова "оплетать") – иначе говоря – волшебник, чаровник. А.М. составлял книги и выбирал обложку. К концу жизни он уже плохо видел, и я помогала ему. Небольшие гонорары А.М. шли на "Оплешник". Скромные американские друзья вкладывали в письма доллары на издание.

Таким образом вышло восемь книг: *Повесть о двух зверях*, *Бесноватые*, *Мелюзина*, *Мышкина дудочка*, *Мартын Задека*, *Огонь вещей*, *Тристан и Исольда* и *Притчи царя Соломона*. Была готова к пе-

чати еще одна книга — *Павым пером*, но из-за недостатка средств ее не удалось издать.

В конце сороковых годов А.М. было около семидесяти лет. Он был еще здоров, в расцвете своего таланта и полон творческих сил. Во время написания легенд ему хотелось выразить свою жизненную философию и итоги своего жизненного опыта.

Первой была издана *Повесть о двух зверях*, идущая от *Панчатантры* и рассказывающая о столкновении человеческих страстей: дружба и доверие, с одной стороны, — с другой: подозрительность, зависть и злоба. Второй книгой были *Бесноватые* — “мои единственные демонические произведения”. Русские повести XVII-го века. Страсть любви и бушующая кровь: она дает власть нечистой силе. Обложка “алая”, цвета крови.

Затем вышла *Мелюзина* — французская легенда XII века. Вопрос любви и доверия. Может ли любящий верить до конца? А.М. долго изучал материалы, в этот период он много и хорошо рисовал, но не прежней манерой тонкой графики, а крупной и уверенной чертой (он пользовался старым стилем), он изобразил действующих лиц и сыновей Мелюзины.

Затем вышла *Мышкина дудочка*. На обложке три ведьмы, три сестры, это они являлись Макбету. *Мышкина дудочка* посвящена страдам военного времени и рассказам о происшествиях в доме № 7 на улице Буало. Французская критика даже в переводе обратила внимание на стиль повествования, созданный Ремизовым.

За нею следовал *Мартын Задека. Сонник*. В небольшом предисловии А.М. говорит о снах. Он приводит свои записанные сны.

Огонь вещей вышел в 1954 году. Его тема — сны в русской литературе, у Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Достоевского. На обложке воспроизведен рисунок А.М.: Ноздрев, “любящий пули”. Он окружен предметами, о которых рассказывает: “клик матрадура”, “бобон французский”, собаки и женщины. На экземпляре, подаренном моему мужу, стоит: “Даниилу Георгиевичу Резникову с благодарностью за лучшее издание из моих книг. З.Х.1954 г.”. Главная часть *Огня вещей* посвящена Гоголю, над которым А.М. думал всю жизнь. Глубоко волнуют главы о судьбе и конце Гоголя. А.М. разбирает *Мертвые души*, взглянув собственными глазами на героев и увидев их в ином свете, чем это принято критиками-реалистами. Некоторые читатели, даже из близкого круга друзей Ремизова, не принимали подхода А.М. к лицам с уже давным-давно установленным толкованием.

В разные периоды жизни у Ремизова менялся взгляд на самого Гоголя: так, в двадцатых годах он усматривал "веселость духа" (как он говорил, применяя это выражение к Чехову) в "инфернальном смехе Гоголя". Таким "топчущим весь свет конем Гоголя был его смех" (*Огонь вещей*).

Я вспоминаю мой разговор с А.М. о Гоголе, о его *Переписке*. В "Узлах и закрутах" (*Подстриженными глазами*) А.М. пишет о *Переписке*: "Слыша час своей смерти... Гоголь... понял всю чванливость свою 'правдой' в *Переписке* и оценив ее, увидел ясно всю черствость – бессветность – своих воображаемых 'праведников' – этих цензовых и чиновных сановников во главе с генерал-губернатором".

Во *Взвихренной Руси*, в главе, посвященной Блоку, стоит: " 'Я слышу музыку' – повторял Блок. И одна из музыкальнейших русских книг *Переписка* Гоголя лежала у него на столе".

Я спросила А.М., что он думает о *Переписке*. А.М. ответил мне, что характер переписки – чванливость и лицемерие.

"Для чего же вы написали во *Взвихренной Руси*, что это музыкальнейшая книга?"

"Я сам не знаю, почему так написал", – был ответ.

В последний год жизни А.М., весной 1957 г., вышел в "Оплешилке" *Тристан и Исольда*, а летом, к восьмидесятой годовщине Ремизова, на собранные друзьями средства – *Круг счастья. Легенды о царе Соломоне* ("Они идут от векового голоса русской земли", – говорил А.М.).

ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Поздней осенью 1950 г. А.М. тяжело заболел. По его словам, у него не было высокой температуры с 1917 года, в Петербурге. В 1950 г. Н.В.Кодрянская осталась надолго в Париже, работая с А.М. Я редко бывала на рю Буало. В какой-то вечер, в конце ноября, Н.В. позвонила мне по телефону: "Алексей Михайлович болен, у него температура больше сорока. Тех, кто согласился ухаживать за ним, он разогнал своим нетерпением и капризными требованиями, да и понять его не могут, с ним сладу нет!" Устроив необходимые дела дома, я поехала к А.М. В те годы в Париже уличное движение было плохо организовано, автобус подвигался очень медленно, часто останавливался и стоял. Я очень волновалась, в возрасте А.М. такая температура была нешуточной. По дороге я разглядывала витрины с "марсианами". В тот год, как в моем детстве, тема марсиан, спустившихся на Землю, была в моде.

Дверь квартиры А.М. была незаперта, я вошла без звонка и стука, по длинному скрипучему коридору прошла в "кукушкину". А.М. лежал на своем диване, с открытыми глазами и открытым ртом, он был весь серый и напоминал огромную серую рыбу, задыхающуюся на берегу. Я окликнула его, затем вернулась ко входной двери и вынула торчавший наружу ключ. В "кукушкиной" я села возле постели и только сказала: "теперь закройте глаза и спите!" А.М. послушался, и вскоре я убедилась, что он спит – впервые за двое суток! Очевидно температура вызвала возбуждение и он сам не позволял себе заснуть, и буквально сгорал от жара, при этом смутно сознавая, что наружная дверь не заперта, и это поневоле его беспокоило.

Я помню как сейчас этот вечер и ночь. Я поднялась на шестой этаж к Екатерине Даниловне Унбегаун, которая жила в том же доме; по телефону сообщила доктору о болезни А.М. и известила своих домашних, что останусь ночевать у больного. В первую ночь жар был очень сильный, и А.М. был почти без сознания. Я сидела рядом в кресле, время от времени давала пить, нащупывала пульс; пульс казался мне очень слабым, я старалась угадать состояние А.М. – не надо ли немедленно вызвать доктора, может быть нужно впрыснуть камфару. Я держала руку А.М., смотрела на стрелку часов. Только кукушка подавала голос.

Утром пришел доктор Зернов. Д-р Зернов в течение многих лет лечил даром русских писателей в Париже. Он нашел, что положение А.М. довольно серьезное, у него был сильный грипп, в Париже была повальная эпидемия. Я провела около больного девять дней и ночей, получила за это прозвание "девятикрылатого". Я устроилась и постелила себе постель в "комнате С.П.", оставляя дверь открытой. По ночам тревога не давала мне спать, я часто вставала и подходила к больному, прислушиваясь к дыханию, старалась осторожно ступать так, чтобы не заскрипели половицы; вскоре я изучила их. Днем приходили друзья, справлялись о здоровье и уходили. Помню, что на второй день утром я открыла дверь на звонок. Передо мной стояла В.А. Зайцева, она пришла узнать: "жив ли, или помер?" и бесконечно радовалась, найдя А.М. живым и меня подле него. Она обнимала и долго крестила меня. Через два дня, по-видимому, кризис прошел, температура стала спадать и понемногу А.М. начал поправляться. Но когда температура снизилась, начался очень мучительный кашель. Ночью я уже не щупала пульс, а прислушивалась к приступам кашля, казалось, они унесут больного. Я давала теплое питье и сироп.

Меня всегда поражало, что даже в самые трудные моменты жара и задыхания А.М. всегда оставался самим собою: выговаривал медленно и значительно. Его жадный интерес к словам не слабел во время болезни. Как-то, давая ему сироп, чтобы его развлечь, я сказала, что моя няня говорила "суроп". Это очень понравилось А.М. — с тех пор в "кукушкиной" иначе не говорилось, как "суроп". Я пользовалась этим свойством А.М., чтобы отвлекать его от тяжелых мыслей о собственном состоянии, слабости и конце (А.М. прожил еще семь лет). Чаще всего я заговаривала о литературе — литература была миром, в котором А.М. постоянно жил, — о писателях, которых знал А.М. Я вспоминала Андрея Белого. По мнению А.М., Белый был почти гениально одарен, и он его очень высоко ценил как личность и как явление. Несмотря на это, Белый-писатель мало что дал. Начав с ученичества у Гоголя (не прямо, а через Мельникова-Печерского), он разбрасывался: "оглушил себя трескотней Заратустры", потерял себя, увлекшись Штейнером. А.М. глубоко чувствовал Белого как поэта. Я вспоминала, как когда-то, еще на авеню Мозар, А.М. замечательно читал стихотворение Белого "Отчаянье":

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать...

“Вот это настоящее”, – говорил А.М.

В ленинградской Публичной Библиотеке хранятся письма Андрея Белого, написанные Алексею Михайловичу Ремизову в разные годы:

...Ужасно хочется Вас видеть. Я Вас очень полюбил – Вас и Серафиму Павловну. ...Хотелось бы еще и еще ближе Вас узнать. Тогда и с Наташей хорошо бы познакомиться... Голубчик Алексей Михайлович, как бы хорошо Вас повидать: Вы один из ‘несомненных’, ‘подлинных’ людей. Христос с Вами, дорогой Алексей Михайлович, пошли Вам Бог всего радостного и легкого. (10 января 1906 г.)

Глубокоуважаемый и милый, милый Алексей Михайлович,
...Книгу Вашу прочел, – не прочел, а проглотил. *Пятую язву* еще никогда не читал. Она меня глубоко потрясла. Как открыл, так и не мог оторваться. Это – что-то колоссальное, чем гордиться может наше десятилетие литературы.

‘Вехи’ *русской* литературы, которые потом будут критикою превращены в шоссейные дороги среди пустырей, обозначаются для меня редко, редко подобным произведением. Так для меня было с ‘Куликовым полем’ Блока... (1913 г.).

Я вспоминала, что С.П., говоря об Андрее Белом, всегда улыбалась.

А.М. охотно рассказывал о Розанове – любил его как мыслителя: его “двойные мысли”, и как человека, чувствовал его человеческую теплоту и, говоря о том, как ему трудно бывает общение с некоторыми людьми, вспоминал: “А уж совсем мне было легко с Розановым”. Рассказывал, как вечерами они сидели вдвоем, беседовали и рисовали. Розанов сердился на А.М., для которого эти рисунки были забавой, “безобразием”, а для Розанова чем-то почти священным. Все же, заключал А.М., напрасно все сводить только к полу. Розанов говорил ему, что самое важное и любимое для него в женщине не пол, а та задумчивость и тихость: “в разговор веселый не вступая, сидела там задумчиво одна...”.

В 1974 году в Париже были впервые опубликованы (*Вестник Р.Х.Д.*, № 112–113) последние прощальные письма Розанова, незадолго до смерти продиктованные дочери. Письмо от 7.I.1919 обращено к друзьям. Розанов вспоминает “любимого Ремизова и его Серафиму Павловну”. А.М. так и не узнал об этом письме. Никаких

сведений о Розанове у него не было. В 1968 г. в России мне удалось познакомиться с Татьяной Васильевной Розановой¹, она помнила Алексея Михайловича и Серафиму Павловну Ремизовых.

Началось выздоровление. За эти дни и ночи, проведенные на рю Буало, я смогла хорошо узнать жизнь А.М. "за кулисами" – в те часы, когда посетителей у него не бывало. А.М. просыпался рано, было еще темно, вставал и выпивал чашечку крепкого черного кофе, приготовленную с вечера. Сразу садился за письменный стол и записывал свой сон, чтобы не забыть: образы сна развеиваются. Затем следовало бритье: ставил на тот же письменный стол четырехугольное зеркальце, горячую воду и тщательно, привычной рукой брился безопасной бритвой. После бритья А.М. пил чай с хлебом на кухне и сразу приступал к работе. На столе стояла круглая стеклянная чернильница, писал А.М. старым стилем, макая его в чернила, рисовал так же.

К десяти часам приходила молодая француженка Тилетт, жена Александра Семеновича Лурье – сына старинного друга Ремизовых по Петербургу – хранившего верность семейной дружбе. Тилетт Лурье ежедневно приносила А.М. завтрак: порцию мяса с овощами. По воскресеньям бывала курица, тогда – дорогое блюдо. А.М. неизменно доставалась ножка. Заботливо – "Тилетт привыкла обращаться с детьми", – говорил А.М. – впускала капли в нос или в глаза. И брала список нужных покупок на завтра. Приносили почту, я читала вслух письма, впоследствии отвечала на них, под диктовку. А.М. постепенно терял зрение.

В те годы (конец 40-х – начало 50-х) в Париже еще не началось строительство. В буржуазном аристократическом районе 16-го аррондисмана сохранились спрятанные за домами закрытые дворы. За двориком дома, в котором жил Ремизов, где рос пышный ветвистый каштан, осенью пылавший золотом, был огромный двор, с большими деревьями и курятниками. По ночам я слышала крик совы, пень петуха ("Петух и кукушка" в книге *По карнизам*). Я познакомилась воочию со всем, что знала по устным рассказам или произведениям Ремизова.

Из письма А.М. 10.V.1945: "...Сижу с открытым окошком. Низко летают аэропланы. И поет петух [почему-то петух написан через букву ять]. Не знаю, десятый раз выкукурекивает и ему другие отвечают, теперь слышу ясно: вся наша улица петушина..."

¹ Дочь Розанова.

Раз или два в год "восточные жильцы", жившие над А.М., устраивали ночной праздник, со странным пеньем и ритмическим топотом до утра. Иногда, по каким-то дням, рано после обеда приходил уличный певец; до тех пор его удавалось слышать только Оле (моей сестре). Письмо от 9.II.1948: "...Какой-то бродячий певец появляется неизменно, когда бывает Оля, робко напевает выкликаю. Я ему говорю: 'уехали, все уехали вчера'. И вижу, как он идет дальше с опущенной рукой, по привычке нацеливаясь поднять..."

А.М. все это любил: звуки составляли фон его жизни, и ему хорошо было работать под эти неизвестно откуда звучащие мелодии, или под стук и движение в гараже напротив, где работали русские.

А.М. был очень аккуратен в переписке: каждое письмо требовало ответа. Он любил само действие – написание букв. После смерти С.П. он вел обширную переписку. Приходили письма и посылки из Америки. Среди других, регулярно от Антонины Федоровны Рязановской. Семья Рязановских – давнишние друзья Ремизовых. Об Иване Александровиче Рязановском, филологе, А.М. пишет в *Подстриженными глазами*. Валентин Александрович – его брат, жил в Калифорнии, его жена, Антонина Федоровна – писательница; ее книга *Семья* пользовалась большим успехом в эмиграции; она человек исключительной доброты и чуткости. Антонина Федоровна поддерживала Ремизова материально частыми посылками продуктов и одежды, не только для самого А.М., но и для его друзей. В письмах А.М. упоминает О.Н.Емельянову (Мэнаду), Нину Григорьевну Львову (Нонн) и Солдата (Екатерину Владимировну Фоминову). Письма А.М. (от 1948 до 1956 г.)² – ответы на письма и на посылки, их поэтическое перечисление; кроме того, эти письма – отклик на окружающую А.М. жизнь, его устремленность тех лет, как бы запись его писательской работы. Письмо от 10.II.1951 (о болезни): "После крещенского огня отдышиваюсь. В горячке записывал не глядя и, как поднялся, нарисовал, что видел. Понемногу восстанавливается зрение. 9 жгучих ночей, эти 9 ночей ночевала, следя, Наталья Викторовна Резникова, самоотверженно и терпеливо (она семейная, 2 детей). Резниковы, Андреевы, Сосинские – их затея *Оплешник*. Я знаю их детьми. Их любила Серафима Павловна. Первую ночь ночевала Мэнада, но обиделась на меня не за слова, а как я говорил с нею в жару 40°. Наверное, я виноват: за добро выругал. 30 лет не хворал (1917 – крупозное воспаление легких). Не умею лежать, не привык".

² Рязановской.

В 1951 году была издана в "Оплешике" вторая книжка – *Бесноватые*, в "алой, цвета крови" обложке. Летом 1949 года А.М. с большим воодушевлением писал "Савву Грудцына" и читал ее нам вслух. Повесть была напечатана в переводе Ариадны Сосинской³ во французском литературном журнале *Ля Паризьенн*⁴ в 1952 году. "Соломония" написана значительно раньше, в 1929 году. Существует рукописный альбом "Соломонии", иллюстрированный А.М. (с французским текстом), 1935 года. Тема Соломонии близка Ремизову: он часто к ней возвращается, это его личная тема. Существо Соломонии "лунное" (т. е. вне пола). Она выдана замуж: "брошена в кипь жизни".

На экземпляре книжки *Бесноватые*, подаренном моей матери, стоит: "Ольге Елисеевне Черновой с любовью и низким поклоном. Жду книгу о Пиренейских ведьмах. Алексей Ремизов. 10.IV.1951". Эта книга так и не увидела свет, несуществующий гонорар за нее лег в основание "Оплешика".

Весной 1951 года А.М. был уже вполне здоров и со рвением принялся за работу.

* * *

Я подымалась по лестнице на второй этаж. В углублении направо дверь со знакомой бумажкой: "висит зеленое и поет...".

Подходя к двери, я часто думала: как-то я застаю А.М.? Звонила условленным звонком – один более протяжный и два коротких – и ждала, прислушиваясь. Слабый звук шагов приближался. Слегка шаркающий, тихий и мерный. "Значит все хорошо". Сколько лет еще буду слышать этот привычный шум еще бодрой и крепкой походки?

А.М. открывал дверь, и я входила в темноватую переднюю. Сразу охватывал особенный запах этой квартиры: сгущенный запах табака и старых книг. А.М. оглядывал меня, угадывая выражение моего лица, и говорил что-нибудь шутовское и ласковое: "Вы пришли, как монашек с веточкой", "какой на вас халатик!" и – уже непременно – "о вас такой-то справлялся". Мы медленно шли рядом по длинному коридору, А.М. расспрашивал про моих домашних, про дела; потом обстоятельно рассказывал о том, что произошло за по-

³ Моя младшая сестра.

⁴ *La Parisienne*.

следние дни, о своем здоровье, о том, что его волновало или веселило, всегда одинаковым, тихим и убедительным тоном, все равно — о каком-нибудь пустяке или о чем-нибудь важном.

Войдя в "кукушкину", я расставляла принесенные цветы. "Полевые!" — с нежностью говорил А.М. Но он любил и садовые, яркие, видные для его слабеющих глаз. А.М. садился в свое деревянное кресло у стола, курил, стряхивал пепел, на что-нибудь непременно жаловался и улыбался. В то время он носил малиновую бархатную куртку — подарок моей сестры Ариадны — привезенную из Америки. Я разглядывала разукрашенные "конструкциями" стены, письменный стол с привычными вещами. Лампа, Фейерменхен, жестяная коробка с табаком. В нее привычным движением пальцев А.М. ссыпал табак от окурков для какого-то русского, жившего в "русском доме" (дом призрения для старых русских людей). Пепельницы, нелепое черное пресс-папье — голова негра, деревянные, сделанные ловкими руками Емельянова, коробочки с перьями и подставка для календаря, мундштуки, тетради-рукописи, над которыми в настоящую минуту работал А.М., рисунки. Почерк тогда еще был твердый и красивый. Но А.М. уже не писал затейливой вязью, а просто и четко выводил буквы. И линии рисунка чертил крепким и уверенным штрихом.

Это были счастливые годы. После тяжелейшего гриппа зимой 1950-51 года здоровье А.М. восстановилось. Он еще довольно хорошо видел и дышал без "задоха". И, главное, был полон творческих сил и подъема. В голове у него было несколько задуманных тем на будущие годы: *Достоевский до каторги, Шестидесятники, Русские революционеры*. Он задумывался над ними и постепенно подготавливал материалы.

Мы скоро переходили к "порядку дня" — к очередной работе. Работы было много, и А.М. всегда торопился, "мое исступление" говорил он сам о себе. Надо было отвечать на письма, переписка была большая: редакции русских изданий и газет, друзья из Америки, письма из Парижа и Франции, из Германии и других стран. А.М. всегда и сразу отвечал на письма. У него была привычка поздравлять знакомых писателей с литературными успехами, премиями, избранием в Академию, близких знакомых — с именинами, он все помнил. Я часто писала под его диктовку.

Много времени занимало составление и подготовка к печати книг и корректура. При составлении своих книг А.М. часто пользовался уже напечатанными в газетах или журналах произведениями. Мы вырезывали тексты длинными ножницами и наклеивали их на белые листы бумаги, нумеровали страницы и делили на главы. Стра-

ницы газет и журналов, обрамлявшие рассказы с проставленными датами, уничтожались. Поэтому теперь очень трудно составить точную библиографию Ремизова и установить время написания и появления в печати его произведений. Сам А.М. считался только с датой выхода книги, иногда состоявшей из частей только что написанных, рядом с другими, уже давно появившимися в печати в разных углах земного шара – где только были группы русских эмигрантов, издававших недолговечные журналы, он непременно посылал им что-нибудь.

Затем мы переходили к чтению материалов для подготавливавшихся произведений. В эти годы А.М. занимался легендами разных стран и народов, составляющих вечное достояние человечества. А.М. всегда интересовался легендами. Он говорил, что легенды подобны снам человечества, что в этих снах-преданиях сохраняется память прошлого. "В легендах я чувствую несравненно больше живой жизни, чем в исторических материалах" (*Мышкина дудочка*). "Знание, как итог только фактов, не может дать исчерпывающего представления о живом человеке, в протокольном знании нет живой жизни. Только бездоказательное, как вера, источник легенд, оживит исторический документ, перенося его в реальность неосязаемого мира. История человечества – история человеческого вдохновения, упований – ее можно представить, как зарождение, борьбу и смену мифов: миф о божестве, миф о свободе, миф о любви" (*Огонь вещей*).

В послевоенные годы, заинтересовавшись "языком стряпчих", сохранившимся в судебных протоколах XVII века, А.М. задал себе вопрос: что же, кроме книг религиозного содержания, читали в то время грамотные люди? – и натолкнулся на легенды, разными путями попадавшие в Россию. Изучив их по разным источникам и вариантам, Ремизов переписал их своими словами "на свой глаз и ухо", через свой опыт и свою жизненную философию.

Повесть о двух зверях – первоисточник повести – древнейшее санскритское пятикнижие – "Каждый век – каждая редакция повести, – пишет Ремизов, – представляет себе Ихнелата по-своему, и меняется обстановка: современность. От арабского 'шакала' VIII века в греческой версии XI века и звания нет, Ихнелат очеловечивается, а я его представляю человеком среди 'шакалов', что куда ближе к древнейшему замыслу Панчатантры". Столкновение человеческих страстей. Заносчивая гордость и глупость вызывают обойденность и обиду. "Малодушие, легковерие и страх – вот три силка на душу". Человеческое слово – большая сила. Но куда она направлена? Нужна мудрость, а не хитрость. "В правде, – говорит Ремизов, – тихость, кротость и милосердие".

Мелюзина — французская повесть XII века. Вечный вопрос о любви и вере. Способен ли человек, любя, верить безоговорочно, — несмотря на все? "Из *Мелюзины* вышел хоровой сказ", — пишет А.М. в письме моей сестре Ариадне. Действие *Мелюзины* проходит под голос хора, подобно античной трагедии. Тема судьбы часто присутствует в произведениях Ремизова. А.М. углублялся в стихию трагедии, перечитывал Эсхила, Софокла, Эврипида. На полях писем того времени рисовал фигурки Ифигении и ее сестры. Работая над *Мелюзиной*, А.М. с большим увлечением рисовал, альбом за альбомом, его окрыляло сознание, что его творчество, при всей сложности, доходит до людей и вызывает восхищение. Начиная писать что-нибудь новое, А.М. сразу иллюстрировал задуманное произведение.

Над *Тристаном* А.М. работал с особенным волнением. Он не ограничивался чтением материалов и различных вариантов легенды о "разлученной неразлучной любви". Он глубоко переживал стихию кельтского мира, старался увидеть глазами не только героев, но и окружавшую их природу и быт. "Вы представьте себе, ведь рыцари и Тристан часто ходили без обуви, а жили в домах с дыркой в потолке, вроде курных изб. И во дворце королей также".

У меня хранятся альбомы с замечательными иллюстрациями Ремизова к *Тристану*. На отдельном картоне лицо Тристана, оно пронзительно: в его печальных глазах вся насыщенность трагедии. Повесть была переписана три раза, одновременно заполнялись тетради с рисунками. Поражает их сила и темперамент. А.М. называл их подготовительной работой к написанию легенды.

Колдовство управляет судьбами королей и королев. Феи, друиды, воины и колдуньи: три вещих сестры — их имена: Скоттах, Уатах (она ужасная) и Айфе. Это они явились Макбету. Волшебство: серебряные ветки, яблоко судьбы, зеленый плащ феи, одной из тех "дамуазель", которые окутывали туманом чар странствующих рыцарей. Все это можно прочесть в надписях под рисунками. "Только битвы и поединки — я пишу о них как по заказу. Это чуждо моей природе", — объяснял мне А.М.

Когда я открываю эти тетради и альбомы, я переносусь в те годы на улицу Буало. Летом окно открыто. Тяжелые занавеси, защищающие окно зимою, раздвинуты. В последние годы жизни А.М. любил солнце и охотно сидел и работал на солнце. Перед ним круглая чернильница, в нее А.М. макает перо и пером или самой ручкой быстро проводит уверенную черту. Появляются головы рыцарей с крупными чертами лица, феи; вот и веточка с серебряными листьями и хрустальными бровками.

В августе 1951 года я была на океане, в тот год в Париж из Нью-Йорка приехали со своими семьями мои оба зятя, работавшие в ООН – Вадим Андреев, муж моей сестры Ольги, и Владимир (Бронислав) Сосинский, муж Ариадны.

Письмо А.М. ко мне от 16.VIII.1951 –

Дорогой мой девятикрылатый Наташа! Вы вспоминали о Тристане в бурю – это самое сокровенное, что есть в природе, голос бурного моря. И судьба Тристана не то ли? – Любовь закатывается отчаянием и возникает снова, сокрушая – над всеми подголосьями волн.

Я не забываю о тексте, сейчас кончил о Шмелеве. Примечание к Брунцвику и хочу кончить Ноздрева: рисую и пишу и вдруг чего-то понимаю.

Первый пришел Саша (Андреев) медвежонок и сейчас же поставлен на работу: развешивал белье и ходил около клея, из *Нового Русского Слова* вырезал о Горьком. Бегал за ветчиной и зелеными грушами. Я делал котлеты, следила Л.Н.Замятина, пришел Копытчик и читал о Шмелеве. Котлеты пережарились.

В воскресенье Аука – как хорошо она читает, даже выговорила без запинки: Серебряниковские бани.

Проверял с ней. Подмела пол. И я соблазнил попробовать ветчину, она отказывалась и незаметно подобрала, и пустую заvertку я положил за окно. В понедельник Вадим – еще вырос и пострунел. Понедельник, едва нашел хлеб и к хлебу горошек. Слушал его рассказы из жизни. Во вторник Бронислав и Алеша, а потом Оля. Пили Порто. И за работу. Оля 'воркотун' до 11-ти с Емельяновым Бову Королевича, а Сосинские – Горького. Меня очень обрадовало, что все было дружно и с желанием продолжать не отбрыкиваясь.

Несмотря на то, что я часто и регулярно бывала на улице Буало, у меня сохранилось много писем А.М. того периода. Они прежде всего свидетельствуют о творческом подъеме семидесятилетнего Ремизова, а также о его жизненности, о его напряженной воле, направленной на то, чтобы его произведения были напечатаны и увидели свет.

Мы часами сидели, не вставая, за чтением. Я не должна была пребывать ни вопросами, ни комментариями, ни смехом. Потом уже вопросы забывались, и теперь я очень жалею, что о том или другом не спросила А.М.⁵ Потом мы переходим на кухню пить чай. Я стараюсь мимоходом стереть пыль припрятанной тряпочкой, со стола или с полок, так, чтобы А.М. не заметил – не полагалось "тратить время на такое". Но А.М. замечает все, несмотря на свою "слепоту", которую он преувеличивает.

⁵ Однажды, после занятий, я заговорила о Крылове, и А.М. мне сказал, как он высоко ценит его басни.

А.М. всегда работал. Чтение было для него работой, он никогда не читал просто так, для отдыха или развлечения. Читал он по задуманному плану – циклами, то, что в данный момент входило в круг его внимания и интереса. Он покупал много книг. Получая газету, прежде всего просил читать объявления книжных магазинов и подчеркивал названия интересовавших его книг, главным образом по литературоведению, как нового, так и древнего периода. Всегда находились люди, аккуратно менявшие для него книги в библиотеке Школы восточных языков. Кроме XVII-го века, А.М. изучал литературу XIX-го века. Делал выписки того, что его поражало и, хотя бы в кратком изложении, вводил в свои произведения – часто в виде литературных анекдотов. Может быть, с точки зрения чисто художественной, это было ненужно и тяжелило повествование. Кроме литературоведов, только очень немногих читателей интересовали второстепенные лица, когда-то игравшие роль в русской литературной жизни.

Например, в "Белоснежке" (*Подстриженными глазами*) рассказана ссора Шевырева с гр. Бобринским. Кроме анекдотической стороны в этом рассказе вставала актуальная в те послевоенные годы проблема русской патриотической чести перед лицом Запада. Гр. Бобринский предлагает на международную выставку послать спину избитого, наказанного русского мужика. "Патриот" Шевырев бурно протестует. Можно ли русский позор выставлять на суд Запада? Между ними происходит драка. Тема была актуальная. Трепетавшая за Россию во время войны русская эмиграция восторженно – как новую жизнь – приняла русскую победу. Будущее России представлялось в радужном сиянии. В конце сороковых годов на политическом горизонте стали сгущаться тучи. Новая волна эмиграции из России много рассказывала такого, что восторженными, вновь обретшими родину парижанами могло быть воспринято, как клевета на Россию.

А.М. не считался с читателем, но все же, парадоксально, постоянно чувствовал обиду из-за своей "нечитаемости", о которой он постоянно и настойчиво писал. Французские критики первые отметили чисто поэтическую сторону Ремизова и говорили о нем как о поэте. Со стороны русской критики мне никогда не встречалось отклика на поэтический элемент в творчестве Ремизова⁶. И критики, и читатели, отдавая должное оригинальности и мастерству языка Ремизова, главным образом ставили вопрос о его понятности. С самого детства,

⁶ Кроме заметок А.В. Рыстенко.

еще бессознательно, я почувствовала и полюбила именно поэзию Ремизова. Впоследствии я всегда жалела, что А.М. в некоторых своих вещах как бы сам себе мешал отдаться этой поэтической стихии, загромождавая свои произведения историко-литературными сведениями и анекдотами, забытыми и затерянными в массе исторических и литературных материалов. А.М. их выуживал и воскрешал, это его забавляло. Интерес, вызванный его открытиями у исследователей и любителей литературы, вряд ли оправдывал часы работы, чтения материалов мемуарного характера. Ради находок языка А.М. прочел томы изданных протоколов судебных дел XVII-го века. "Учусь языку", – говорил А.М. Конечно, при этом он сильно утомлял свои глаза. На это чтение и выписки уходили месяцы упорного труда, кропотливой бисерной работы. Но это было настоящей страстью коллекционера. Я обязана А.М. раскрытием личности и литературной деятельности моего деда, Елисея Яковлевича Колбасина, отца моей матери. А.М. полюбил его и говорил о нем, как о близком, знакомом ему человеке, всегда подчеркивая его необыкновенную доброту, внимательность и отзывчивость к людям (тайная милостыня – "Три письма Горького").

После чая мы возвращались к письменному столу и работали до ужина. Часов в восемь мы шли на кухню и весело разговаривали, пока я готовила еду. Иногда бывали посетители, но редко кто-нибудь из них засиживался поздно. Мы кончали вечер вдвоем в "кукушкиной", "вне времени и пространства" внешнего мира. Было тихо, мы откладывали работу. Тикали часы: круглый будильник на столе и кукушка, она мерно отсчитывала мгновения, изредка с шумом распахивала дверцы и громко куковала. Мне казалось иногда, что время останавливалось в этой комнате с ритмом часов и украшенными серебром стенами при нашей тихой беседе. Стрелки будильника переходили с девяти на десять. Половина одиннадцатого. Невольно желая удержать меня подольше, А.М. задавал вопросы, говорил о спешных делах, о планах занятий. Иногда что-нибудь рассказывал о прошлом. Я оглядывала стол, все ли на месте? Приготовляла постель, если было холодно, приносила "брусничное" одеяло из другой комнаты. Наконец мы прощались. "Идите тихо..." Я спускалась по лестнице, шла по слабо освещенной улице Буало. На площади Микель-Анж остановка автобуса 62 возле кинематографа. Я глядела на нежное парижское небо, зимой – через сеть голых веток платанов, а в короткий праздник лета – сквозь узоры листьев. Подходил автобус. Знакомый маршрут, те же улицы и магазины со спущенными шторами. Улицы были пустынные и тихи. Я поздно возвращалась домой.

Большая темносиняя книга — *Сказки народов русского Севера*. Я открыла ее сейчас впервые после многих лет.

Сколько часов мы провели над нею с А.М.! Нахожу надпись: 27.IV.1952 г. с росчерком. На страницах книги подчеркнутые фразы и слова, понравившиеся А.М. выражения, много отметок. В книге сохранилась даже промокашка с прожженной папиросой дырочкой, с отпечатками слов, написанных рукой А.М. и моей: живая память о работе 1952 года. Ремизов любил русский Север, часть его ссылки прошла на севере России, в молодости он записывал и обрабатывал то, что ему удавалось услышать из северного фольклора⁷.

Книга сказок уводила еще глубже на север, в стихию "одинокой земли" и "одинокой воды" среди льдов и долгой зимней ночи. Люди живут затерянными кучками; кругом — враждебная им, грозная природа. У людей и зверей один и тот же язык, те же стремления. Надо как-то прожить, избежать подстерегающей их на каждом шагу опасности, трудом, а чаще хитростью, добыть пищу: рыбу, мясо, жир. Они проходят перед нами: ворон, орел, волк, медведь, лиса, зайцы, нерпа (тюлень), налим и олени — пестрые, белые и черные. В сказках отражена космогония народов Севера: яркие звезды, солнце и месяц, они входят в жизнь людей наряду со злыми духами и духами-покровителями и великанами. Шаман обладает большой силой, он сноится с духами и даже может повелевать ветрам.

В 1952 году А.М. еще мог читать, и читал сам, делая отметки, или слушал мое чтение. — "Подчеркните: 'нерпа, владычица моря', 'воровка звезда'..." Мне запомнился грустный тон сказки о лисичке, с ее плачем-припевом:

Ой жалко.
Кисó!
По льду бегать охота,
Хвост прямо держать,
Кисó!

Эта не совсем понятная песенка очень нравилась А.М., и он сочинил к ней мелодию и напевал, подчеркивая ритм и притоптывая ногой на цыганский лад: Кисó, ой жалко!...

⁷ А.М. был арестован в 1896 г. в Москве, на студенческой демонстрации. Сослан в Пензу, затем в Вологду, где пробыл до 1903 г. (см. *Иверень*).

В то время вышла в серии "Оплешник" вторая книга легенд – зеленая *Мелюзина* (А.М. всегда сам выбирал цвет обложки). На подаренном мне экземпляре А.М. нарисовал лисицу и ряд женщин на коленях черпающих воду – "чужой земли женщины воду из горных рек черпают"... "Ой и жалко! Кисó!"

Вышло так, что в это лето никто не приехал из Нью-Йорка, и А.М. спокойно работал над своими произведениями, темы которых так сильно его захватывали: Савва Грудцын и Гоголь. Он был в особенном творческом подъеме и охотно читал парижским друзьям вновь написанное. Запомнилось чтение Саввы Грудцына, слушали В.Н.Емельянов, И.Чапский, Андреевы, мой муж и я. Было теплое лето; если приходило несколько человек, кто-нибудь спускался и покупал мороженное "у Монжелера", непременно сливочное. Встречая и провожая меня по длинному коридору, А.М. напевал есенинское "до свиданья, друг мой, до свиданья..." или лисичкино причитанье.

В жизни А.М. этот период отмечен сближением с французскими писателями.

Ремизова было принято считать самым непереводимым русским писателем, да и сам он так думал. Если творчество Ремизова рассматривать исключительно с точки зрения словесной, то, без сомнения, это так. Однако в произведениях Ремизова существуют другие элементы, поддающиеся переводу. Мысль его всегда оригинальна, развитие темы и конструкция произведения очень своеобразно построены и высказаны поэтическими образами, ритм фразы всегда неожидан и соответствует мысли автора.

Переводчики не напрасно трудились, с большей или меньшей удачей: в переведенных текстах передавалось искусство русского писателя и выступала его оригинальнейшая личность.

В начале жизни Ремизовых в Париже, в двадцатых годах, Лев Шестов познакомил А.М. с французскими писателями. И католики (Жак Маритэн) и сюрреалисты (Андрэ Бретон) оценили глубокую оригинальность Ремизова, и его вещи стали появляться в передовых французских изданиях. Имя Ремизова тогда же стало известно французской элите, главным образом как автора легенд, написанных очень своеобразным стилем. Впоследствии, в тридцатых годах, редакция журнала *Нувель Ревю Франсэз* (изд. Галлимар), сыгравшего такую значительную роль во французской литературе, заинтересовалась Ремизовым: несколько его рассказов появились в книжках ежемесячника.

В истории современной литературы, даже за пределами Франции,

журнал *Н.Р.Ф.*⁸ занял особое место. В течение многих лет он играл ведущую роль. Первый номер журнала вышел в 1908 году, он был создан группой символистов. С 1909 года журнал стал выходить регулярно, в своем окончательном виде. Хотя имя Андрэ Жид и не фигурирует в комитете редакции, его участие и влияние на жизнь журнала были очень значительны. Основатели журнала не отказались от своих симпатий к символизму, но не составили самостоятельной литературной школы. Они были связаны некоторыми общими идеями в области художественного творчества. Они хотели оживить литературные формы, бывшие в пренебрежении у символистов, — роман и театр. Влияние журнала шло главным образом путем критических статей. Первый раздел журнала состоял из рассказов, отрывков романов, стихов и эссе, а второй был обязательно посвящен литературной хронике и критическим заметкам. Журнал остался навсегда верен своему характеру, и его влияние распространялось во всем мире. Первый период существования ежемесячника, начавшийся в 1908 году, окончился в 1914 г. с началом Первой мировой войны. В оглавлениях мы находим имена П.Клоделя ("Благовещение"), Ж.Жироду, А.Сюареса, Поля Валери, Ф.Мориака, В.Ларбо, А.Фурнье, Ж.Дюамеля, Сен-Жон Перса. В 1914 году Марсель Пруст поместил в *Н.Р.Ф.* отрывки из романа *В поисках утраченного времени*, Шарль Пэги подготовил для журнала свои заметки о Декарте. В 1909 г. Жак Ривьер вошел в редакцию журнала в качестве секретаря. В 1911 году участники журнала создали свое собственное издательство, главными участниками которого были Андрэ Жид, Шлумберже и Г.Галлимар. Журнал пережил войну 1914–1918 гг. В 1919 г. он продолжает выходить под редакцией Ж.Ривьера, после его смерти в 1925 г. на его место становится Жан Полян. Назвать всех сотрудников журнала между 1919 и 1940 гг. значило бы перечислить почти всех писателей и критиков Франции периода между двумя мировыми войнами. Наряду с прежними сотрудниками, как А.Жид, Валери, Клодель, Пруст, мы находим имена, принадлежащие к более молодому поколению: Монтерлан, Мальро, Ж.Жионо, Ф.Понж, Анри Мишо, Дриё-ля-Рошелль. С 1938 г. журнал *Н.Р.Ф.* и издательство обособиваются в особняке на улице Себастьян Боттэн. В 1940 г. наступает второй международный кризис. В оккупированной Франции существование хотя бы чисто литературного журнала было почти невозможно. В 1943 г. выход журнала прекратился. С 1951 г. журнал снова стал время от времени выходить отдельными книжками.

⁸ *La Nouvelle Revue Française – N.R.F.*

С 1953 года он начинает выходить регулярно, его название слегка изменено: *Нувель Нувель Ревю Франсэз* — под редакцией Жана Поляна и Марсея Арляна. На страницах ежемесячника появляются имена представителей нового романа: Бютор, Н.Саррот, Роб Грийэ и т. д.

В конце тридцатых годов Ремизов писал одно из самых значительных своих произведений, автобиографическую книгу *Подстриженными глазами*. Главы из этой книги в виде отдельных рассказов стали периодически появляться в русской газете *Последние Новости*. Редакция журнала *Н.Р.Ф.* знала об этом произведении и заинтересовалась им. В 1936 г. имя Ремизова появилось в журнале: несколько отрывков его рассказов были напечатаны в *Н.Р.Ф.* В годы войны А.М. сохранил связь с редакцией и, несмотря на болезнь С.П. и почти непреодолимую трудность сообщений, он иногда, частью пешком, добирался до улицы Себастьян Боттэн. Ремизова знали в редакции *Нувель Ревю Франсэз* и ценили его, но ему иногда приходилось подолгу ждать приема. Ему покровительствовал редактор, писатель Дриё ля Рошель, сложный и изломанный человек. Душевная опустошенность и разочарование во Франции — по его мнению, Франция после войны 1914 года находилась в состоянии упадка — толкнули его на "сотрудничество" с немцами в 1940 году. В конце войны он застрелился.

После окончания войны А.М. возобновил отношения с редакцией, во главе которой стояли Ж.Полян и М.Арлян, они знали и любили Ремизова и были готовы напечатать *Подстриженными глазами*.

А.М. с молодости знал французский язык, когда-то в ссылке переводил Бодлера. Бодлеровское стихотворение "Непоправимое"⁹ глубоко волновало Ремизова, и тема непоправимого в жизни стала одной из его постоянных тем. Живя в Париже, он был знаком с новейшими течениями в искусстве и мысли Франции. Ему приходилось встречаться с французами — писателями, переводчиками. Иногда летом Ремизовы уезжали в Бретань и жили там во французской семье. Несмотря на это, при встрече с французами А.М. всегда терялся, как будто его заставляли врасплох, начинал искать нужные выражения, или случайно зацепившись за какое-нибудь слово, говорил шуточные вещи, не относившиеся к делу. Французы улыбались, их привлекал "шарм" русского писателя, его улыбка, тонкая артистическая восприимчивость и талантливость во всем, но настоящего разговора не выходило. К тому же, у А.М. была укоренившаяся привычка подчер-

⁹ *L'irréparable.*

кивать свое положение чужого, иностранца, непризнанного и нигде не печатаемого писателя. После свидания с Ремизовым у растроганных французов появлялось горячее желание помочь этому необыкновенному человеку — поэту, как они говорили, и непременно что-нибудь для него сделать. Потом, при суете жизни, при вечной загруженности редакций, дело откладывалось, желание остывало и все забывалось. Оставалось чувство неловкости от несдержанного обещания. А.М. говорил с Поляном о своей книге *Подстриженными глазами*, и Полян живо заинтересовался ею. Перевод был сделан, но не удовлетворил требовательного редактора. Полян занялся сам поправкой рукописи. Я думаю, что вообще перевод поправить нельзя, кроме деталей. Когда внутренним слухом переводчик вслушивается и слышит оригинал, перевод выливается непосредственно в главной своей линии и в своем ритме; затем наступает работа над словами и фразами, часто долгая и упорная. Хотя Полян и привлек к работе над ремизовским текстом известных литераторов, несмотря на их высокую квалификацию, текст вышел вялый, в нем не звучал голос Ремизова. А.М. все же было обещано, что книга будет напечатана. Но, по обычаю Галлимарского издательства, рукопись куда-то глубоко спрятали, и о ней уже больше не говорили.

Зимой 1953 года А.М. поручил мне пойти в редакцию *Н.Р.Ф.*, справиться о судьбе рукописи. Со своей стороны, я хотела постараться оживить отношения А.М. с французскими писателями. В те годы редакция *Нувель Ревю Франсэз* представляла собой Олимп французской литературы. По известным дням, оба редактора — Жан Полян и Марсель Арлян¹⁰ — принимали посетителей в общем кабинете. Они оба — люди совершенно исключительной культуры — знали А.М. лично и высоко ценили его искусство. Жана Поляна сближала с Ремизовым страсть к слову. Его книга *Цветы Тарба* посвящена языку и проблемам современной литературы.

В этом оригинальном человеке сочеталась исключительная острота и углубленность восприятия искусства — литературы и живописи, большая жизненная мудрость и одновременно шаловливое желание удивлять и сбивать с толку людей. В высказываемых им суждениях — иногда парадоксальных — поражала способность видеть предмет с разных сторон и, я бы сказала, еще с какой-то неожиданной стороны, при точности формулировки мысли и редком, по богатству и изысканности, французском языке.

¹⁰ Jean Paulhan — автор *Fleurs de Tarbes*; Marcel Arland.

Полян считался самым большим авторитетом в литературных оценках и его называли "папой" французской литературы. В отношениях же с людьми, некоторые говорили о его цинизме, другие отмечали его ласковую внимательность. Полян был известен своими каверзными шутками. Он забавлялся тем, что вдруг создавал славу какому-нибудь начинающему писателю, превозносил его, говоря о нем, как о значительном явлении в литературе, а затем переставал обращать на него внимание и даже упоминать о нем. Была известна его "шутка с картиной": завязав с посетителем оживленный разговор о живописи, Полян подводил его к картине, висевшей на стене, и указывал на что-нибудь, относившееся к его словам, при этом он задавал вопрос, как будто требовавший ответа, и тут же, неожиданно отвернувшись, отходил от ошарашенного собеседника. При своей большой эрудиции, Полян знал русскую литературу и мог говорить о ней.

Условившись по телефону, я стала готовиться к свиданию с Поляном. Я прочла его книгу *Цветы Тарба*. Помнила напутствие А.М.: говорить о деле, кратко и сжато, стараясь все время удерживать внимание Поляна, и, главное, быстро отойти от него — прежде, чем его интерес ослабеет и он отвернется. Я очень волновалась, когда в первый раз шла "на Олимп" — свидание было назначено в редакции журнала *Нувель Ревю Франсез*, в знаменитом особняке Галлимара, в его первоначальном скромном виде. "Вы подумайте, сколько людей, и какие писатели тут сидели...", — рассказывал А.М., знакомый с обстановкой. Я поднялась по лестнице на полтора этажа старого особняка с высочайшими потолками и натертым неровным паркетом. И вот я попала в святилище. В кабинете редакции бросались в глаза два очень высоких окна, к которым прямо подступали деревья сада, шел дождь, и капли стекали с листьев. За одним из письменных столов сидел Марсель Арлян, которого я знала, за другим выделялась крупная фигура Поляна. В комнате раздавался шум голосов и толпилось много народу, разговаривали стоя.

Подождав, когда Полян кончит разговор с очередным посетителем, я подошла и назвала себя. К моему счастью, Полян не указал мне на стул против своего места, а встал и подошел к небольшому дивану у двери, заваленному пальто и плащами — был дождливый парижский зимний день. Полян отодвинул одежду, предложил мне место и сел рядом со мной. Я передала поручение, а затем стала говорить о Ремизове, о его любви к языку и умении обращаться со словом. Привычные слова, стертые и потускневшие, в прозе Ремизова звучат по-новому. Я говорила о богатстве тем, о проникновении вглубь мысли Ремизова, о его анализе, не знающем запрета, идущем

до конца, наперекор установленным истинам и канонам. Я говорила о А.М. как об очень большом и оригинальном писателе и человеке. Отыскивая новые формы, разрабатывая свои сюжеты – все равно, византийские легенды или рассказы из будничной жизни эмигрантов, – А.М. своим образным языком высказывал собственные мысли о жизни и человеке, почерпнутые из опыта его жизни и из того, что написано людьми за века. Полян слушал меня, ему было известно о словесном даре Ремизова и о его способности видеть вещи своими глазами. Я почувствовала, что разговор завязался, и мне стало легко говорить о мире, созданном Ремизовым, где простые вещи и повседневное существование одухотворены и живут собственной жизнью. Я рассказала о том, как А.М. живет, пишет и рисует. Я заговорила о творчестве самого Поляна, на основании того, что прочла, и сказанного мне А.М. Тут я вспомнила предостережение и быстро встала, прежде чем тема разговора была исчерпана. Мы обменялись несколькими словами о рисунках, и я стала прощаться. Это было вроде игры, и я поняла, что выиграла. Полян обещал заняться рукописью *Подстриженными глазами* и лично посетить Ремизова.

Он сдержал слово и вскоре пришел на рю Буало вместе с Доминик Ори¹¹, секретаршей редакции. В "кукушкиной" они долго рассматривали украшенные разноцветными конструкциями стены, альбомы рисунков к Гоголю и *Тристану*, книги, изданные в "Оплешнике", познакомились с Фейерменхеном и Эспри. Перед приходом гостей я, как могла, убрала и почистила комнаты. Мы пили чай в "кукушкиной". Полян обращался с Ремизовым с бережной нежностью. Прощаясь, он предложил нам поехать с ними на литературную "гарден-парти" к Барбаре Чёрч, в ее имение в Вилль д'Аврэ.

В книге *Мышкина дудочка*, в главе "Гиппопотамы" А.М. вспоминает свою поездку с Серафимой Павловной в Вилль д'Аврэ накануне войны. Тогда еще был жив хозяин, поэт Генри Чёрч. В тридцатых годах он создал и стоял во главе передового, роскошно издававшегося литературного журнала *Мезюр (Mesures)*, выходившего под редакцией Чёрча, Гротгейзена, Унгаретти, Анри Мишо и Жана Поляна¹². В нем появлялись тексты передовых писателей разных стран, в том числе и Ремизова.

В назначенный день Полян и Доминик Ори заехали за А.М. и за мною на рю Буало. Как перед всяким выходом из дому или поезд-

¹¹ Dominique Aury.

¹² H.Church, B.Groethuysen, Ungaretti, H.Michaux.

кой "куда-то", А.М. волновался; я старалась ободрить его и лучше приодеть. Одежда была старая, но все было прилично, галстук завязан. Обычно, в последний момент А.М. скреплялся духом, как для прыжка в воду, и бодрым легким шагом сходил с лестницы. Так было и на этот раз.

Мне запомнился этот яркий июньский день среди зеленых подстриженных лужаек, ярких цветов и огромных деревьев. А.М. почти никогда не выходил "на волю", но любил деревья, листья и цветы. Очутиться вдруг в этом роскошном саду было чудесно. Мне было приятно видеть, как французские писатели окружили А.М. — одни уже знали его, другие подходили знакомиться. Среди знакомых были Анри Мишо, Андрэ Бретон, Марсель Жуандо, Жюль Сюпервиель¹³. Некоторые задавали вопросы, поэтесса Эдит Буассонас заговорила о правде в легендах — мысль, высказанная Ремизовым о том, что в легендах иногда мы находим больше человеческой правды, нежели в исторических изысканиях. Я убедилась в том, что то небольшое, что эти французы прочли из произведений Ремизова, запомнилось и наводило на мысли и вопросы.

Сначала был коктейль. В светлом холле небольшого дома, построенного ле Корбюзье, стояли столы с закуской, пирожными и конфетами. Домашние служащие разливали напитки. Гости разговаривали стоя. А.М. посадили на стул с высокой спинкой; своей непривычной наружностью, фигурой и лицом он напоминал азиатского божка, улыбающегося и мудрого. Гости наклонялись, разговаривая с ним; хозяйка обращалась к нему с особенным ласковым радушием. После коктейля все пошли гулять в парк, осматривали оранжереи с редкими растениями. К вечеру на тех же столах был сервирован холодный ужин. В те годы во Франции еще чувствовались последствия войны, был недостаток во всем, и гости были рады обильному и тонкому угощению. На десерт была подана клубника из собственного сада, мороженое и шампанское.

А.М. улыбался, его радовало общее внимание, и Барбара Чёрч и служащие ее дома были особенно заботливы по отношению к удивительному русскому писателю. Нам подарили большой букет роз. Вечер кончился в парке, мы любовались на фейерверки. Гости стали разъезжаться. Полян попросил нас остаться немножко дольше, и мы уехали после других. Было уже совсем поздно, когда нас отвезли на рю Буало. Я быстро помогла А.М. лечь спать и вернулась домой.

¹³ A. Breton, M. Jouhandeau, J. Supervielle, E. Boissonas.

На следующий день я поехала к А.М. убедиться, что он здоров, не простудился и не слишком устал. Он был оживленный и весело рассказывал о подробностях поездки, ужине, фейерверках, о встрече с писателями.

Вскоре у Галлимара нашлась рукопись *Подстриженными глазами*. На этот раз ее взял в свои руки Марсель Арлян. Марсель Арлян любил произведения Ремизова и его самого. Когда-то Лев Шестов познакомил их. Марсель Арлян был прекрасный стилист, его рассказы из реальной жизни отличаются большой углубленностью и тонкостью описаний, кроме того, он выдающийся литературный и художественный критик. Им написано замечательное предисловие к переписке Ван-Гога. В 1947 году в газете *Комба*¹⁴ появилась его статья "Птица Ремиз", посвященная Ремизову. Позже им написано предисловие к французскому переводу *Подстриженными глазами* (изд. Галлимар, 1957) и некролог в журнале *Н.Р.Ф.* В его книге *Je vous écris...* (изд. Grasset) есть "письмо", посвященное Ремизову. Так же, как Поляна, его не удовлетворил перевод книги Ремизова, и он предложил мне его пересмотреть и поправить.

В то время я начала переводить на французский язык произведения Ремизова, и они стали появляться в печати. Помню, как я принесла в *Нувелль Литтерэр* – литературная еженедельная газета – перевод "Писем Горького". Я была совсем не уверена в себе. После очень долгого ожидания в приемной (в своем жизнеописании Ганди говорит, что не знает более долгих ожиданий, чем в редакциях журналов и газет) я прошла к редактору, он усадил меня, тут же прочел перевод и, одоблив, принял. Второй перевод был из "видений" Ремизова о Гоголе (*Огонь вещей*). Ремизов видит себя в церкви в тот час, когда обезумевший от страха философ Хома Брут читает над панночкой. Успех перевода этого – совсем исключительного по силе и поэзии – отрывка ободрил меня. Он был напечатан в журнале *Ля Паризиенн*. В ответ на предложение М.Арляна пересмотреть существующий перевод *Подстриженными глазами* я сказала, что предлагаю перевести книгу заново, так как, по-моему, поправить перевод невозможно. Я уезжала на остров Олерон, и там, под шум океана, перевела первую, вступительную главу "Узлы и закруты". Сознывая ответственность, я с беспокойством отсылала перевод, но он понравился Арляну, который сдал его сразу в печать. Когда я вернулась в Париж, "Узлы и закруты" уже появились в августовской книжке *Н.Р.Ф.* и о них говорили. В те годы – я говорю о пятидесятых годах – литера-

¹⁴ *Combat*.

турная жизнь во Франции была очень интенсивна и серьезна. В нее еще не ворвался неудержимый поток романов, оригинальных и переводных, более или менее талантливых, с их шумным и недолговечным успехом. Критических литературных передач по телевидению, заменяющих самостоятельное чтение и раздумье, еще не существовало. Люди успевали серьезно читать и думать над прочитанным. После появления "Узлов и закрут" в литературной Франции заговорили о Ремизове, и интерес к нему проснулся. Если Ремизова знали прежде, то как автора сказок и легенд, знатока русского фольклора, теперь же открылась другая, более глубокая сторона его творчества. Когда я по приезде пришла на рю Буало, я застала А.М. в приподнятом настроении, обрадованного успехом. Со всех сторон ему говорили, что его текст, появившийся в *Н.Р.Ф.*, произвел большое впечатление на всех, кто читает и следит за литературой во Франции. К А.М. заходили писатели (Марсель Брион) и поэты (Франсис Понж), захваченные его произведением. В редакцию *Н.Р.Ф.* стали приходиться письма от читателей – явление во Франции непривычное. Пришло письмо из Греции от писательницы Лилики Накос¹⁵: голос русского писателя глубоко тронул и взволновал ее, как давно ничто в области литературы не волновало.

Я начала работу над переводом *Подстриженными глазами* и по мере окончания глав относил их в редакцию *Н.Р.Ф.* Марселю Арляну. Он прочитывал их и наиболее подходящие помещал в книжках журнала. Кроме этой главной работы, я все время переводила небольшие отрывки произведений Ремизова для различных журналов и литературных газет. Их охотно принимали и печатали.

Я сама выбирала тексты, стараясь выявить наиболее близкую мне и менее известную сторону творчества Ремизова: вечные вопросы и темы человечества. Я забыла о неперевоидности Ремизова, поняв, что вовсе не следует пытаться найти эквивалент сложным словесным выражениям и мудреным ремизовским словам. Вдумавшись в мысль, я старалась передать ее как можно точнее и проще и как можно ярче самой увидеть созданный автором образ. Я – русская, и ритм моей фразы русский. Ритм русского подлинника невольно звучал в моей передаче, и слова сами приходили на ум. До тех пор главное усилие переводчиков Ремизова было направлено на "французский лад" переведенного текста и на перевод необычных слов чисто французскими выражениями, иногда даже почерпнутыми из "арго",

¹⁵ M. Brion, F. Ponge, L. Nakos.

чего, конечно, в переводе не следует делать. Если нет эквивалента для трудного и редкого слова, лучше его заменить самым простым, близким по смыслу словом, иногда двумя словами. Точный пересказ мысли автора часто передает и строй фразы и даже ритм ее. На приеме у Барбары Чёрч в Вилль д'Аврэ ко мне подошел поэт Анри Мишо: "Скажите, над вашими переводами вы работаете одна или в сотрудничестве с кем-либо из французов? Впрочем, не знаю, зачем я это спрашиваю, конечно, вы работаете одна, ведь ритм вашей фразы так близко следует за мыслью..." — и Мишо начертил рукой узор в воздухе. Речь шла об отрывке Ремизова, посвященном Шаляпину, о специфически русском музыкальном выражении: знаменный распев, песнь ямщиков, цыганское пенье и хоровое, "Эх, не одна во поле дороженька...", пенье Шаляпина. "В его голосе мне было больше моего, он пел о всем человеке... Слова колдуют, как песня. Но чтобы околдовать душу — чтобы бросить пламя слова, надо голос со всей напоенностью и переливом звуков: музыка! — музыка, это поддонное дыхание, тоньше слова и нежнее мысли. Никогда еще не было и не запомнят, и только в сказках очарований, такое яркое воплощение: слово и музыка, магия слов — я назову это единственное имя: ШАЛЯПИН". (Неизданная книга *Петербургский буерак*.)

* * *

В те годы я много думала об искусстве перевода и прислушивалась к высказываниям разных авторов по этому вопросу. Поль Валери в предисловии к переводу *Виргилия* пишет, что слишком точный перевод иногда является худшей изменой автору. Дальше он говорит о том, что чем неразрывнее поэт связан со своей поэтической стихией, тем менее он поддается переводу. Последнюю мысль можно отнести к Пушкину. Пушкина не только невозможно перевести, но даже дать о нем понятие на иностранном языке.

В статье, посвященной переводу Шекспира, Борис Пастернак советует переводить просто и, главное, языком, свойственным самому переводчику, не задаваясь целью искать какой-нибудь другой "язык". Еще до выхода *Доктора Живаго*, два французских журналиста (русские по происхождению) посетили Пастернака. Они были в восторге от поэта; прощаясь, они спросили его о том, что бы доставило ему удовольствие. По его просьбе — Пастернаку хотелось соприкосновения с западным миром — его гости выслали ему *В поисках утраченного времени* Пруста и подписали его на журнал *Н.Р.Ф.* Таким обра-

зом Пастернак прочел главы из *Подстриженными глазами* в моем переводе. Вот, что он написал мне о моем переводе и о переводе вообще:

10.VI.1958.

Только что получил Вашего Ремизова от Галлимара и предвкушаю удовольствие погрузиться в чтение Вашей чудесной французской прозы, дорогая Наталья Викторовна! Но конечно, это Ремизов в том сопряженном с жертвами увековечивающего отбора, который может представлять хороший талантливый перевод, когда жизнь и действительность, с которыми перекликалась, перемигивалась и пересмеивалась душа оригинала, перестала существовать, забыта и половина игры, которою переливался и блистал подлинник, утрачена и отказывается служить, но должна выступить другая сторона произведения, более глубокая и основная, открывающая собою испытание его долговечности. Я заглянул в книгу едва вскрыл бандероль. Некоторые главы я читал раньше в *Н.Р.Ф.*, я поперелистывал сборник, пробежал глазами предисловие. Прекрасная внешность, теплые тона печати, каждая страница отмечена свидетельством Вашего совершенства, все живет и дышит. Передайте Галлимару мою благодарность и скажите там, что когда выйдет мой доктор – пусть направят таким же образом через Союз Советских Писателей, надеюсь до тех пор меня еще не успеют исключить из него, но мне передадут и в случае исключения. Я вам ответил однажды длинным письмом, которое наверно погублено было приложенной автобиографией, и, не доплыв до вас, пошло ко дну под тяжестью лишнего груза. Я часто много и мучительно болезненно, но без опасности для жизни, хворал последнее время, половину которого провел в больницах. Сейчас мне все благоприятствует, я дома, множество народу от Вас и из Западной Германии со мною в переписке. Доктор на сто голов выше меня и моего времени. Я не понимаю как это меня угораздило. Но этого больше не будет. Такие вещи не повторяются.¹⁶

Несколько лет спустя я работала над переводом рассказов Зо́щенко для сборника *Юмор всего мира*, под редакцией известного юмориста Пьера Данинос. Он показал мне, изданный Галлимаром, сборник рассказов Зо́щенко. Переводчик, хорошо знавший парижское арго, широко ввел его в перевод. Данинос резко отверг этот перевод; редкий знаток нескольких языков, он рекомендовал придерживаться простых слов и простого языка для перевода самых тонких и еле уловимых оттенков оригинала. Я думаю, что вообще никаких правил для перевода не существует, как не существует критерия для его оценки. Каждое литературное произведение представляет собою самостоятельную задачу; многое зависит от личности перевод-

¹⁶ Борис Леонидович выразил желание, чтобы я приняла участие в переводе его *Доктора Живаго* на французский язык.

чика и оттого, насколько ему близок автор. Подход к переводу может быть очень различный, и трудно решить, например, по отношению к Шекспиру — лучше ли его выражают старые классические переводы, или вольный поэтический пересказ. В XIX-ом и в начале XX-го века во Франции среди писателей считалось, что занятие переводом почти обязательно для пишущих; очень большие писатели отдавали время этому искусству.

Очевидно, по отношению к прозе Ремизова, мой подход к переводу оправдал себя. Поэт и критик Филипп Жакоттэ написал, что прочитанные им тексты в моем переводе помогли ему открыть ремизовский мир. В *Газетт дэ Лозанн*¹⁷ (октябрь 1955 г.) появилась большая статья Жакоттэ "Страж отверженных" ("Le Veilleur des Misérables"), посвященная Ремизову. В ней имеется фраза о том, что можно построить целую метафизику на маленьком рассказе Ремизова из повседневной жизни. Рассказы, о которых отзывается Жакоттэ, принадлежат к "реальному миру", идут по линии Достоевского, как например, "Бурков дом" (*Крестовые сестры*).

Меня очень радовали критические статьи, посвященные Ремизову, и его успех. На коктейле Галлимара Альбер Камю сказал мне, что его глубоко заинтересовали отрывки, напечатанные в журнале *Н.Р.Ф.* (из *Подстриженными глазами*). Качество перевода ему тоже понравилось, и он лично помог мне устроить перевод Розанова у того же Галлимара. С этим переводом Розанова у меня связано самое радостное событие в моей жизни переводчика: неожиданный одобрителный отклик — письмо от Стравинского.

А.М. было дорого признание во Франции — стране, где он жил и работал, культуру которой он любил — и тем самым принятие в европейскую литературу: журнал *Н.Р.Ф.* читался во всем мире.

Со своей стороны, зарубежная русская критика в это время несколько изменила свое отношение к Ремизову. Возможно, что его поздние произведения лучше доходили до читателей, может быть также, что появление имени Ремизова во французской литературной прессе сыграло свою роль, но в последний период жизни А.М. его вновь написанные или даже прежние произведения стали регулярно печататься на почетном месте в русских зарубежных журналах и газетах — в *Русской Мысли*, *Возрождении*, *Новом Русском Слове*, *Новом Журнале*, *Опытах*, *Гранях*, *Деле* (Сан-Франциско). Критики посвящали Ремизову обстоятельные статьи.

¹⁷ Ph. Jacottet, *Gazette de Lausanne*.

В последний год жизни А.М., в 1956 году, ученые Пушкинского Дома в Ленинграде вспомнили о нем и прислали ему почетное приглашение на чествование памяти "протопопа всея Руси". Для А.М. это было большим и радостным переживанием. С гордостью он показывал пригласительный билет. Последовала переписка с сотрудниками Пушкинского Дома (В.Мальшев) и с учеными (Н.Гудзий), продолжавшаяся до самой смерти. Ремизову стали посылать выходившие книги по древней русской литературе. Он понимал, что это позднее признание — чисто символическое, но он ценил его и радовался ему.

* * *

Последняя книга, готовая к печати в "Оплешнике", *Лавым пером* — собрание легенд, сказок, сказаний Суфй (Soufi), — так и не была напечатана. После болезни зимой 1954 года А.М. все же не поправился окончательно. У него остались сильные припадки кашля с долгими задыханиями, которые очень мучили его. Последние полгода жизни он очень ослабел и почти не вставал с кресел, в постель он совсем не ложился. В кухню он больше не ходил, и ему приносили чай и еду в "кукушкину". Однажды он дремал в кресле и сказал в полудремоте: "В жизни обычно все скоро проходит, все кончается, а вот вы, Наташа, сохранили... Спасибо, Наташа, спасибо, что сохранили любовь. Так не бывает... Любят, а потом... а вы до конца... Мы с Серафимой Павловной говорили...". Часы проходили в работе: мы или сверяли рукописи, или я читала вслух. Подолгу беседовали.

Я помню разговор о религии. В комнате было несколько человек. Речь шла о русском мальчике, который убится, сорвавшись с крыши, где он работал на постройке. — "Там ему лучше", — утешительно сказала какая-то дама. — "А откуда вы знаете? Кто вам это сказал?" — проговорил А.М. В детстве А.М. получил религиозное воспитание, он об этом подробно пишет в *Подстриженными глазами*. Очень близко от Найденовского дома на высоком берегу Яузы стоит Андрониев монастырь, где хранилась память о Рублеве. (Теперь там Рублевский музей.) Мальчиком А.М. был частым гостем в монастыре, подружился с монахами, посещал почти все службы. В детстве у него был удивительный голос. Он не только пел в хоре, но и исполнял отдельные песнопения соло (с возрастом этот голос пропал). Он отлично знал все православные церковные службы. При жизни С.П. Ремизовы строго соблюдали обряды православной церкви. После

смерти С.П. А.М. так же исполнял все обряды во всем, что касалось ее памяти. В том же, что касалось его лично, нельзя сказать, что он был совсем равнодушен к религии, но жизнь, связанная с церковью, проходила мимо него. А.М. всегда поощрял меня в том, чтобы я придерживалась церковных обрядов и очень был рад, что я посещаю могилу С.П. Я вспоминаю, как он меня поддерживал в том, чтобы я непременно служила панихиду по одной моей знакомой, с которой у меня когда-то испортились отношения.

Рассказывая историю трагической гибели адвоката вдовы писателя Диксона, возбудившей дело против Ремизовых (см. главы "Наташа Ремизова" и "Ремизовы в Париже"), А.М. говорил убежденно: "Это вышло не случайно. Воля Диксона с того света подтолкнула враждебного адвоката, чтобы нас защитить".

А.М. верил в загробную жизнь, в потусторонний мир. Но, говорил он, только в очень редких случаях он соприкасается с нашим миром. На мой вопрос, верит ли он в Бога, А.М. ответил, что верит. Только Бог далек от нашей земной жизни и почти не принимает в ней участия. Какое-то огненное кольцо отделяет нашу землю от остального мира, где пребывает Бог. Очень редко проявляется участие Бога: для нас оно является иногда в некоторых особенных снах.

В смысле морали, взгляды А.М. вполне соответствовали христианским или кодексу правил русской интеллигенции.

* * *

Когда в 1922 г. в Берлине мы познакомились с Ремизовыми, они нас сразу полюбили. Они уже прежде знали маму и нашу младшую сестру Ариадну, которая была еще почти ребенком.

Ремизовым были близки и дороги наши имена – Наташа и Оля. Наташа – имя их дочери, а Оля – героиня его книги, написанной по воспоминаниям С.П. Ремизовым также нравилось наше сходство (мы – сестры-близнецы) и в то же время разница характеров и темпераментов. Когда-то в самом начале нашей дружбы ими был произведен раздел: Оля стала Серафимы-Павловниной, а я досталась А.М.

Когда они и мы переселились в Париж в 1923 г., С.П. приходила к нам. Она часто бывала грустной и говорила о своем раннем конце. – "А.М. останется совершенно один..." – "Нет, – возражали мы все хором, – он будет жить у нас!" – "Будет жить за занавеской. Наташа будет за ним ухаживать", – заключала С.П. Так в полушутливой форме я обещала тогда беречь А.М., "когда он останется один". – "Спасибо, серый волк", – говорила С.П., как и всякий раз, когда она благодарила меня.

С.П. называла нас, трех сестер, – “мои девочки”. Отношение А.М. было разное к Оле и ко мне. К Оле он проявлял бережное внимание, которое было ему свойственно. Он особенно чувствовал хрупкость и нежность ее существа.

В конце войны, уже около двух лет после смерти С.П., Оля первая из нашей семьи приехала в Париж с Олерона и пришла к А.М. Она никогда не могла забыть это свидание и часто рассказывала про любовь и ласку, с которой он встретил ее и ее мальчика Сашу. После этого у него установилась привычка придумывать для нее ласковые прозвания. В тот 1946 год была мода подкладывать толстый слой ваты под плечи пальто и костюмов, плечи делались высокими и широкими. У Оли было подобное пальто, и в тот год Олино прозвание было “верблюжонок”. Потом почему-то она стала “галчонком”, “птичиком”, “Оля – моя игрушка”, “фарфоровая куколка”, “пифик” (обезьянка), “черепашка”.

У меня в Обезьяньей Палате прозвища не было, я так и оставалась “Наташа”.

Мамина кличка была “Лисевна” – Ольга Елисеевна. Наша младшая сестра Ариадна называлась “Аука” – из сказок А.М. Он любил повторять: “Аука – он добрый, только любит попугать”. Мой старший сын Андрей, когда был мальчиком, назывался “Федор Степанович”, по имени нашего друга и соседа, художника Ф.Рожанковского. А.М. растопыривал пальцы, подражая Андрюше, когда тот рассказывал о Федоре Степановиче. Мой младший сын назывался “Егор Данилыч”, к этому прибавлялось “музыкант”.

Почти у всех знакомых А.М. (многие были членами Обезьяньей Палаты) были прозвища: Утенок, Мэнада, Нерпа, дядя Комаров, Копытчик, Нонн (бывшая Стрекоза обезьянья), Листин, Каракатица, Верховая, Эмир обезьяний, Муфтий (И.А.Бунин), Игемон-Деспот, Протопоп обезьяний (профессор Паскаль¹⁸), Куафер обезьяний, Странник и т. д.

¹⁸ Prof. P.Pascal (Парижский университет).

ОБРАЗ РЕМИЗОВА, ИМ САМИМ СОЗДАВАЕМЫЙ

Успех Ремизова во Франции, также как и более широкое признание со стороны русских за рубежом, вместе с интересом, проявленным к нему советскими учеными — исследователями древнерусской литературы в последние годы его жизни — радовали и ободряли его. Но это признание шло вразрез с тем образом, который Ремизов создавал в течение всего своего писательского пути: образ непризнанного, отталкиваемого, гонимого жизнью и людьми человека. Такое ощущение себя в жизни шло с самого раннего детства. Он рано почувствовал, что был нежеланный, пятый ребенок в семье. Мать его была ему не рада и не скрывала этого. — ”Я и на свет появился — хочется сказать ‘по недоразумению’, нет, другое слово: рождение мое не по желанию. В одну из горчайших минут своей отчаянной жизни, моя мать мне рассказала: я пятый — и при рождении моем не причинил ей ни малейшей боли и даже не крикнул — каким значит, молчком, нахрапом вошел я в мир! — но когда она все поняла и все представила себе, что будет дальше, из ее сердца вырвалось проклятие, и темная горькая тень покрыла мою душу...” — пишет Ремизов в конце жизни (“Начало слов”, неизданная книга *Иверень*).

Надо думать, что в 70-х—80-х годах прошлого столетия отношение и взгляд на детей были совсем иные, чем в наше время. Трудно себе представить, что в наши дни такой редкость талантливый ребенок, с забавной мордочкой, прошел бы незамеченный и не вызвал бы улыбки. Вера Алексеевна Зайцева — урожденная Орешникова — была чуть старше А.М. Они помнили друг друга с детства. Как и А.М., она выросла в культурной купеческой семье: отец ее был видным деятелем Исторического Музея в Москве. Орешниковы жили по соседству с Найденовыми, в их семье были только девочки. Братьев Ремизовых они отлично знали по виду. Но, встречаясь, они только гордо оглядывали друг друга и проходили мимо, тем их отношения и ограничивались.

После смерти А.М., я посетила Веру Алексеевну, она была больна, парализована и почти не могла двигаться и говорить, но ум ее был ясный, как и память, и все ее прекрасные душевные качества выявились во время долгой и тяжелой болезни. Я спросила ее, помнит ли она Ремизова ребенком. Вера Алексеевна взглянула на меня, и вдруг лицо ее озарилось улыбкой. Жестом руки она показала, какой он был маленький, а мимикой выразила — милостивый и смешной.

Маленький Алексей Ремизов был необычайно одарен: редкая память, воображение, способность к наукам (математика и естествознание), богатая фантазия, страсть к чтению и рисованию, исключительный музыкальный слух и редкий голос, участливое отношение к боли и страданиям людей и животных. Но детство его проходило в довольно мрачной обстановке, при полном безразличии окружающих; мать во всем в жизни разочаровалась и бросила отца. Она находила утешение в алкоголе и в чтении, по целым дням запиралась в своей комнате с книгой: читала и пила. Детям часто приходилось слышать крики становившейся невменяемой женщины. Ее братья Найденовы, у которых она жила по собственному желанию, были культурные, но душевно сухие и даже не бескорыстные люди. Состояние сестры — ее приданое, которое после ее ухода вернул ей муж, Михаил Алексеевич Ремизов, и, после его смерти, часть наследства, принадлежавшего детям, — было прибрано к рукам Найденовыми. Все необходимое для жизни Марьи Александровны, ее детей и прислуги бралось "на книжку". В годы студенчества А.М. не имел даже минимальных карманных денег. Двадцати лет, попав в тюрьму и ссылку, сверх казенного содержания, он не получал никакой помощи от своей семьи. Ему было очень трудно. Дядья Алексея, братья Найденовы, по-видимому, только отталкивали талантливого ребенка, находившего выход своему темпераменту в шалостях и каверзных проделках. И это было единственное, в чем его поддерживала мать. (Разным лицам, часто незнакомым, посылались без марки большие конверты, туго набитые нарезанной газетной бумагой.)

Читая письма А.М. к невесте, а потом к жене, наталкиваешься на выражение чувства своей "гонимости", непонятости, и это несмотря на то, что литературное признание представителями элиты передовой литературы пришло к нему рано. В 1902 г., в ссылке, Ремизов переписывается с Валерием Брюсовым, который считается с ним, как со зрелым писателем. Ремизову было тогда 25 лет.

Когда А.М. женится на любимой девушке, Серафиме Павловне Довгелло, то не встречает сочувствия и поддержки со стороны своей семьи. Семья С.П. не скрывает своей неприязни к начинающему писателю, и С.П. гордо отказывается от причитающейся ей части наследства. После ссылки Ремизовым трудно начинать жизнь. Заработок — гонорары и переводы — очень мал. У них ожидается ребенок. Эта крайняя бедность еще усиливает чувство отверженности. Ремизов вводит его, как тему, в свое литературное творчество, стилизует его, утверждая себя в образе гонимого судьбой и непонятого людьми писателя, и создает "легенду", которую будет культивиро-

вать всю свою жизнь. В произведениях Ремизова, также как и в его письмах, постоянно наталкиваешься на выражение этого чувства, к которому прибавляется сознание "вины" перед женою.

В своих ранних писаниях (*Пруд, Часы*) Ремизов доходит до самого темного дна жизни. Именно в этой непроходимой черноте он старается найти выход из отчаяния жизни и жестокой человеческой судьбы на земле. У него сознательная и смелая идея, он пишет о ней в 1902 году С.П.Довгелло в письме, где он излагает свои мысли о *Пруде*: он будет говорить о зле своим голосом и, может быть, что-то повернет в мире. Аналогичные мысли высказывались французскими сюрреалистами. Дно жизни в произведениях Ремизова того периода не "дно" Горького и других писателей реалистической школы. Ремизов стремится дойти до метафизической глубины жизни и человеческой души, он хочет услышать "поддонное" человеческого существования на земле и найти выход. Он верит в могущество слова. "Злые слезы", предпоследняя глава *Подстриженными глазами*, кончается так:

...после моления о России и о всех православных... и о всякой душе скорбящей и озлобленной, помощи требующей, мое сердце как осветило: и в другом, понятном мне свете, я увидел весь 'ад', весь мрак нашей жизни, всю черноту отравляющую и самую весеннюю мою звонкую радость. Передо мной заблестели не материнские глаза с чудотворного образа, а 'злые слезы' надорвавшегося и все-таки непокорного виновного сердца, а еще и это – нестерпимо человеку смотреть – глаза со следами выжженных слез.

И один открылся мне путь – Мой голос, как кремлевский ясак прозвучит через колокольную черноту не 'Господи помилуй', а своей волей и своим словом – за весь мир – 'за всех помощи требующих'.

Послушайте, вот откуда – за что меня будут гнать по тюрьмам, и неприкаянным проживу я жизнь среди людей.

Материально Ремизову всегда жилось очень трудно. В беседе со мною, в 1971 году Б.К.Зайцев вспомнил о своем первом знакомстве с Ремизовым в 1905 году, когда он приехал в Петербург к Чулкову – Чулков жил при редакции журнала *Вопросы Жизни*. А.М. работал в редакции и жил в той же квартире со своей женой и маленькой дочерью. Зайцев говорил об их бедности. По словам Бориса Константиновича, Ремизов был тогда уже известен и занял почетное место как "изысканный стилист", но, конечно, в ограниченном кругу, – прибавил Зайцев. В те годы Ремизов печатался во всех журналах художественного авангарда. Блок, А.Белый, Сологуб, Розанов, Вяч. Иванов были его друзьями и часто восторженно принимали его про-

изведения. В переписке Блока имя Ремизова упоминается часто и с неизменной симпатией. Андрей Белый ему писал письма, полные чувства восторженной дружбы.

Война и революция принесли много беды, русская интеллигенция очень пострадала. Многие писатели эмигрировали. На чужбине условия жизни были вообще ненормальны и трудны для русских эмигрантов. Писатели, перенесенные на чужую почву, имели очень ограниченную возможность издавать свои произведения. Для такого особенного, передового, читаемого только элитой писателя, как Ремизов, положение оказалось исключительно тяжелым. А.М. остро это чувствовал, он много говорил и писал об этом, подчеркивая и тут свою "гонимость". От этого накапливалась горечь. Следует, однако, заметить, что хотя "средний читатель — русский шофер такси", с которым Ремизов не хотел считаться (но редакции журналов и газет должны были считаться), не всегда принимал произведения Ремизова, — зато лучшие умы Зарубежья, как Шестов, Бердяев, Святополк-Мирский, Цветаева, так же как поэты и писатели младшего поколения, высоко оценивали его творчество. В личном порядке, А.М. и С.П. и их обстановка привлекали людей: вокруг них всегда были друзья, желающие помочь, что-то сделать, для них. И делали, может быть, не в меру своего желания, но все же давая возможность существовать не слишком плохо. Конечно, было очень нелегко. Каждые три месяца возникал вопрос "терма"¹ и всякий раз требовалось настоящее чудо, чтобы найти эти деньги. Бедность, а главное, неуверенность в завтрашнем дне всю жизнь точили и преследовали Ремизовых. Но они были не единственные, можно сказать, что бедность была общим достоянием эмиграции.

Огромному большинству русских за границей было трудно существовать. Среди молодых только немногим удалось получить образование и специальность. Остальные пробивались кто чем мог: работой на заводе, за рулем такси, в швейных мастерских, в типографиях, кустарными ремеслами. В 20-х—30-х годах условия работы были несравненно тяжелее, чем теперь, рабочий день был длиннее, а заработная плата ниже. После войны положение русских во Франции изменилось к лучшему: русский язык стал специальностью, и материально, в последующие годы, для большинства культурной эмиграции положение стало сносным. Не то было в 20-х—30-х годах. А.М., глубоко жалея отдельных людей — многие из его знакомых бедство-

¹ Плата за квартиру.

вали, – упуская из виду общую картину жизни эмиграции и выделяя себя, рисуя черную картину своей жизни.

Сейчас, когда уже так мало осталось свидетелей жизни Ремизовых в те далекие годы, ко мне приходят литературоведы и мне часто приходится опровергать установившееся – на основании писаний Ремизова – мнение о жизни сначала Ремизовых, потом одного А.М., мнение, что их жизнь в Париже проходила исключительно под знаком нужды. Это не совсем верно: было много трудного, но было также много радостного. Начиная с того, что А.М. шел по избранному им пути и в творчестве своем был всегда верен себе. Вся его жизнь была проникнута искусством и артистическим творчеством.

А.М. очаровывал людей, попадавших у него в обстановку искусства, веселых шуток и необычного оживления. Заботы повседневности забывались среди интересных разговоров, для которых всегда были темы. Относительно себя самого, А.М. всегда был строго аскетичен. Он любил, когда о нем писали, когда понимали и хвалили его искусство, но сам он никогда на себя не любовался, не позволял себе, кроме как для работы, перечитывать свое. Мне запомнился только один случай. В 1954 году больной А.М. захотел внести историческую поправку в *Подстриженными глазами* о церкви Василия Блаженного. "Поджигатель" – одна из самых сильных глав книги: о пожаре типографии Ивана Федорова. А.М. лежал в постели и указывал мне, что я должна делать. Окончив поправку, я пробежала глазами страницы и сказала: "Можно мне прочесть вам дальше?" Сначала А.М. сказал мне "нет". А потом, движимый любопытством, согласился. Я прочла про кружащую метель, про опаленные руки, холодная вода ожгла их, как огнем. Я взглянула на А.М. и увидела в его глазах торжество и гордость и улыбку. Красота этой прозы, услышанная врасплох, как бы со стороны, вызвала восхищение самого, такого требовательного автора.

Также и С.П. занималась своим любимым предметом – палеографией – и преподавала в Школе восточных языков. Квартира, в которой они жили, была хорошая, светлая, теплая зимой. Не говоря о предметах первой необходимости, у А.М. всегда были книги, которые ему хотелось иметь. Летом Л.И.Шестов доставал средства для поездки С.П. на курорт, в Виши, для необходимого ей лечения. Иногда, каким-то чудом, удавалось летом уехать на месяц в Бретань, в знакомую французскую семью, где их брали на пансион.

В 1960 г. вышла книга Н.В.Кодрянской, посвященная Ремизову. А.М. сам подготовлял и давал материал для нее. В ней дан именно тот образ, который А.М. так хотелось оставить о себе в памяти своих

современников и последующих поколений: непонятый, гонимый людьми и жизнью... много горечи. В детстве нелюбимый, в юности, едва начав занятия в университете – арест и тюрьма; при аресте был принят товарищами за провокатора. После тюрьмы – ссылка. Ссылные сторонятся, кто-то его в чем-то обвиняет. Любопытно, что об этом же периоде (Пенза, 1890-е годы) сохранились воспоминания В.Мейерхольда, который, говоря о своей работе с А.М. в подпольных и одновременно в театральных кружках, не скупится на восторженные выражения, отзываясь о Ремизове как о человеке и художнике.

В книге Н.Кодрянской приведен рассказ о деле "о плагиате". Оно возникло в 1908 г. в Петербурге, где после ссылки жили Ремизовы. А.М., пользуясь сказками Афанасьева как материалом, написал две сказки: "Небо пало" и "Берестяной клуб". С чутьем художника А.М. почти не расцветивал этих сказок и мало изменил текст Афанасьева (Марина Цветаева тоже пользовалась сказками Афанасьева как источником для поэмы "Молодец"). Газета *Биржевые Ведомости* ("Биржевка") обвинила Ремизова в плагиате. А.М. пишет подробно об этом деле в неизданной книге *Петербургский буерак*. Друзья из писателей волновались, А.М. вспоминает о некоторых заступничествах, например, со стороны Московской биржи. В 1968 г. А.Е.Парнис, литературовед, посвятивший себя изучению Хлебникова, показал мне, в изданной переписке Хлебникова, его письмо А.М. Ремизову. Хлебников, возмущенный низостью нападок на Ремизова, предлагает ему... драться за него на дуэли. От А.М. я никогда не слышала об этом. Ради утверждения созданного им самим "образа" А.М. мог умалчивать о самоотверженных поступках по отношению к нему. Его легко можно было обвинить в неблагодарности. И во время революции в России, и во время войны в сороковых годах во Франции люди часто отдавали Ремизовым последнее.

Когда Н.В.Кодрянская писала свою книгу о нем, А.М., давая ей материалы, выбирал все наиболее темное и тяжелое в своей жизни. Жалко, что при издании книги Н.В.Кодрянская не проверила правильность некоторых сведений; не надо забывать, что у А.М. была мания в этом отношении: в течение всей своей жизни он всегда подчеркивал свою нужду, неустроенность и заброшенность. В те дни, когда составлялась книга о нем, у старого писателя это стало болезненной манией. Мне больно читать некоторые письма в книге: приведенные факты безусловно неверны и обидны для друзей А.М. Приведу два случая. Есть письмо, написанное на Страстной неделе 1953 г., в котором А.М. говорит, что все его друзья, "занятые приготовлени-

ем куличей и пасок”, совсем забыли его и оставили совершенно одного. Мне эти дни особенно памяты, это был период, последовавший за болезнью А.М. Эту неделю я почти целиком проводила у него. Мы вспоминали С.П., как она любила церковные службы этих дней. Я спросила: “Что бы сказала С.П., одобрила бы она меня или осудила, что я все время у вас, а не в церкви?” А.М. взглянул на меня и твердо произнес: “Конечно, одобрила бы!” Очевидно, этот короткий разговор дал А.М. тему: на следующий день было написано письмо Н.В.Кодрянской о том, что он оставлен всеми: “Сижу один”.

Другой случай сознательного искажения истины связан с французской радиопередачей произведения Ремизова “Панна Мария” (*Шумы города*) в Нанте² в 1952 г. К общему огорчению и А.М. и его друзей, нам сообщили, что “Панна Мария” будет передаваться только на волнах, которые обыкновенным аппаратом принять нельзя. Это было обозначено в объявлении специального журнала. Несмотря на это, многие друзья А.М. в какой-то четверг тщетно крутили кнопки: шла драма Чехова *Иванов*. А.М. это отлично знал, но почему-то написал Н.В.Кодрянской: “‘Панна Мария’ прозвучала в Париже, но никто из русских не полюбпытствовал покрутить кнопку, чтобы ее услышать”.

Многие из писем А.М., приведенных в книге Кодрянской, явно написаны с целью создать самую мрачную картину своей жизни, например, утверждение, что ему в Париже некому прочесть свои произведения. Это не соответствует истине, в то время в Париже жили многочисленные друзья А.М. — писатели или близкие к искусству люди. Назову: С.Ю.Прегель, В.Л. и О.В.Андреевы, Виктор Емельянов, Иосиф Чапский, Резниковы, В.Мамченко, В.Б.Сосинский, П.Сувчинский, Сергей Маковский; писатели, приезжавшие из Нью-Йорка, и много других. Я живо помню, как мы, дружно окружив А.М., затаив дыхание, слушали его чтение. Я, наверное, лучше чем кто-либо, знаю, как трудно было жить А.М. перед концом. Он был болен, задыхался, его душил кашель. Зрение угасало; из-за слабости было трудно передвигаться. Я старалась как можно чаще приходить к нему, проводить с ним долгие вечера, делить часы одиночества, когда только голос кукушки нарушал тишину. Бывало, что несчастный Утенок возвращался домой поздно, и в передней раздавались выкрики пьяной женщины. А.М. говорил мне, что это напоминает ему начало его жизни и крики другой женщины — его матери, —

² Nantes.

это, очевидно, судьба. Он часто сидел одиноко в слабоосвещенной комнате, курил папиросу за папиросой, и пепел сыпался кругом и на него. Читать он уже не мог, и, конечно, несмотря на добрую волю и готовность друзей, приходивших регулярно или просто заходивших почитать ему, тцецов не хватало (Б.К.Зайцев приходил каждую среду). Я все это знаю, знаю, как трудно зависеть от доброй воли других людей, как бывает тяжел конец жизни вообще. В утешение могу сказать, что в жизни Ремизова, и до самой его смерти, было и другое, много другого. Были друзья, сохранившие свою привязанность и согревавшие А.М. своей дружбой и любовью, и он это знал, хотя часто писал противоположное и, казалось, не замечал. По выходе очередной книжки "Оплешника", А.М. рассылал экземпляры всем своим знакомым, даже тем, кому было легко приобрести книгу самостоятельно. В ответ на замечание кого-то из друзей по этому поводу, А.М. твердо и с большим темпераментом возразил: "Поймите, для меня это единственная возможность отблагодарить людей за все, что они для меня сделали и делают!"

Натура А.М. была не только богатая, но и очень сложная. У него часто возникали "двойные мысли", как он говорил о Розанове: он мог иметь совершенно противоположные мнения об одном и том же предмете. И двойные чувства, может быть. Чем была вызвана эта сознательная неточность в передаче некоторых фактов? Надеждой, что люди помогут ему? С тех пор, как умерла С.П., ему лично мало что было нужно. Немного еды и тепло в квартире. У него была ненасытная страсть к изданию своих книг. После смерти А.М. почти не осталось страницы, не напечатанной где-нибудь, в каком-либо журнале или газете, но это не шло в счет. Из вырезок составлялись книги; таких ненапечатанных книг осталось несколько – *Иверень, Петербургский буерак, Учитель музыки, Павым пером, – Полевые цветы, Россия в письменах* – и А.М. это беспокоило.

Может быть, жалуясь на свою бедность и описывая трагическими тонами свое существование, он подсознательно надеялся на чудо. Вот откроется дверь и войдет кто-то сильный, имеющий средства и желание, кто поможет ему не только заплатить за терм, счета за газ и электричество, но еще и издать книги. Чудо в жизни А.М. происходило, но постоянно, понемногу и с разных сторон, но не так, как ему мечталось. Жизнь А.М. была особенной и необыкновенной, – он сам о себе написал:

Я прожил богатую полную жизнь, окруженный пламенной любовью, – чего еще надо человеку? Я прожил полную завидную жизнь – ведь

одно то, что я и пишу и читаю и рисую только для своего удовольствия, и ничего из-под палки, и ничего обязательного! Но и трудную: вся моя жизнь как крутая лестница. Людям, привыкшим все 'во-время' и 'почеловечески', лучше не заглядывать в эти пропастные колодцы: для ихних глаз ад. И во всю мою писательскую жизнь с той же игрой судьбы, как и в моей житейской жизни у меня одна была цель и единственное намерение: исполнить словесные вещи как музыкант исполняет музыку на своем инструменте. И неизменно мое смутное чувство через всю жизнь точит меня, что я не на своем месте. И не поступить ли мне в огородники – и чтобы по весне первой зеленью насытить ненасытное, и надыхаться до одури теплым паром раскутанных парников. Или это тень проклятия? мне все давалось и вдруг все теряю: отняли.

А слово люблю, первозвук слова и сочетание звуков. Люблю московский напевный говор, люблю русские природные опущения слов (эллипс), когда фраза глядится, как медовые соты; люблю путаницу времен – движущуюся строчку, с неожиданным скачком и – сел; что и поклоняюсь разумному слову – редчайшее среди груды тусклых дурковатых слов безлепичи, но приму с радостью безумную выпуль и вздор, сказанные на свой глаз и голос.

Все ваши дары в моих глазах – солнце, месяц, звезды, радуга. И под вашим снятием волной вьются слова – эти звонкие и крепкие, эти 'бесмысленные' закорючки – хвосты на голове и голова на хвосте обгоняют свою тень, и все, что прет и выбивает из мысленной крути, из словесного водоворота и смерча звуков – звуковая сцепка – гуд и балагурье.

Хочу писать, как говорю, а говорить, как говорится. 'Познай самого себя!' На этом стоит вся исповедь: *Житие* протопопа Аввакума, *Страды* Кондратия Селиванова (хлыст XVIII века), *Показания* вора и разбойника и московского сыщика Ивана Осипова – Ваньки Каина. Вот и я, с моим русским ладом и закорючкой нашел таки себе определение – место в литературе.

Никогда не успокоенный, с заботой на спине, и сердце бьется птицей, в вихре музыки, прохожу по улице. Какими глазами я смотрю на встречные – плывут, колышались лица, эти скулы, уши, глаза, носы, губы, и все вместе, и все непосто, а напоено и в своем сиянии, и дети – гномы и эльфы снуют и вьются с топориками и молоточками.

В весенний месяц я чую необыкновенный аромат. Полуслепой выстаивая перейти улицу и часто под пинками, я с 'синей' папиросой вдыхаю не зимнюю прелую траву и горькую труху, а чистое поле, и чувствую как цветы зацветают так близко, цветы во мне цветут.

Я вечерами, читая вслух, и вчитываясь, слышу мне посторонний, но со мною созвучный голос, и невольно прислушиваюсь, не узнаю, не верю: откуда? – из какой глубины подымается песня – моя весенняя эпиталама.

И с моим пропадом мое слово, музыка, весенний воздух, весенняя песня – куда вы уйдете? И никого-то на земле, кто меня слышал: Брюсов, Андрей Белый, Блок, Волошин, З.Гиппиус, Гумилев, Есенин, Кузмин, Сологуб, Вяч. Иванов, Замятин – одни немые кресты на могиле да бескрестные ('Начало слов', *Иверень*).

Оглядываясь на пройденный путь, А.М. написал эти строчки в конце своей жизни.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕМИЗОВА

24 июня 1957 г. А.М. исполнилось 80 лет. Друзья решили отпраздновать его день рождения – восьмидесятилетний юбилей. В журналах и газетах Зарубежья появились статьи о Ремизове и его портреты. К этому дню близкие друзья А.М. – члены Обезьяньей Палаты – издали на свои средства и трудами Г.Чижова последнюю книжку в издательстве "Оплешник", *Круг счастья* – притчи царя Соломона. В день юбилея квартира на улице Буало не могла вместить всех, приходивших поздравить писателя. Было много писем и телеграмм. А.М. боялся утомления от многочисленных посетителей, но все сошло хорошо, он не слишком устал.

В июле я уехала из Парижа и вернулась в конце августа. Я нашла А.М. здоровым, но меня поразило его лихорадочное состояние, сказывавшееся в какой-то нервной торопливости. Когда я стала прощаться, вместо привычного: "идите тихо, идите спокойно..." А.М. проговорил: "Не оставляйте меня, Наташа, это мои последние дни".

А.М. чувствовал близость смерти и старался закончить начатые дела. А.М. хотелось жить: для него жизнь состояла в писательской работе. У него были задуманы: "Достоевский до каторги", "О русских революционерах", "Суфийская мудрость" (Сказанья секты Суфи, тексты которых переводил с персидского сосед, востоковед В.П.Никитин). Перед тем А.М. занимался поправкой и переделкой своих давних вещей (романы *Пруд*, *Плачужная канава*), но пришел к мысли, что этого не стоит делать: надо оставлять произведения в их первоначальном виде.

А.М. не боялся смерти и свободно говорил о своем конце. Он отлично знал и любил службы и обряды Православной Церкви, но его религиозность шла помимо Церкви. Ему представлялось, что земля окружена кольцом вихрей, и Бог находится за этим кольцом. Мир живых и мир умерших не соприкасаются. Моральный кодекс Ремизова был вполне христианский.

В один из дней октября А.М. попросил меня прочитать ему из его книги о Николае Чудотворце, о смерти св. Николая.

А когда ему пришло время отойти к вышним силам, слетели с небес ангелы Божии. Увидев ангелов, улыбнулся он и сказал: – Вот – исполнились мои дни. – Николай поднялся на свою последнюю молитву – о всех, кто прибегнет в нужде к имени его! – пусть Господь исполнит желание сердца их! – о тех, кто застигнут в бурю и призовет его! – пусть Господь

утишит волны! – и о тех, кто напишет его образ или повесть о его жизни – пусть Господь украсит их нищую жизнь! – и о всех больных, бездомных и отчаянных – пусть Господь не оставит их и укрепит!..

1 ноября 1957 г., как и в другие годы, в день всех святых, я пошла на кладбище Банье, на могилу Серафимы Павловны, и оттуда на улицу Буало. А.М. было холодно, и он ежился, сидя в кресле. Я рассказала ему, как много народу было возле кладбища: французы чтят память умерших. Люди шли густой толпой медленно и чинно, несли цветы. Я купила лиловые хризантемы. Стояла золотая осень, и все аллеи были устланы желтыми широкими листьями платана. Я собрала из них большой букет. Подойдя к могиле С.П., я уложила листья ковром, под зеленой елочкой. Я все это рассказывала; А.М. слушал, ничего не говоря, и курил. Потом он потушил папиросу: вошел В.П.Никитин, он был болен астмой. Никитин грузно сел на диван против А.М., он тяжело дышал. Чтобы заполнить молчание, я снова стала рассказывать о моем посещении кладбища. Не находя отклика, я остановилась. "А про ковер из листьев вы забыли. Расскажите", – сказал А.М.

В первых числах ноября у А.М. поднялась температура. В тот год в Париже распространилась эпидемия азиатского гриппа. Доктор В.М.Зернов приходил почти каждый день, давал антибиотики. Через несколько дней с А.М. случился небольшой удар – он уже не вставал с постели. Кроме мучительных припадков удушья (он с большим трудом откашливался), А.М. особенно не страдал. Рассудок его был вполне ясен, и память не изменяла ему. Он думал и говорил об очередных делах. Его радовала переписка с учеными в Москве и Ленинграде (Н.Гудзий, В.Малышев). Я сказала, что пошлю туда его архив. "Не торопитесь, Наташа, поработайте здесь. Там еще не настало мое время..."

А.М. стал чаще говорить о своей смерти: "Вам будет тяжело: самый трудный момент – начало панихиды – первые слова, когда прозвучит имя; затем, как бы волна отхлынет, делается легче". Меня очень смущало и тяготило данное мною когда-то А.М. обещание выполнить его волю: сжечь его прах ("моя стихия – огонь"). В отношении памяти С.П. исполнение воли А.М. было бы ужасно. А.М. сам заговорил об этом: "Запомните, что для меня это не имеет никакого значения, поступайте как хотите, как вам легче. Мне все равно". – Этим он снял с меня мучившее меня обещание. Я приходила с утра, часами сидела возле его постели. А.М. рассказывал свои сны. Я помню один сон: листы бумаги на столе поднялись к потолку, превра-

тились в листья деревьев и стали летать по комнате. А.М. почти ничего не ел, приходилось заставлять его пить.

А.М. похудел; как будто бы от него ничего не оставалось, кроме духа. Лежа в постели, он еще думал о прерванной работе. Многие друзья заходили справляться о состоянии А.М., поздравившись с ним и посидев на кухне — уходили. Л.Н.Замятина самоотверженно приходила почти каждый день помогать ухаживать за больным. Доктор В.М.Зернов приходил ежедневно. По его совету взяли на ночь медсестру, чтобы сделать укол в случае надобности. Достали аппарат с кислородом. А.М. кашлял, его мучили припадки удушья. Он говорил: "Вот навалится и задушит".

24 ноября я осталась ночевать у А.М. Вечером больному перестелили постель, и его посадили на край дивана, подперев подушками; я села рядом, поддерживая его. Он взял мою руку, говорил мне ласковые слова. Я поняла потом, что это было прощание. После всех приготовлений на ночь, надо было прочесть календарный листок с именами святых на следующий день, и проверка — нужные предметы должны были стоять на столе в определенном порядке: стакан, сироп от кашля, папиросы, мундштук, спички — я прилегла на диване. А.М. заснул спокойно. Мне приснилось, что он здоров и встает. Следующий день прошел спокойно, но А.М. видимо слабел. Заходили друзья, были Чижов, поэт Мамченко.

26 ноября я пришла с утра, была тихая пасмурная погода. Я читала *Соборян* — последнее, что А.М. просил ему читать. А.М. жаловался на боль в плече. К пяти часам пришел доктор, нашел состояние без изменения. Он считал, что конец близок, но не мог сказать, когда он может наступить. Впрочем, грипп уже прошел. А.М. лежал как будто в полусне, он спросил, что сказал доктор. Я повторила последние слова. "Теперь буду поворачиваться к жизни", — сказал А.М. Я подала градусник, А.М. поднес его к губам, как мундштук. Это было его единственное бессознательное движение. А.М. закрыл глаза и попросил, чтобы я читала. Я просидела часа полтора; А.М. спокойно дремал, потом заснул под мое чтение.

В семь часов за мною заехал муж. Я передала книгу Лескова Утенку. Она села на мое место. Через четверть часа после моего приезда домой раздался телефонный звонок. Утенок сообщил, что А.М. скончался в восемь часов вечера. Он не просыпался, только сильно вздохнул. Это было все — сон перешел в смерть.

CHRONOLOGY

1877	24 June/6 July	Aleksej Mixajlovič Remizov born in Moscow
1894		graduates from secondary school (<i>Aleksandrovscoe Kommerčeskoe Učilišče</i>)
		enters the University of Moscow (Natural Science Division)
1896	18 November	arrested at a student demonstration; permanently expelled from the University
1897		exiled to Penza; meets Vsevolod Mejerxol'd; takes part in organizing a summer public theater
1898		arrested and imprisoned in Penza for political work among railroad workers
1900		exiled to Ust'-Sisol'sk (Vologda Province)
1901		arranges for a transfer to Vologda where he makes the acquaintance of Berdjaev, Savinkov, Lunačarskij, Ščegolev, and his future wife, Serafima Pavlovna Dovgello
1902		first publication of an original work ("Ėpitalama. Plač devuški pered mužestvom") in the Moscow newspaper <i>Kur'er</i>
1903		end of exile; marriage

1904		daughter Nataša born; life in Xerson, Odessa and Kiev
1905		moves to St. Petersburg; works at the editorial offices of <i>Voprosy Žizni</i> ; meets leading Symbolist writers and artists (Aleksandr Blok, Andrej Belyj, Vasilij Rozanov, Mstislav Dobužinskij, Konstantin Somov, and others); is part of a lively literary and intellectual life
1907		publication of <i>Posolon'</i>
1908		<i>Prud</i> and <i>Časy</i> published
1910-1912		publication of <i>Sočinenija</i> in eight volumes by <i>Šipovnik</i> and <i>Sirin</i>
1918-1921		works at the Theatrical Section of the Commissariat of Education
1919	February	arrested and briefly detained by the Petrograd Cheka together with Aleksandr Blok, Ivanov-Razumnik and other writers who published in Socialist-Revolutionary publications
1907-1921		by Remizov's own account, thirty-seven books published
1921	August	with his wife leaves Russia for the West; brief stay in Revel' (Tallin)
1921-1923		lives in Berlin; during this period twenty-three books published
1923	November	leaves Berlin for Paris
1927		publication of <i>Vzvizrennaja Rus'</i> and <i>Olja</i>
1929		<i>Po karnizam</i> and <i>Tri serpa</i> , I
1930		<i>Tri serpa</i> , II; <i>Posolon'</i> (3rd ed.)
1931		<i>Obraz Nikolaja Čudotvorca</i>
1932		<i>Zvezda nadvezdnaja</i>

1941-1944		remains in Paris during the war and occupation; takes care of his wife during her last illness
	13 May 1943	Serafima Pavlovna dies;
	30 October 1943	his daughter Nataša dies in Kiev
1949		<i>Pljašuščij demon</i> published
1951		<i>Podstrižennymi glazami</i>
1952		<i>V rozovom bleske</i>
1950-1957		publications by <i>Oplešnik</i> , a private publishing enterprise organized and managed by his friends with the sole purpose of publishing the works of Remizov: <i>Povest' o dvux zverjax</i> , 1950 <i>Besnovatyje</i> , 1951 <i>Meljuzina</i> , 1952 <i>Myškina dudočka</i> , 1953 <i>Ogon' veščej</i> , 1954 <i>Martyn Zadeka</i> , 1954 <i>Tristan i Isol'da</i> , 1957 <i>Krug sčast'ja</i> , 1957
1957	June	celebration of his 80th anniversary
	26 November	dies at his home (7, rue Boileau).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Introduction by <i>Olga Raevsky Hughes</i>	7
Живая память	19
«Посолонь»	32
Наташа Ремизова	44
Первое знакомство	60
Ремизовы в Париже	70
Война. Сороковые годы	94
Пятидесятые годы	105
Образ Ремизова, им самим создаваемый	133
Последние дни Ремизова	142
Chronology	145

Parts of this book have appeared previously: “Živaja pamjat” in *Mosty*, no. 13–14 (1968); “Načalo pjatidesjatyx godov” in *Novyj Žurnal*, no. 107 (1972); “Pjatidesjatye gody” in *Novyj Žurnal*, no. 115 (1974); “A. M. Remizov o sebe” in *Novyj Žurnal*, no. 118 (1975); “Aleksej Remizov v Pariže” in *Vestnik R.X.D.*, no. 121 (1977); “Poslednie dni Remizova” in *Russkaja Mysl'* (Paris), no. 3181, 8 Dec. 1977.

Photographs 1–7 are from the archives of Natalie Reznikoff. Photograph 8 reproduces a drawing by Alexey Remizov from the collection of Thomas P. Whitney.

Berkeley Slavic Specialties
P.O. Box 4605
Berkeley, California 94704 U.S.A.

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE

STUDIES AND TEXTS

1. **Глеб Струве.** К истории русской поэзии конца 1910-х — начала 1920-х годов. 1979.
ISBN 0-933884-08-7
2. **К. Н. Бугаева.** Воспоминания о Белом.
ISBN 0-933884-15-X
3. **Валентина Ходасевич и Ольга Марголина-Ходасевич.** Неизданные письма к Н. Н. Берберовой.
Second edition in preparation.
4. **Н. В. Резникова.** Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. 1980.
ISBN 0-933884-14-1
5. **В. Н. Топоров.** Блок и Ахматова.
ISBN 0-933884-16-8
6. **Борис Поплавский.** Флаги. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 1). 1980.
ISBN 0-933884-12-5
7. **Алексей Ремизов.** Иверень.
8. **Борис Поплавский.** Снежный час. (*Собрание сочинений*, том 2).
ISBN 0-933884-13-3